

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2024 17 (5)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2024 17(5)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Erihplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 5. 29.05.2024. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79, оф. 32-03

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 13.05.2024. Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 15,8.
Уч.-изд. л. 15,3. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 20996.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Ближевский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Б. В. Марков**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- О. Г. Смолянинова**, д-р пед. наук, профессор, академик РАО, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразаева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Liudmila V. Kulikova The University Modus Vivendi of the Philologist/Linguist Today: Quo Vadis, Who Orders, How the “Digit” Will Respond to the Word	840
Olga A. Suleimanova and Irina V. Tivyaeva Anthropocentric Turn in Linguistics Through the Digital Lens: Evidence from Analyses of Russian Mnemonic Verbs	847
Wang Shuen, Chen Zhaoming and He Hao The Innovation and Practice of Joint Talent Training Model of Chinese, Russian and Mongolian Universities under the Background of “One Belt and One Road”	862
Anna T. Litovkina Main Mechanisms of Proverb Variation in Anglo-American Anti-Proverbs about Children	870
Polina Oleneva Cognitive Perspective of English Money Proverbs	882
Khau Hoang Anh, Nguyen Binh Phuong Thao and Ngo So Phe Students’ remarks on Google’s translated texts of English proverbs into Vietnamese	892
Svetlana Iu. Toldova and Elena O. Sokur Building an Open Corpus and a Morphological Parser for Corpus Annotation for Standard Dargwa	905
Galina A. Koptina, Anastasiia N. Rowe (Zabrodina) and Greta A. Tsaturyan Trigger Statements as an Object of Linguistic Research: The Problem of Definition and Its Identification Criteria	916
Maxim N. Latu Peculiarities of Negative Evaluation in Conflict Polycode Texts	926
Iana A. Volkova Destructive Texts in Mass Media: Identification and Parameterization Issues	938
Maria I. Baranova and Svetlana Yu. Pavlina Intertextuality as a Driver of Multimodal Creativity in Political Advertising	950
Irina V. Evseeva and Inga A. Slavkina The Strategy of Legitimization of Russian Obscene Language in Public Discourse as a Realization of Destructive Ideology	963
Irina G. Nagibina, Ludmila V. Kulikova and Yu Zhang Construction of Media Image of “Special Military Operation” in Chinese Media	977
Anastasia A. Grigoryeva and Mira B. Bergelson Alaskan English: Regional, Generational, Ethnic and Cultural Peculiarities	993
Zulaikhat M. Mallaeva and Sabina N. Khanbalaeva Principles and Models of Space Structuring by Locative Cases of Dagestani Languages	1005
Natalia A. Sergienko, Vasiliy M. Glushak and Yelena Yu. Orekhova The Role of Categorical Dominants in the Typology of Linguistic Cultures (on the Example of the Linguistic Subsphere FAMILY)	1019

EDN: AIIWAT
УДК 80

The University Modus Vivendi of the Philologist/Linguist Today: Quo Vadis, Who Orders, How the “Digit” Will Respond to the Word

Liudmila V. Kulikova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 08.01.2024, received in revised form 14.01.2024, accepted 19.03.2024

Abstract. The article briefly analyzes the academic context of philological directions at the present stage, new challenges for the sphere, and the main missions within the framework of today’s geopolitical situation; focuses attention on problematic issues of graduates’ professional prospects; highlights the aspect of digital reality for linguistic and philological specialties and the scientific and educational agenda in general.

Keywords: training of philologists and linguists of the digital era, humanitarian missions of the direction, modern geopolitical context of the sphere.

Research area: social structure, social institutions and processes; media communications and journalism.

Citation: Kulikova L. V. The university modus vivendi of the philologist/linguist today: Quo vadis, who orders, how the “digit” will respond to the word. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 840–846. EDN: AIIWAT

Университетский Modus Vivendi филолога / лингвиста сегодня: Quo Vadis, кто заказывает, как «Цифра» Слову отзовётся

Л.В. Куликова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье кратко анализируется академический контекст филологических направлений на современном этапе, новые вызовы для отрасли, основные миссии в рамках сегодняшней геополитической ситуации; акцентируется внимание на проблемных вопросах профессиональных перспектив выпускников и их целевых заказах; фокусируется аспект цифровой реальности для лингвистических филологических специальностей и научно-образовательной агенды в целом.

Ключевые слова: подготовка филологов-лингвистов цифровой эпохи, гуманитарные миссии направления, современный геополитический контекст отрасли.

По материалам пленарного выступления на заседании филологической секции Российского профессорского собрания 2023.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Цитирование: Куликова Л.В. Университетский Modus Vivendi филолога / лингвиста сегодня: Quo Vadis, кто заказывает, как «Цифра» Слову отзовётся. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 840–846. EDN: АПWAT

«В начале было Слово, а в конце уже явно будет Цифра»

М. Симоньян
в одном из медийных выступлений

Трансформация российского академического пространства, обусловленная вызовами дигитального наступления, процессами цивилизационных геополитических изменений, новыми запросами рынка труда и перестройкой в целом образовательного ландшафта в России, формирует, соответственно, спектр значимых вопросов и для актуальной агенды филологического научно-образовательного сообщества.

Цель данной статьи обозначить некоторые из таких вопросов, попытаться включить всех нас, коллег «одного цеха», в разговор

о сегодняшних вызовах, проблемах, перспективах филологической отрасли и, собственно, поучаствовать в консолидации нашего направления.

Задавая вопрос с позиции ожиданий и возможностей филологов/ лингвистов в эпоху инноваций *Quo vadis*, или каковы сегодня устремления филологического образования, хотелось бы выделить, прежде всего, его многоуровневую миссию, суть которой очевидно в обеспечении и сохранении культурно-ценностного суверенитета страны (наравне с акцентируемым сегодня

технологическим суверенитетом). Кроме того, это интеллектуализация страны как важный стратегический вектор продвижения России и (что особенно важно сегодня) вклад в медиаинформационное противостояние в международном пространстве на основе разрабатываемых междисциплинарных лингвотехнологий (см., напр., Лингвистика информационно-психологической войны, 2017; 2019; Приходько, 2023).

Безусловно, наш институциональный *modus vivendi* – образ и способ профессиональной деятельности – определяют в данный момент факторы современного контекста, которые имеет смысл дифференцировать на внешние и внутренние. При этом очевидно, что к внешним относятся (как минимум): геополитическая трансформация – (африкано)-Азиатский вектор российской/филологической науки и образования; продвижение наступательной научно-образовательной дипломатии России в странах СНГ и формирование «академических точек привлекательности» (русский язык как основа); а также концепция *cancel culture* западного мира или отмена русской культуры. Внутренний контекст, как представляется, обусловлен включенностью в решение задач Десятилетия науки и технологий в РФ; активной цифровизацией научно-образовательной среды; и культурно-стратегической модернизацией лингводидактического содержания (например, значительный пересмотр учебных ресурсов по иностранным языкам). Конечно, таких факторов существует гораздо больше, в статье подчеркиваются только самые яркие, на данный момент безальтернативно инфлюенсные/влиятельные для гуманитариев филологического спектра.

В целом задача подготовки специалиста-филолога фактически уже второй четверти 21 века (в том числе с учетом названного контекста) выглядит настолько же амбициозной, насколько отвечающей требованиям времени и вызовам инновационной экономики.

Вполне обоснованным в рамках новых подходов представляется обращение к атласу профессий будущего (<http://www.sberbank.ru/atlas>) по профилю нашей специ-

фики, поскольку вуз всегда должен быть ориентирован в подготовке своих специалистов в значительной степени на запросы следующих поколений.

Среди прочего на этом ресурсе можно найти: дизайнер виртуальных миров и эмоций, продюсер экспертно-смыслового поля, модератор социальных сетей платформ, цифровой лингвист-аналитик, разработчик лингвистических систем перевода, научный коммуникатор, медиатор науки/научной коммуникации, инфостилист, бренд-менеджер пространств (человек, который заполняет виртуальное пространство культурными смыслами), инфоаудитор, консультант по ведению личного профиля, кросс-культурный педагог, менеджер коботов (робот с обратной связью, специалист по общению между человеком и машиной), редактор агрегаторов контента и т.д.

На первый взгляд, все эти профессии выглядят не совсем реальными. Эту как бы нереальность им придает тот широкий перечень компетенций, которыми должен обладать современный лингвист, филолог в широком смысле слова, и которые, в свою очередь, обеспечат ему высокую конкурентоспособность на обновляющемся рынке труда.

Этот перечень компетенций в целом – успешная комбинация мягких и твердых навыков, или транспрофессионализм (мультипрофессионализм или полипрофессионализм) лингвиста, заключающийся в способности успешно работать в различных профессиональных сферах в силу высокого уровня адаптивных и коммуникативных способностей, готовности к различным форматам общения и международному сотрудничеству.

И мою уверенность в реальном транспрофессионализме наших сегодняшних выпускников подтверждают примеры их фактического трудоустройства: а именно, (здесь использую статистику своего института¹) молодые люди устраиваются достаточно часто не по прямому профилю специальности, а в очень даже разно-

¹ <https://ifiyak.sfu-kras.ru/>

образный спектр институций, например, таможня – эксперт отдела специальных таможенных процедур; городская администрация – специалист по связям с общественностью; библиотекарь; бортпроводник; преподаватель частной языковой школы; магистрант по другой специальности; учитель английского языка (Таиланд, Китай); сотрудник МВД etc.

В этой системе координат хотелось бы уделить внимание и еще одному достаточно неоднозначному вопросу, обусловленному факторами современного геополитического контекста. Речь о содержательном аспекте лингводидактики иностранных языков сегодня, которая, по сути, является одной из уязвимых, турбулентных областей в системе образования. Например, физика, математика, химия имеют некий экзистенциальный, универсальный характер, на содержание которых идеология и политика вряд ли влияют. А лингвистика всегда, по сути, была и остается идеологической дисциплиной. Стоит отметить, что по этому поводу в Российской академии образования состоялось обсуждение актуального вопроса «Формирование личностных качеств ученика на основе духовно-нравственных ценностей при изучении иностранного языка», в обсуждении которого приняли участие многие профильные специалисты, не только школьного, но и университетского уровней, а фокус внимания был сконцентрирован на таком аспекте, как содержание и акценты учебных материалов по иностранным языкам (в первую очередь по английскому языку). Обсуждался основной перечень учебников, которые используются в реализации образовательных программ по направлению «Лингвистика», анализировались некоторые смыслы и идеологемы, отражаемые в тех или иных тематических фрагментах (например, по теме «Семья», в разделе «Местоимения»), иначе говоря, так называемый заложенный в этих фрагментах социальный инжиниринг. Очевидно, что к обозначившейся проблематике необходимо будет отнестись внимательно с точки зрения трансляции иных подходов к смысловым

моментам существующих учебников, возможно изданию отечественных дидактических материалов, а также при подготовке педагогов-преподавателей иностранных языков в российских вузах в рамках формирования мировоззренческого менталитета обучающихся всех образовательных уровней в соответствии с ценностными приоритетами страны.

Второй сегмент в заголовке этой статьи (*Кто заказывает?*) подразумевает вопрос: кто формирует/дает заказ на наших выпускников филологических направлений сегодня. Хочется вспомнить в этой связи известные слова Р. Рождественского «*Филологов не понимает физтех, – молчит в темноте. Эти не понимают тех.*» Эта поэтическая аллюзия уже явно не так актуальна в наше время, но до конца не утратила свой посыл и в 21 веке.

Подчеркну еще раз, что образ жизни современного филолога, его картина мира и его «коммуникационный ландшафт» существенно меняются под влиянием цифровых технологий, социальных медиа и междисциплинарных траекторий исследований. В свою очередь, эти новации своевременно формируют рынок актуальных знаний и навыков, задают Агенду/повестку всем образовательным учреждениям.

Например, реестр профессий – рабочих мест, который мы превентивно тиражируем своим абитуриентам и их родителям на сайте нашей образовательной организации, представляется привлекательным, современным и достаточно обширным².

При этом отмечу, что к показателям деятельности университетов сегодня обязательным образом относятся аспект взаимодействия с работодателем и процент профильного трудоустройства выпускников наших направлений. Однако указанные позиции на данный момент вызывают ряд актуальных вопросов. А именно – насколько прозрачным, внятным и верифицированным является показатель конкретных структур и организаций разного уровня, которые входят в реальный список работо-

² <https://ifiyak.sfu-kras.ru/vozmozhnosti-professionalnoy-karery-vypusnikov-ifiyak/>

дателей, ежегодно предъявляющих/формулирующих запросы на выпускников наших филологических/лингвистических направлений? Для нашего региона, например, это, как правило, существенная лакуна. Возможно, что это является проблемным полем для многих региональных (а может и не только) университетов в отношении филологии и лингвистики, включая переводоведение.

Как Цифра Слову отзовется, или чем хороша vs опасна цифровизация носителям Слова – одна из интриг, вынесенных в реестр обсуждения перспектив филологического образования в рамках этой статьи. Прозвучавшая однажды в отечественном медийном пространстве фраза «Гуманизация искусственного интеллекта» вызывает соответствующий отклик – а может быть, это наша новая миссия?

Очень кстати звучат в этой связи слова О.К. Ирисхановой: «филология не потерялась и не растерялась в цифровом мире», «роль филологии и гуманитарных наук в целом в условиях цифровизации возрастает, хотя это утверждение и противоречит, на первый взгляд, наблюдаемой сегодня “моде” на технические и естественные науки» (Филология не потерялась... 2023).

Уже почти привычными стали терминологические сочетания *цифровой филолог* (Digital-филолог), *цифровой лингвист*, *цифровая классическая литература*, *лингвистическая база данных*, *NLP-инжиниринг*, *кибер-язык*, *цифровой язык*, *оцифрованный текст* и др. Формируются новые терминосистемы, реальностью в языке и в жизни становятся понятия *киберпартизаны*, *киберразведчики*, *кибервойска*, *киберпатрулирование* (см., напр., Копнина, Еремина, 2023) и т.д.

Ученые-филологи создают новые интернет-сайты, платформы, различные базы данных и корпуса текстов. Так, в институте филологии и языковой коммуникации СФУ за последние три года при поддержке проектов РФФИ созданы «Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья» (<http://angara.sfu-kras.ru/>); мультимодальный электрон-

ный корпус «Русский жестовый язык в Восточной Сибири» (<http://zhestysibiri.ru/>); электронная база «Соматическая лексика русского языка и его диалектов» (<http://vocabulary-frame.sfu-kras.ru/>) и др.

Практически в каждой современной IT-корпорации, технологической компании работают филологи (текстовики, как их иногда называют), и спрос на них растет. Если раньше говорили, что филолог – это не профессия, то теперь все чаще можно прочитать упоминание о цифровом филологе как «новой профессии». Университеты открывают образовательные программы по подготовке «грамотных в цифре» филологов, что явно будет решать актуальную проблему поиска общего языка между специалистами по лингвистике, литературоведению, искусственному интеллекту и переводчиками. Например, в РУДН – магистерская программа «Цифровые инновации в филологии», в МГЛУ – бакалавриат «Лингвистика в современной информационно-коммуникационной цифровой среде», в СФУ – магистерская программа «Прикладная и экспертная лингвистика» и т.д., примеров уже можно привести много.

Вносятся изменения в рабочие программы почти всех дисциплин по направлениям «Филология» и «Лингвистика» – добавляются темы, связанные с использованием достижений в области информационных технологий в работе филолога. Так, на занятиях по редактированию текста студентов знакомят с программами-помощниками «Главред» (<https://glvrd.ru/>), «Свежий взгляд» (<http://kirsanov.com/fresheye/>), «Морфологический анализатор» (<https://starlingdb.org/morph.htm>), условиями их успешного применения; на занятиях по методологии научного исследования – с программами автоматического анализа и лингвистической обработки текста (<https://rvb.ru/soft/catalogue/index.html>), работе с различными корпусами.

Кроме того, междисциплинарными коллективами с участием филологов/лингвистов (что является трендом научных штудий сегодня) активно разрабатываются программы-распознаватели вредоносного

(токсичного, манипулятивного, агрессивного и т.д.) контента. С июля 2022 года, насколько нам известно, идет разработка программы «Вебрь» на основе искусственного интеллекта, которая направлена на раннее выявление так называемых точек информационной напряжённости в текстах интернет-СМИ и других сетевых платформах. Под «точками информационной напряжённости» понимается информация, которая создает «угрозу причинения вреда жизни и здоровью россиян, имуществу и угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности» («Вебрь» будет бороться... 2022).

Создаются ресурсы по борьбе с фальсифицированной информацией. Один из последних таких продуктов в нашей стране – приложение «КиберПравда». В его основе математический алгоритм, позволяющий с помощью теории графов анализировать большие данные и присваивать сообщениям рейтинг достоверности (<https://cyberpravda.tilda.ws/russian>).

Метафорически говоря, тандем Цифры и Слова – это сегодня востребованный исследовательский вектор научного ландшафта страны, в рамках которого продуктивно развиваются и реализуются лингвоприкладные проекты в сфере таких современных направлений, как клиническая лингвистика, социально-языковая

инклюзия, автоматическая симплификация текстов и другие подобные разработки (Куликова, 2023; Бурмакина, Куликова и др., 2022; Бурмакина, Детинко и др., 2020; Бурмакина, Куликова и др., 2020).

Таким образом, сегодня на рынке труда востребованы лингвисты или филологи с широким спектром цифровых компетенций/грамотностей, которые способны научить машину создавать качественные новостные тексты, для людей с ограниченными возможностями автоматически переводить устную речь в текст с его последующей обработкой. Но чтобы научить машину воспроизводить и воспринимать когнитивную языковую деятельность человека, необходимо самому специалисту качественно владеть естественными языками, способами и методами его анализа, обработки и т.д. А это, прежде всего, подчеркивает необходимость фундаментальности и качества образования, про которые нам нельзя забывать при любых вызовах. Нельзя не согласиться с замечательной цитатой Михаила Ковальчука: «Главный талант, который имеет самый большой вес и востребованность в современном обществе – это интеллект!»³ Очевидно, что известный ученый подразумевал естественный!

³ «Картина мира с Михаилом Ковальчуком». Еженедельная авторская научно-познавательная программа. ТВ Культура.

Список литературы

«Вебрь» будет бороться с фейками. На создание системы выделяют десятки миллионов рублей. 26.07.2022. URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/07/26/vepr-budet-borotsja-s-fejkami-na-sozdanie-sistemy-vydeljajut-desjatki-millionov-rublej.html> (дата обращения: 28.09.2023).

«Филология не потерялась и не растерялась в цифровом мире» – ученые о роли филологии сегодня. 25.05.2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/51731/> (дата обращения: 26.09.2023).

Бурмакина Н.Г., Куликова Л.В., Попова Я.В. Интернационализация опыта клинической лингвистики: анализ европейских подходов к тестированию речевых нарушений афазического типа. *Политическая лингвистика*. 2020. 4(82). 81–88.

Бурмакина Н.Г., Куликова Л.В., Попова Я.В., Артемьева А.И. Формат текста как инклюзивная практика современного социума. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19(3). 607–626.

Копнина Г.А., Еремина Е.В. Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2023. 16(6). 895–910.

Куликова Л. В. Языковая инклюзия как потенциал междисциплинарных исследований и образовательный ресурс: мультикультурный опыт. *Terra Linguistica*. 2023. 14(2). 23–30. DOI: 10.18721/JHSS.14203

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I. А. А. Бернадская, И. В. Евсеева, Г. А. Копнина [и др.]; под ред. проф. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга II. А. А. Бернадская, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.]; под ред. проф. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 488.

Приходько М. В. *Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен (в контексте репрезентации «Торговой войны» в СМИ КНР и США)*: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 252.

Burmakina N. G., Detinko I. I., Kulikova L. V., Popova I. V. Speech disorders testing: practices of European and Russian clinical linguistics. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. 13(12). 1973–1984. DOI: 17516/1997–1370–0705.

References

“*Filologija ne poterialas’ i ne rasterialas’ v tsifrovom mire*” – *uchenye o roli filologii segodnia* [“*Philology is not lost or confused in the digital world*” – *the scientists about the role of philology today*]. 25.05.2023. Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/51731/> (accessed 26 September 2023).

“*Vepr*” *budet borot’sja s fejkami. Na sozdanie sistemy vydelaiaut desiatki millionov rublei* [“*Vepr*” *will fight fakes. Tens of millions of rubles are allocated to create the system*]. 26.07.2022. Available at: <https://www.ixbt.com/news/2022/07/26/vepr-budet-borotsja-s-fejkami-na-sozdanie-sistemy-vydeljajut-desiatki-millionov-rublej.html> (accessed 28 September 2023).

Burmakina N. G., Kulikova L. V., Popova I. V., Artemeva A. I. Format teksta kak inkluzivnaia praktika sovremennogo sociuma [The format of the text as an inclusive practice in modern society]. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2022, 19(3), 607–626. DOI: 10.21638/spbu09.2022.313.

Burmakina N. G., Detinko I. I., Kulikova L. V., Popova I. V. Speech disorders testing: practices of European and Russian clinical linguistics. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, 13(12), 1973–1984. DOI: 17516/1997–1370–0705.

Burmakina N. G., Kulikova L. V., Popova I. V. Internacionalizaciia opyta klinicheskoi lingvistiki: analiz evropeiskih podkhodov k testirovaniu rechevykh narushenii afazicheskogo tipa [Internationalization of clinical linguistics Ixperience: An analysis of European approaches to testing speech disorders in aphasia]. In: *Politicheskaia Lingvistika [Political Linguistics]*, 2020, 4(82), 81–88. DOI 10.26170/pl20–04–10.

Kopnina G. A., Eremina E. V. Osnovnye vektory razvitiia lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoi voiny [Main vectors of development of linguistics of the information-psychological war]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2023, 16(6), 895–910.

Kulikova L. V. Iazykovaia inkluziia kak potentsial mezhdisciplinarnykh issledovaniy i obrazovatel’nyi resurs: mul’tikul’turnyi opyt [Language inclusion as a potential for interdisciplinary research and educational resource: multicultural experience]. In: *Terra Linguistica*, 2023, 14(2), 23–30. DOI: 10.18721/JHSS.14203.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voiny [Linguistics of the information-psychological war]: Monograph. Book I. Ed. by Professor A. P. Skovorodnikov. Krasnoarsk, Siberian Federal University, 2017, 340.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voiny [Linguistics of the information-psychological war]: Monograph. Book II. Ed. by Professor A. P. Skovorodnikov. Krasnoarsk, Siberian Federal University, 2019, 488.

Prihod’ko M. V. *Informatsionnaia voina kak kognitivno-diskursivnyi fenomen (v kontekste reprezentatsii “Torgovoi voiny” v SMI KNR i SShA)* [Information war as a cognitive-discursive phenomenon (in the context of the representation of the “Trade War” in the media of the PRC and the USA)]: Thesis of Philology Cand., Moscow, 2023, 252.

EDN: FIVZHU
УДК 81'1; 81'37

Anthropocentric Turn in Linguistics Through the Digital Lens: Evidence from Analyses of Russian Mnemonic Verbs

Olga A. Suleimanova and Irina V. Tivyaeva*

*Moscow City University
Moscow, Russian Federation*

Received 08.01.2024, received in revised form 09.02.2024, accepted 19.03.2024

Abstract. The paper explores anthropocentric manifestations in both language and linguistic research. The research pursues a dual objective: firstly, to reconstruct the semantic field of verbs denoting mnemonic processes, considering taxonomical divisions into actions, processes and states; to specify the taxonomical status of the verb *помнить* (to remember) as a key verb in the cluster; and to analyze the manifestation of the + / – control semantic feature of these verbs. Secondly, to test the explanatory and research potential of three competing experimental formats: a human-based semantic experiment conducted through surveys of native speaker respondents; research engine-based experiments using Google and Bing search requests for word combinations where search engines function as a type of “collective respondent”; and the potential of neural networks for linguistic research. This approach combining three instrumental resources makes part of a fresh and innovative linguistic research procedure. The results of the research contribute to a more precise definition of the taxonomic specifics of the verb *помнить* (to remember) as an existential-resultative verb. The analyzed semantic cluster is described as divided into two semantic classes: “proper” memory verbs and their metaphorical semantic derivatives denoting speech acts. The behavior of these verbs concerning imperative forms and control features is also thoroughly analyzed.

Keywords: anthropocentric turn, semantic experiment, memory verbs, mnemonic processes, existential-resultative verb.

Research area: social structure, social institutions and processes. Russian language. The language of the Peoples of Russia.

Citation: Suleimanova O.A., Tivyaeva I.V. Anthropocentric Turn in Linguistics Through the Digital Lens: Evidence from Analyses of Russian Mnemonic Verbs. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 847–861. EDN: FIVZHU

Антропоцентрический поворот в лингвистике сквозь призму цифровых технологий: анализ русских мнемических глаголов

О.А. Сулейманова, И.В. Тивьяева

Московский городской педагогический университет

Российская Федерация, Москва

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются элементы проявления антропоцентризма в естественном языке на уровне глагольной семантики, а также некоторые аспекты перехода к антропоцентрической парадигме в лингвистических исследованиях. Авторы ставят две цели: во-первых, представить семантическое поле глаголов, обозначающих процессы памяти, с учетом таксономического деления на действия, процессы и состояния; уточнить таксономический статус глагола “помнить” как ключевого глагола памяти; проанализировать проявление семантической характеристики контролируемости действия у глаголов памяти. Во-вторых, протестировать экспланаторный и исследовательский потенциал трех экспериментальных форматов: семантического эксперимента с привлечением носителей языка; экспериментов с обращением к поисковым системам Google и Bing, в которых поисковые системы выступают в роли “коллективного респондента”; и экспериментов с привлечением средств генеративного искусственного интеллекта – больших языковых моделей, прошедших обучение на массивах текстов на естественном языке. Использование комплексной методологии анализа, сочетающего семантический эксперимент, опору на сетевые технологии и работу с большими языковыми моделями, а также новые полученные описания мнемических глаголов, составляют новизну работы. Результаты исследования позволили получить более точное определение таксономических характеристик глагола “помнить” как экзистенциально-результативного глагола. В структуре анализируемого семантического кластера были выделены два семантических класса: собственно глаголы памяти и их метафорические производные, обозначающие речевые акты. Проверка глаголов памяти на употребление в императивных формах и выявление признака контролируемости действия позволили уточнить семантическое описание указанного глагольного кластера.

Ключевые слова: антропоцентрический поворот, семантический эксперимент, глаголы памяти, мнемические процессы, экзистенциально-результативный глагол.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5 – русский язык, языки народов России.

Цитирование: Сулейманова О. А., Тивьяева И. В. Антропоцентрический поворот в лингвистике сквозь призму цифровых технологий: анализ русских мнемических глаголов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 847–861. EDN: FIVZUW

1. Introduction. Anthropocentric approach in semantic research

Anthropological turn in the 20th century science is reflected in anthropocentric

perspective in linguistics. Anthropological habitus of the word was accentuated as early as in P. Florenskii's and S.N. Bulgakov's philosophical discourse (Florenskii, 1990: 281, 293; Bulgakov,

1953: 24), supported by E. Benveniste declaring anthropocentric backbone of the language (Benveniste, 1974), to be followed by A. Peshkovskii's semantic description of preposition *за* (*behind*) with reference to the figure of an observer (Peshkovskii, 1957: 288). These ideas were supported in (Fillmore, 1981; Apresian 1995; Sulejmanova 2001), etc. (see the literature review in (Rakhilina, Testelets, 2016; Suleimanova, 1999: 66–76), with the research focus on lexical and syntactical means implying a human actor (recipient / observer / vantage point) as an inalienable participant of the state of affairs who registers what is going on around and reports to the text recipient. Crossdisciplinary studies relating the anthropological turn to visual and linguistic semiotics are now adding to this anthropocentric perspective (Suleimanova, Tivyayeva, 2023). It is the anthropocentric vector in linguistics together with cognitive studies that gave birth to cognitive linguistics which soon grew into the domineering linguistic paradigm (Potiakailo, 2022). We believe that the anthropocentric shift added to the emergence of cognitive linguistics.

Since pioneering works by A. M. Peshkovskii who introduced the figure of an implicit observer in whose perspective and through his eyes the semantics of preposition *за* (*behind*) is offered (Peshkovskii, 1956), references to the anthropocentric approach in research became a kind of topos (*Toposforschung*) scholars resort to in specifying the research perspective, in some cases without any substantiation with the practical data testifying to the human involvement in the event as a reference point.

We will try and focus on the variety of the latent anthropocentric means: these are **lexical markers**, e.g. the verbs of sense perceptions, such as *виднеться*, *показаться*, and others; prepositions (the statements below will be illustrated with examples taken from the Russian National Corpus (ruscorpora.ru) unless specified otherwise). Cf. English verbs of the same type *seem*, *appear*, which imply the figure of the implicit observer. Lexically represented, the observer has been given much attention, while **syntactic constructions** which imply this figure deserved less attention (Suleimanova, 1999; Pupylin, 1992). Impersonal

sentences denoting sense perception, either audial or visual or tactile often imply a person, an observer in whose perspective the state of affairs is featured: cf. *слышно, было видно, здесь холодно*, where the perceiver is not mentioned, though this person is the knowing eye. *При нас он позвонил в милицию: «Что у вас слышно?» – «Ничего».* *In front of us, he called the police headquarters: “Have you heard anything?” “Nope.”* (Russian National Corpus); ... *Не было слышно ни плача, ни крика. ... I couldn't hear any screaming or wailing* (Russian National Corpus); *Дверь открыта, и через проем видно, что люди идут и идут... останавливаются и молча смотрят на меня... The door was open, and through the doorway, I watched the people keep coming and coming... stopping there just to stare at me, speechless* (Russian National Corpus); *Если погода тихая... гладь... долго видно было, как они шли ко дну. If it was calm weather, a calm sea, you could watch them sinking for hours* (Russian National Corpus). Of special note here is the English translation when Russian impersonal sentences with the sense perception verb and the implicit observer call for a subject-predicate English proposition with the re-constructed explicit subject extracted from a wider context – it is either the *I* or *you* pronoun.

Cf. also *И слышно было до рассвета, как ликовал француз* (Borodino. М. Лермонтов). – *And till the sunrise I could manage to hear French triumph* (translated by M. Baulina), vs. Googled translation with the formal subject of the passive verb: *it was heard until dawn how the Frenchmen rejoiced.* (Of note here is another typical English rendering pattern when the original Russian sentence with the implicit observer resorts to the semantically impersonal formal *it*-subject.)

It is not always clear in the original through whose eyes the scene is translated to the reader who is left guessing, while translating into English the translator has to contextualize and explicate the viewer, cf., e.g., the fragment from *Master and Margarita* by M. Bulgakov:

Грозу унесло без следа, и, аркой перегнувшись через всю Москву, стояла в небе разноцветная радуга, пила воду

из Москвы-реки. На высоте, на холме, между двумя рощами **виделись** три темных силуэта – В воздухе **зашумело** ... – **видно** было, как в речном трамвае, проходившем мимо пристани, снесло у пассажиров несколько кепок в воду – *The storm was swept away without a trace, and, arching across the whole of Moscow, a multi-colored rainbow stood in the sky, drinking water from the Moskva River. At a height, on a hill, between two groves, three dark **silhouettes can be seen.** – **There was a noise** in the air ... – **it was seen** how in a river tram passing by the pier, several caps of passengers were blown into the water, where the scene is built through the eye of the omniscient narrator (in this novel the observing narrator is practically omnipresent which makes the narrative most dynamic).*

Basically, the anthropocentric perspective is also reflected in the cognitive metaphor where the human actor is the key domain which reframes the objects of a variety of target domains. In other words, the human actor is omnipresent in the language. The **research question** and the logic we pursue here is as follows: if the language is permeated by human perception, its investigation must be human-oriented as well, even in the methods applied.

We argue that research experimental procedures can be regarded as a further step towards the domineering anthropocentric linguistic paradigm.

The authors will focus on the anthropocentric approach towards semantic analysis of the words denoting cognitive processes of remembering represented in Russian verbs *помнить* and its derivatives, and *забывать*. Besides, we would like to test here the research with the experimental digital lens, i.e., the traditional semantic experiment supported by digital research engines, to be followed by neural network potential support, at least in the initial research phase.

This approach combining three instrumental resources makes part of a fresh and innovative linguistic research procedure while investigating lexical and syntactic semantics. As for the mnemonic verbs which constitute another goal pursued in the paper, the authors, relying on the suggested research design, offer

stricter definitions for the verbs in question, thus making the research innovative in this respect as well.

The research is grounded in corpus data from the Russian National Corpus (2023), supplemented by examples of statements retrieved through queries from Google and Bing resources. These sources are extensively utilized in contemporary cognitive studies to gather empirical material (Petrova, 2019; Suleimanova, Petrova, 2020; Tivyaeva, 2017; Morimoto, 2016, and others). The examined contexts were acquired through search operations employing keywords, with verbs representing fundamental memory processes and their derivatives serving as the focal points of this study.

2. Theoretical Framework

2.1. Prolegomena to Research:

Theoretical Background

Despite the fact that linguistics can offer comprehensive interpretations of memory representation, such as treating memory as lingua-cognitive system (Tivyaeva, 2017a, 2017b; Iskhakova, Khomiakova, 2009; Tarmaeva, 2010), relating memory to consciousness and thinking, remembering and reproducing mechanisms (Dmitrovskaja, 2001), semantic analysis of memory lexicon and remembering and forgetting (Amberber, 2007; Barancheeva, 2014; Kordi, 2020; Turovskii, 2001; Kubriakova, 2001), representation of memory in different languages (Tsentsner, 2012; Chertykova, 2014) it would be too early to say that, as of today, we see an integral exhaustive description of this conceptual field.

To render the research more compelling and to illustrate where and how the net can be instrumental, research-wise, the authors chose a most anthropocentric human domain representing the activities relating to memorizing and forgetting, i.e. Russian verbs representing mnemonic processes (MV) *помнить*, *вспоминать*, *запоминать* (*remember*, *recollect*, *reminisce*, *remind*, etc.) along with their derivatives, and *забыть* (*forget*). We agree with (Kubriakova, 2001) that human memory can be treated as a space, e.g. we can say *в моей памяти* (*in my memory*), *пришло на память* (*came to mind*, *из закоулков памяти* (*from*

the recesses of memory), *из глубин памяти* (*from the depths of memory*). Cf. also *All you have are the places in your memory that you can go to* (Me Before You, Jojo Moyes). *Gansey ran over the memory until he no longer felt the thrill of hearing Glendower's name whispered in his ear* (The Raven Cycle, M. Stiefvater). What follows is that there is a logical probability to either put into / retain in and download from this space some content, which is reflected in the choice of basic groups of verbs representing these acts: *запомнить* / *помнить* / *вспомнить* / *забыть* and their varieties conveying attendant circumstances. These can refer to *запоминать* representing the ongoing process of committing something to memory and often implying a continuous or repeated action of memorization as opposed to *запомнить*, which stands for the intentional act of committing something to memory. Another example is *позабывать* which is similar to *забыть*, the difference between the two lying in the fact that the latter indicates the loss or failure to recall while the former may accentuate a lack of care on the part of the subject with an emphasis on allowing something to fade from memory or neglecting to remember.

Taxonomically, the semantically cognate verbs of the same root can display substantial differences as to their characteristics as states, actions, processes which is reflected in their usage: *весел* (stative), *я веселюсь* (state as an activity), *я веселый* (property) (Shcherba, 1974: 90). Note that L. V. Shcherba (1974) related *state as an activity* to *states*. O. N. Seliverstova (1982) remarks that he seems to interpret *states* both as lexical meanings and as taxonomical meanings. We observe though that L. V. Shcherba does not define the term *state*, treating its interpretation as self-explaining, which makes a difference for our research. In many classifications the category of state involves all copula verbs, such as *love*, *hate*, *мне грустно*, *я студент*, *он курящий*, *я в пятом классе*, which can be challenged. O. N. Seliverstova (1982: 87–91) suggested well-elaborated criteria the *states* are to meet. In Shcherba's perspective MV *помнить* can be qualified as *state as an activity*, cf. also treating *помнить* as a predicate of *state* (Turovskii, 2001), while

it does not meet all of the requirements such predicates have to (see Seliverstova, 1982), and can be qualified as existential-resultative (экзистенциально-результативный). We will prove it below with these criteria and a series of tests.

Most of Russian memory verbs develop a metaphorical meaning denoting speech acts, such as **memorizing act – its verbal representation**, speech act, as a result of changing perception modality, cf. *напомнить*: *я напомнил ему его слова / его слова напомнили мне о моей ошибке* (*remind, I reminded him his words, his words reminded me of my mistake*); *вспомнить*: *вспоминай обо мне / он вспомнил (упомянул) о моем докладе в своей речи* (*remember, remember me, he mentioned my report in his speech*); *припомнить*: *Он припомнил мне мои слова / я припомнила* (*recall, he marked my words, I recalled*).

The **objective** of the paper focuses on semantics of verbs representing memory processes. It offers a kind of multilevel matrix hierarchy which covers higher categories: aspect, tense; the next level is taxonomy determined by criteria of process, action, property (quality), etc., and lexis. Special status of the semantic dominant in the memory verb *помнить* is analyzed. The second objective the authors chose to pursue is the focus on the research potential of digital research engines.

2.2. Linguistic experiment as a step towards anthropocentric research procedures

Cognitive linguistics with its strong focus on the cognitive abilities and their manifestations in the language treats the human being as the starting and finalizing actor of communication. This focus explains why research procedures are expected to involve active working human agents used in different capacities. We argue here that what does deserve attention is relating human-based research approaches to this paradigm, first and foremost, experimental procedures involving native speakers, digital engines “competing” with the human-operated experiment, to finalize the study with evaluating the research potential of neural networks for the linguistic research.

Table 1. Attributive word combinations (retrieved 04.01.2024)

Search engine inquiry	Google	Bing
красивая умная женщина	10 200	10 500
умная красивая женщина	9 800	9 670
красивая молодая женщина	2 110 000	91 800
молодая красивая женщина	1 670 000	38 100
a fat old woman	722 000	1 540 000
an old fat woman	714 000	680 000
healthy nourishing food	11 300	18 000
nourishing healthy food	8 290	20

We believe that the operating research procedures can be divided into at least two types with the reference to human agents involvement: analyzing the text as the final product, without the researcher's interference into text production, or the text-oriented approach, on the one hand, and the research involving the researcher's interference (changing the original text = experimenting with it). The point is that the changes can be researcher-dependent as well as digitally processed by the researcher. In other words, we, accordingly, distinguish three types of experiments, the first being rather "traditional", the one which implies a human participant (a native speaker who evaluates the suggested texts either as correct / incorrect (semantic experiment), or chooses the text (fragments) answering the suggested criteria (sociolinguistics), or offering the associations (psycholinguistics), etc.).

The semantic human-based experiment in our case was carried out according to well-elaborated requirements (see Scherba 1974; Suleimanova 1999), i.e. native speakers were asked to estimate the suggested utterances-either taken from the corpora or generated by the researcher in accordance with the hypothesis-with reference to the norms of the language. Seven informants were involved, which is proved sufficient for the semantic experiment (contrary to, say, psycholinguistic ones which call for many more respondents). The semantic experiment engages the informants who have to answer the criteria to follow: they have to have a degree in humanities and work as professional editors, professors and post graduates in linguistics.

In our experiment, for example, we claim that the verb *упомнить* conveys the information that the action is not controlled which implies that it should not co-occur with the imperative. We generate the sentences with this verb in the imperative form, e.g. **постарайся упомянуть то, что я тебе скажу*, which is estimated by all the informants as incorrect. What follows is that this activity cannot be controlled, and the hypothesis is valid. All the verbs underwent this procedure (the authors as native speakers can also take part in the experiment, and this introspection cannot be challenged as the researcher has the right to deem the sentence as either correct or incorrect, like other informants).

All of these involve a human actor, an informant. The second type, a relative newcomer to linguistic research procedures, is search engines which can work as a "collective" informant, e.g., the researcher may be interested in the variations of the word order (WO) in the attributive group, which is presumably indicative of the culturally relevant preferences. In this case the competing combinations are googled, the resulting statistics testifies to the acceptability / unacceptability of the text fragment, besides, it makes prominent cultural or individual preferences. Take, for example, two attributive groups *a fat old lady* vs *an old fat lady* and corresponding Russian word combinations. We can make several important claims concerning these units. First, we have to challenge the views concerning WO rules in a variety of textbooks which have the bragging right! Both of the phrases *a fat old lady*

/ *an old fat lady*, or *healthy nourishing food* / *nourishing healthy food* contradict each other, i.e., some claim that the attributes must abide by the rule while others believe in another WO (Suleimanova, Petrova 2020), and both are acceptable. We rely here on the theory of classes which states that the attribute preceding the noun defines the subclass of objects the given object belongs to while the second-to-left attribute further narrows the subclass: *a girl* – *a beautiful girl* – *a smart beautiful girl* finally reduces the class of reference. The hypotheses the authors pursued was that the closest-to-the-noun attribute defines a **most culturally relevant** subclass of objects in case it is the most frequent in big databases. The second point is that the above pairs are different statistics-wise. Cf. also Russian utterances *красивая умная женщина* vs *умная красивая женщина*, *молодая красивая женщина* vs *красивая молодая женщина*. See Table 1 above.

The data from Table 1 empower the researcher to claim that for the Russian world picture the features *умная* (according to both resources) vs *красивая*, and *молодая* vs *красивая* in women are only slightly more relevant, but the regular correlations between two search engines, when *красивая умная* and *умная красивая* are proportionally related to each other, signals about stable-though almost 4 % negligible – difference in cultural perceptions. True it is that the language often registers the oncoming tendencies, and we may face here such a trend towards the equality features. What concerns another pair with *красивая молодая* vs *молодая красивая*, the proportion within Google data and Bing data pairs is practically similar, though the absolute numbers are different.

It should be noted, however, that there are certain discrepancies observed in the results returned by Google and Bing. While figures 10,200 and 10,500 standing for *красивая умная женщина* are quite adequate, the spread between the number of occurrences for *nourishing healthy food* returned by Google and Bing may be a brow raiser. At a closer look, there is nothing misleading about the results as the two search engines employ different web indexing and crawling algorithms, the former

indexing hundreds of billions of webpages and the latter covering between 8 to 14 billion web pages. What is important is that the results returned by both Google and Bing still testify to the authors' hypothesis concerning the culturally determined preferences.

This experiment can be combined with the previous procedure, thus forming triangulation verification of the hypothesis. In such cases when the same result is achieved through applying different research methods the final result is more compelling and can be fully relied on. In other words, here again notwithstanding digital form the human actor who is setting / generating the experimental sampling and stating the task is involved.

Proceed to the number three research method, that can add to the two above ones. It is an absolute newcomer to the cognitive semantics research field whose research potential is waiting to be evaluated while in other avenues of language studies it has already proven to be efficient (see, for instance, Dynel, 2023; Lin, 2023; Schwitzgebel et al. 2023; Curry et al., 2024). In this study neural networks were used as a “collective” informant as they rely on large language models pre-trained on vast numbers of text documents and operating on the basis of their knowledge about semantic and syntactic relations inherent in human language corpora. As large language models have access to large text arrays and process statistically significant data on relations between language units, they can potentially generate more or less reliable conclusions about the use of language elements, although one should be aware of their limitations and possible risks as shown in (Sobieszek, Price, 2022; Alawida et al., 2023; Spitale et al., 2023).

We suggest, though, referring to generative artificial intelligence tools at the initial stage of research and retrieving relevant data can be insightful to a certain extent.

3. Research Methods

The research methods we practice hit two goals: they are relied on in determining the word meaning (the object is the MV *помнить*), besides, they make, at the same time, the research subject-matter themselves, their explan-

atory potential is tested. We will start with evaluating potential of imperative tests, then proceed to testing the MVs through double digital lens – search engines and large language models.

4. Results and discussion

4.1. Imperative as a semantic testing instrument

Why opting for this particular test variety?

We argue that this test is one of the most indicative as it helps define verb categorial semantics and reveal + / – **control** feature in the word semantics, which enables the researcher to outline the role of the protagonist as regards his activity and predicate categorial semantics (see details in Table 2 below). +**Control** launches memorizing *вспоминай, запоминай, помни, забудь* and even *?припоминай (?постарайся припомнить)*, or realize it *вспомни, запомни*. –**Control** prevents launching **упомни, *упоминай не забудь*, or interfering with the process, or perfect forms: **не помни, *не вспомни, *не запомни, не припомни, не упомни*, but allows warning: *не забывай об этом*.

This negative imperative tests positive with speech acts in imperfect forms

не вспоминай, and negative in perfect forms **не вспомни*. True it is that one can stimulate into action using positive perfect imperative, but it is impossible to control the result **не запомни; не упоминай –*не упомни; не припоминай –*не припомни; не напоминай – *не напомни*.

In other words, aspect features together with lexical semantics take their toll on the verb behavior in negative imperative (this test and results interpretation are shown in Table 2 below).

4.2. Taxonomical Profiling of MVs:

relating to the time axis

The MV focuses on a variety of the characteristics of the mnemonic process, the verbs morph into semantic oppositions to form a matrix of crisscrossing and overlapping oppositions, with the key criteria relating to how the verb behaves with the reference to the time axis: either it develops in the time (acts), or not (processes, states, etc.). This characteristic is in its turn manifested through a variety of criteria, such as +/- **control** feature, for example.

We will be distinguishing properties (qualities), activities, processes and abide by

Table 2. Testing memory verbs in imperative form

Verb aspect	Verb	Positive Imperative	Negative Imperative
Perfect	Вспомнить	Вспомни	*Не вспомни
Imperfect	Вспоминать	Вспоминай	? Не вспоминай
	Speech act	<i>вспоминай / вспомни</i>	<i>не вспоминай / *не вспомни</i>
Perfect	Запомнить	Запомни	*Не запомни
Imperfect	Запоминать	Запоминай	*Не запоминай
Perfect	Напомнить	*Напомни	*Не напомни
Imperfect	Напоминать	Напоминай	Не напоминай
	Speech act	<i>Напоминай</i>	<i>Не напоминай / не напомни</i>
Perfect	Припомнить	Припомни	*Не припомни
Imperfect	Припоминать	Припоминай	? Не припоминай
	Speech act	<i>Припомни</i>	<i>*Не припомни</i>
???	Помнить	Помни	*Не помни
Perfect	Забывать	Забудь	Не забудь
Imperfect	Забывать	*Забывай	Не забывай

a more strict interpretation of states. We do admit though that *помнить* displays some features typical of states: it cannot be used in answering the questions of the type *What are you doing?* – **сиджу и помню* (**I am sitting and remembering*). **стараюсь помнить*. *Что ты делал вчера в 7 вечера* – **сидел и помнил / *забывал* (cf. active predicate *сидел и вспоминал*). Cf. though *сиджу и вспоминаю / *запоминаю / стараюсь / пытаюсь вспомнить / припомнить / запомнить* (*sitting and trying to recall*), where the predicates convey actions, the doers apply some force to realizing the actions.

States do not accept perfect forms and do not obey the +**control** feature: **будь грустным*. *Что он сделал?* –? *Просто помнил об этом и ничего не сделал*.

Note though that most MVs can represent an event as +**control**, at least at one of the moments / stages: *вспомни, забудь, запомни, запоминай* and even *помни*. Meanwhile, not all of them can accept the negative imperative – *не забудь, не забывай, не упоминай, *не помни об этом, *не запоминай*. (It is possible to say *не помни зла*, where the idiomatic word combination is used as a kind of warning to the listener (Birulin 1994, 105)). They are, as well as speech acts, actions in the imperfect forms, and results in the perfect form. What follows is the ability of perfect forms to qualify the event as a momentary achievement of results, which is manifested in the inability of MV to combine with adverbs denoting degree and measure, for they characterize the event as developing in time / measure dimensions: **немного / *очень забыть* (Turovskii, 2001), cf. **немного вспомнить и запомнить*.

In other words, MVs engage in lexical oppositions, on the one hand, which are superimposed on the opposition memory vs speech act, and the aspectual characteristics. This matrix is supplemented by the relations towards the time axis.

4.3. Semantics of *помнить*

The key MV is *помнить*, it is a yeomen of the memory lanes and supports and guards the memory space, while other verbs denote

onetime entrances and exits into and from the memory space. It is an existential-result predicate, which is supported by its usage: it is not used in the perfect form, does not combine with adverbs which indicate application of the force **Я напряженно помнил, или *он с горечью / радостью помнил vs вспоминал*. Nor does it denote momentary actions, cf. **помнить один момент*, though it is possible to say *он помнил об этом всего одну минуту и тут же забыл*, where the state of affairs is conceived as not quite normal due to the word *всего*. Other possible intensifiers *только, всего, даже* also signal about deviations and can break the ban on *помнить* combining with adverbs / particles denoting a momentary action.

Помнить does not represent repeated iterative actions: **он помнил об этом время от времени – вспоминал время от времени* (**помнил всего всю жизнь*). Besides, this predicate is used with the positive imperative *помни меня (вспоминай обо мне), помни, что я тебе говорила* and, on the contrary, does not admit a negative imperative **не помни*.

To sum it up, the reminiscing subject possesses the knowledge which was generated as a result of memorizing; the resulting knowledge is saved in the reminiscing subject's conscience: *Лето семнадцатого года **помню** как начало какой-то тяжелой болезни, когда уже чувствуешь, что болен, что голова горит, мысли путаются, окружающее приобретает какую-то жуткую сущность, но когда еще держишься на ногах и чего-то еще ждешь в горячем напряжении всех последних телесных и душевных сил* (*Cursed Days. I. Bunin*). – *I remember the summer of the seventeenth year as the beginning of some serious illness, when you already feel that you are sick, that your head is burning, your thoughts are confused, the environment acquires some kind of terrible essence, but when you are still on your feet and waiting for something else in the feverish tension of all the last bodily and mental forces.*

4.4. Digital profiling potential

As one of the fundamental principles of the scientific method is experiment reproduc-

Table 3. Google Experiment Results

Verb	Positive imperative	Returned results	Negative imperative	Returned results
Вспомнить	Вспомни	3 830 000	Не вспомни	8 580
Вспоминать	Вспоминай	1 260 000	Не вспоминай	434 000
Запомнить	Запомни	17 300 000	Не запомни	4 810
Запоминать	Запоминай	782 000	Не запоминай	13 700
Напомнить	Напомни	1 830 000	Не напомни	2 910
Напоминать	Напоминай	214 000	Не напоминай	99 800
Припомнить	Припомни	1 130 000	Не припомни	2 220
Припоминать	Припоминай	12 100	Не припоминай	2 380
Помнить	Помни	12 600 000	Не помни	451 000
Забыть	Забудь	14 000 000	Не забудь	15 700 000
Забывать	Забывай	6 260 000	Не забывай	6 770 000

ibility, which refers to the ability to replicate and reproduce the results of a scientific experiment, it is important to check whether similar or identical results will be obtained if the experiment is reproduced with the same empirical data and search queries but under different sources of language data. This threefold approach is meant to enhance the credibility of the results and contributes to the overall reliability of the conclusions made by the authors.

We will try and assess the explanatory potential of digital engines as compared to human involvement.

Experiment 1. Native Speakers

First we refer to native speakers as a verification instrument, as a reference, an absolute judgement (which will be complemented with the digital procedure results available in the next step – Experiments 2 and 3).

What the experiment revealed:

– Speech acts take on both positive and negative, and perfect and imperfect forms

напомни / напоминай мне об этом почаще, больше никогда не напоминай мне об этом.

– Perfect positive is valid both for speech acts and MV: *забудь об этом, вспомни, где ты вчера его встретил, ваша речь напомнила мне слова ученого, попомни мои слова, напомни, пожалуйста, мне. (Напомнить is*

an exception, but the ban is accounted for by the fact that formally the sentence subject represents an “agent” who / which does not apply any force to realize the action in the memory of the reminiscing subject, it does it due to its internal characteristic. – *Петя напомнил мне тебя в молодости. Эта картина напомнила мне мое детство.*

– Negative imperfect imperative which requests to stop a +**control** action (Birulin, 1994) allows for +**control** verbs only *не читай / поминай его имя всуе, не забывай, не вспоминай об этом* (in the latter case we observe ambiguity due to two possible interpretations: either a direct or metaphorical meaning, or both as we may mean a cognitive effort, or an attendant speech act).

– Negative perfect imperative is a warning alerting the recipient against some +**control** act (Birulin, 1994: 105), it allows for verbs *не забудь, постарайся не забыть* (efforts are applied), and bans **не вспомни / припомни / упомяни*, which feature -**control**.

The analyzed verbs enjoy a variety of degrees of control: imperfect implies potential interference into the process (it explains incorrect **забывай*), while the warning is correct *не забывай*. In offers a valuable prognostic instrument, it will be relied on in its explanatory potential both in Experiment 1 with participation of native speakers and in Experiment 2 based on digital resources.

Experiment 2. Research engines

While in the first step of the research procedure, the tests were run with native speakers, in the second experiment the same search queries were addressed to Google. The relevant results including numbers were then processed and analyzed. The Table 3 above features results obtained for the listed key words (retrieved on November 27, 2023).

While some of the results returned by Google may seem contradicting to the results of the first experiment, there is no contradiction here as the minor differences that were registered in the queries returned from native speakers and from Google (for instance, for **не вспомни*) can be neglected. Allowances should be made for Google algorithms that include into results samples that can be grammatically unacceptable, e.g. *Я убью себя, И никто меня не вспомни его жена о паспорте на имя Шмаишковского, так бы и продолжал Успенский жить в какой-нибудь тихой заводи*) or are stylistically marked, e.g. *Махаоны летят на запад, Если дует с востока ветер. Если жемчуг в моей ладони, Если бьются о сердце волны, Если ты меня тоже понял, Забывай меня и не вспомни!* The same is true for **не запомни* which, except for a number of irrelevant contexts, can be used in stylistically marked sentences, supported by the particle *поди*, meaning *попробуй (try to)*: e.g. *Словом, этот мальчик запомнился хорошо, да поди не запомни такого открытого и улыбочивого ребёнка; А поди меня не запомни с таким рыжым Лёней!*

The corollary runs as follows: Google is very helpful in semantic research, especially when big statistics comes into play, though statistically marginal data cannot be completely trusted. Still, the human check is always a must, and the corrections should tackle the points to follow: since it is impossible to distinguish meanings in polysemantic words, second, the human check of big data is impossible, so linguistics faces the problem of suggesting formal contextual criteria which will signal which of the meanings is realized in each particular case. This is an outstanding issue. In our case two clearly different meanings – that of a

speech act and MV – are not distinguished, and what the obtained figures represent is the number of the words forms only. That is why Table 3 is less informative than Table 2, and the line referring to specifically speech acts is missing.

Experiment 3. Neural Networks

In Experiment 3 the same queries were addressed to ChatGPT 3.5 – a product of OpenAI's GPT 3.5 language model which is trained to generate human-like text. The following request was addressed to ChatGPT 3.5: *We are doing research on memory verbs in Russian. Can you help and say whether the following verb forms are allowed in Russian or not. Comments will be appreciated.*

Table 4 is understandably even less informative than Table 3, for a variety of reasons. First, Google, as well as text corpora, does not generate texts. Both rely on what was produced by others, while neural networks operate on the rules they deduce from large textual data and generate their own texts. It explains why all of the MVs are assessed as acceptable. The neural network does not offer any – extremely precious for a linguist – “negative language material” (Shcherba, 1974), which is crucial for experimental linguistic research. Second, the explanations ChatGPT generated focus on very general characteristics: they state that the negative / positive imperatives are valid in Russian, singular or plural, used when addressing one or many people, specify the degree of formality. For instance: *Не вспомни is the singular, informal negated imperative form. It is used when addressing one person informally, or Не вспоминай is the singular, formal or plural negated imperative form. It can be used when addressing one person formally (using the polite “вы” form) or when addressing multiple people.* (The authors changed in all quotations here and below bracketed orthography “не вспоминай” into bold type **не вспоминай**.)

Occasionally ChatGPT 3.5 declares that “the choice between them depends on the context and the level of formality in the communication” (OpenAI, 2023).

The same results were returned for **не запомни / *не запоминай* and **не напомним / *не напоминай*: *The phrases не запомни and*

Table 4. ChatGPT 3.5 Results

Verb	Positive imperative	ChatGPT 3.5 data	Negative imperative	ChatGPT 3.5 data
Вспомнить	Вспомни	Acceptable	Не вспомни	Acceptable
Вспоминать	Вспоминай	Acceptable	Не вспоминай	Acceptable
Запомнить	Запомни	Acceptable	Не запомни	Acceptable
Запоминать	Запоминай	Acceptable	Не запоминай	Acceptable
Напомнить	Напомни	Acceptable	Не напомни	Acceptable
Напоминать	Напоминай	Acceptable	Не напоминай	Acceptable
Припомнить	Припомни	Acceptable	Не припомни	Acceptable
Припоминать	Припоминай	Acceptable	Не припоминай	Acceptable
Помнить	Помни	Acceptable	Не помни	Acceptable
Забуть	Забудь	Acceptable	Не забудь	Acceptable
Забывать	Забывай	Acceptable	Не забывай	Acceptable

не запоминай are both valid in Russian. They are negated forms of the imperative, meaning “do not memorize” or “don’t commit to memory”.

Cf. two more descriptions: **Не запомни** is the singular, informal negated imperative form. It is used when addressing one person informally. **Не запоминай** is the singular, formal or plural negated imperative form. It can be used when addressing one person formally (using the polite “вы” form) or when addressing multiple people. These forms are suitable for instructing someone not to memorize or commit something to memory, and the choice between them depends on the context and the level of formality in the communication (OpenAI, 2023).

The comments for the rest of the tested verbs were also generated in the same key, no distinguishing features were voiced.

Below is the dialogue between the authors and ChatGPT 3.5 on assessing the validity of verb forms:

Authors: How do you decide whether it is a valid or an invalid verb form?

ChatGPT 3.5: I determine the validity of verb forms based on the rules of the Russian language. Valid verb forms conform to the grammatical and syntactical rules, conjugation patterns, and usage norms of the Russian language. I don’t have specific information about every possible verb form, but I can gen-

erate responses based on the general knowledge I’ve acquired during training.

If you provide a specific verb form or phrase, I can analyze it based on my understanding of the Russian language and offer guidance or corrections. Keep in mind that while I can provide information and assistance, it’s always a good idea to consult with a native speaker, language expert, or language reference materials for precise and detailed language analysis. Language usage can be nuanced, and context plays a crucial role in determining appropriateness (OpenAI, 2023).

So, the wheel has come full circle, as William Shakespeare put it, and ChatGPT 3.5 suggested in the final perspective turning to the epitome of anthropocentricity – human being as the ultimate truth.

Still, we should not underestimate the potential of employing large language models in linguistic research. The perspective is to critically analyze what they can offer and make the best use of them.

5. Conclusions

Linguistics nowadays is working hard trying to arrange its research potential into comprehensive algorithms, adding new promising instruments and technologies into its savings box (Suleimanova, Guliiants, 2022). It is quite evident that digital engines promise much in this line, the point is that scholars have to find

ways how to tailor the technological innovations into linguistic research practices. We will lay our hopes here on the most technologically savvy individuals dealing in cross-disciplinary research, providing them with road maps and explaining how language works so that they could formalize the intricate linguistic rules and ways. To do that, we have to analyze semantics as the *prima facie* of the language. In this paper the authors try to analyze semantic structures of a very complicated verb cluster referring to the cognitive field and its functioning which is not visible or observable: a matrix of planes relating to taxonomical dimension of actions / processes / states was constructed, sending the previously qualified as *state* key MV *помнить* into another cell, defining it as an existential-resultative verb and substantiating these findings experimentally. The semantic experiment was supplemented with

a test, based on imperative forms, varying tense, aspect characteristics and thus revealing + / – control features in the verb semantics. Three possible experimental resources were compared with respect to their research and explanatory potential, one of them being a complete newcomer to the linguistic research field, i.e. neural networks. Their potential was tested and evaluated, the perspective outlined, which calls for special formats to be suggested in future. The wheel has come full circle. We started with human-based experiments which yield quite compelling results, proceeded to digital search and research engines, such as Google, and stopped at the moment at artificial intelligence which in its turn suggested turning to a human as the ultimate truth in explaining linguistic data. It makes us conclude that there is much to be done to make use of such promising sources.

References

- Alawida M., Mejri S., Mehmood A., Chikhaoui B., Abiodun O. I. A comprehensive study of ChatGPT: Advancements, limitations, and ethical considerations in natural language processing and cybersecurity. In: *Information*, 2023, 14(8), 462. DOI: 10.3390/info14080462.
- Amberber M. (Ed.). *The language of memory in a cross-linguistic perspective*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2007. 284.
- Apresian Iu. D. *Leksicheskaia semantika. Izbrannye trudy. 1. [Lexical Semantics. Selected Works. 1]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1995. 437.
- Barancheeva E. I. Osobennosti verbalizatsii protsessov pamiati: leksikograficheskie ramki i diskursivnaia reprezentatsiia [Specifics of verbalizing memory processes: lexicographical framework and representation in discourse]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Journal of Novosibirsk state pedagogical university]*, 2014, 4(20), 114–123.
- Benveniste E. *Obshchaia lingvistika [General Linguistics]*. Moscow, Progress, 1974. 448.
- Biriulin L. A. *Semantika i pragmatika russkogo imperativa [Semantics and pragmatics of Russian imperative]*. Helsinki, Slavica Helsingiensia, 1994. 229 p.
- Bragina N. G. *Pamiat' v iazyke i kul'ture [Memory in language and culture]*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007. 505.
- Bulgakov S. N. *Filosofia imeni [Philosophy of name]*. YMCA-Press, 1953. 278.
- Chertykova M. D. Glagol'nye sredstva vyrazheniia operatsii pamiati v khakasskom iazyke [Verbs representing memory operations in Khakas]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Journal of Cherepovets state university]*, 2014, 4(57), 112–116.
- Curry N., Baker P., Brookes G. Generative AI for corpus approaches to discourse studies: A critical evaluation of ChatGPT. In: *Applied Corpus Linguistics*, 2024, 4, 1000082. DOI: 10.1016/j.acorp.2023.100082.
- Dmitrovskaia M. A. *Filosofia pamiati [Philosophy of memory]*. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty*. Moscow, Nauka, 2001. 78–85.
- Dynel V. Lessons in linguistics with ChatGPT: Metapragmatics, metacommunication, metadiscourse and metalanguage in human–AI interactions. In: *Language & Communication*, 2023, 93, 107–124. DOI: 10.1016/j.langcom.2023.09.002.

- Fillmore Ch. J. Delo o padezhe [The case for case]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 10. Lingvisticheskaia semantika [Recent developments in foreign linguistics. 10. Linguistic semantics]*. Moscow, Progress, 1981. 369–495.
- Florenskii P. A. *Stolp i utverzhenie istiny [The pillar and ground of truth]*. Moscow, Pravda, 1990. 496.
- Iskhakova R. F., Khomiakova E. G. Pamiat' i vospriiatie: nekotorye aspekty iazykovoi reprezentatsii [Memory and perception: some aspects of linguistic representation]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Journal of St-Petersburg University]*, 2009, 9(1), 1, 84–88.
- Kordi E. E. Mental'nye glagoly: valentnostnyi taksis (na materiale frantsuzskogo iazyka) [Mental verbs: valency taxis (evidence from French)]. In: *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 16(2), 509–543.
- Kubriakova E. S. Ob odnom fragmente kontseptual'nogo analiza slova pamiat' [On one aspect of conceptual analysis of the word pamiat']. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty [Logical analysis of language. Cultural Concepts]*. Moscow, Nauka, 2001. 85–91.
- Lin Ph. ChatGPT: Friend or foe (to corpus linguists)? In: *Applied Corpus Linguistics*, 2023, 3, 100065. DOI: 10.1016/j.acorp.2023.100065.
- Morimoto Sh. A Lexical Network Approach to the Acquisition of English Verbs of Memory: The Case of Japanese Learners. In: *Vocabulary Learning and Instruction*, 2016, 5(1), 1–17.
- OpenAI. *ChatGPT*. 2023. Available at: <https://www.openai.com/gpt-3> (accessed 15 November 2023).
- Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific discourse]*. Moscow, Uchpedgiz, 1956. 511.
- Petrova I. M. Potentsial poiskovoi sistemy Google pri provedenii issledovaniia v ramkakh kognitivnoi korpusnoi lingvistiki [The potential of Google search for studies in cognitive corpus linguistics]. In: *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika [Theoretical and applied linguistics]*, 2019, 5(3), 127–142.
- Potiakailo S. A. Bibliometricheskii analiz issledovatel'skikh paradigm v lingvistike [Bibliometric analysis of research paradigms in linguistics]. In: *Litera*, 2022, 6, 129–140. DOI: 10.25136/2409–8698.2022.6.38210.
- Pupynin Iu. A. Bezlichnyi predikat i sub"ektno-ob"ektnye otnosheniia v russkom iazyke [Impersonal predicate and subject-object relations in Russian]. In: *Voprosy iazykoznanii [Issues in linguistics]*, 1992, 1, 48–63.
- Rakhilina E. V., Testelet's Ya. G. Nauchnoe nasledie Ch. Fillmora i sovremennaia teoriia iazyka [Charles Fillmore's legacy and modern theoretical linguistics]. In: *Voprosy iazykoznanii [Issues in linguistics]*, 2016, 2, 7–21.
- Russian National Corpus. 2023. Available at: <https://www.ruscorpora.ru> (accessed 15 November 2023).
- Schwitzgebel E., Schwitzgebel D., Strasser A. Creating a large language model of a philosopher. In: *Mind & Language*, 2023, 1–23. DOI: 10.1111/mila.12466
- Seliverstova O. N. Vtoroi variant klassifikatsionnoi setki i opisaniie nekotorykh predikativnykh tipov russkogo iazyka [The second version of the classificatory net and description of certain predicative types in Russian]. In: *Semanticheskie tipy predikatov [Semantic types of predicates]*. Moscow, Nauka, 1982. 86–157.
- Shcherba L. V. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost' [Language system and speech]*. Leningrad, Nauka, 1974. 428.
- Sobieszek A., Price T. Playing games with AIs: The limits of GPT-3 and similar large language models. In: *Minds and Machines*, 2022, 32, 341–364. DOI: 10.1007/s11023–022–09602–0.
- Spitale G., Biller-Andorno N., Germani F. AI model GPT-3 (dis)informs us better than humans. In: *Science Advances*, 2023, 9(26), eadh1850. DOI: 10.1126/sciadv.adh1850.
- Suleimanova O. A. *Problemy russkogo sintaksisa: Semantika bezlichnykh predlozhenii [Problems of Russian syntax. Semantics of impersonal sentences]*. Moscow, Dialog MGU, 1999. 222.
- Suleimanova O. A., Guliants A. B. Metodika lingvisticheskogo issledovaniia kak aktual'nyi razdel sovremennoi nauchnoi publikatsii [Linguistic research methods as essential part of academic publication]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoie obrazovanie [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 2022, 4(48), 88–101. DOI: 10.25688/2076–913X.2022.48.4.07.

Suleimanova O. A., Petrova I. M. Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, 13(3), 385–393. DOI: 10.17516/1997–1370–0561.

Suleimanova O. A., Tivyaeva I. V. Introduction. In: *Visual Anthropology*, 2023, 36(1), 1–2. DOI: 10.1080/08949468.2023.2168956.

Sulejmanova O. Anthropocentrizität as charakteristische Besonderheit unpersönlicher Dativsätze. In: *Beiträge zu einer russisch-deutschen kontrastiven Grammatik. Berliner slawistische Arbeiten, 15*. Peter Lang, 2001. 121–133.

Tarmaeva V. I. Mental'nye reprezentatsii [Mental representations]. In: *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazyk. Literatura. Kul'tura [Journal of Buriat state university. Language. Literature. Culture]*, 2010, 11, 93–98.

Tivyaeva I. Sharing autobiographical memories in English computer-mediated discourse: a linguist's perspective. In: *Brno Studies in English*, 2017, 43(2), 57–78. DOI: 10.5817/BSE 2017–2–3.

Tivyaeva I. V. Kognitivno-kommunikativnyi podkhod k issledovaniyu iazykovoi reprezentatsii protsessov pamiati [Cognitive-communicative approach to verbal representation of mnemonic processes]. In: *Voprosy psikholingvistiki [Issues in psycholinguistics]*, 2017, 37, 124–139.

Tsentner A. S. Reprezentatsiia predstavlenii o protsessakh pamiati v nemetskom iazyke [Representation of memory processes in German]. In: *Kritika i semiotika [Critics and semiotics]*, 2012, 17, 224–232.

Turovskii V. V. Pamiat' v naivnoi kartine mira: zabyt', vspomnit', pomnit' [Memory in a naïve picture of the world: zabyt', vspomnit', pomnit']. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty [Logical analysis of language. Cultural Concepts]*. Moscow, Nauka, 2001. 91–95.

EDN: EESSAO
УДК 378.4

The Innovation and Practice of Joint Talent Training Model of Chinese, Russian and Mongolian Universities under the Background of “One Belt and One Road”

Wang Shuen, Chen Zhaoming and He Hao*

*School of International Education Hulunbuir University
Hulunbuir City, Inner Mongolia Autonomous Region, China*

Received 09.07.2023, received in revised form 07.02.2024, accepted 19.03.2024

Abstract. This paper focuses on the security and stability, transnational cultural exchanges and regional economic development of border minority areas. In view of the problems of insufficient integration of high-quality international resources and low level of teaching staff construction in border minority areas in the joint training of talents between China, Russia and Mongolia in our university, by firmly seizing the opportunity of the national “One Belt and One Road” construction and the construction of the national opening bridgehead to the north. We continue to deepen the reform of international talent training, and have worked out the means to develop “distinctive regional characteristics, innovative training, and high international recognition”, and achieved fruitful innovation and practical results.

Keywords: “One Belt and One Road”, Chinese, Russian and Mongolian universities, personnel training, co-cultures.

Research area: social structure, social institutions and processes.

Citation: Wang Shuen, Chen Zhaoming, He Hao. The Innovation and Practice of Joint Talent Training Model of Chinese, Russian and Mongolian Universities under the Background of “One Belt and One Road”. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 862–869. EDN: EESSAO

Инновации и имплементация совместной модели подготовки кадров китайских, российских и монгольских университетов в рамках инициативы «Один пояс – один путь»

Ванг Шуен, Чен Жаомиг, Хе Хао

*Школа международного образования Университета Хулунбуир
Автономный район Внутренняя Монголия, Китай, Хулунбуир*

Аннотация. Статья посвящена безопасности и стабильности транснациональных культурных обменов и регионального экономического развития приграничных районов проживания национальных меньшинств. Ввиду проблем недостаточной интеграции высококачественных международных ресурсов и низкого уровня подготовки преподавательского состава в приграничных районах проживания национальных меньшинств для совместного обучения талантливых студентов Китая, России и Монголии рассматривается образовательная концепция «Северный вектор национального плацдарма», реализуемая в Хулунбуирском университете в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Ключевые слова: «Один пояс – один путь», университеты Китая, России и Монголии, образовательная концепция, сокультуры.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Ванг Шуен, Чен Жаомиг, Хе Хао. Инновации и имплементация совместной модели подготовки кадров китайских, российских и монгольских университетов в рамках инициативы «Один пояс – один путь». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 862–869. EDN: EESSAO

Introduction

Strengthening and consolidating the traditional friendship and cultural exchanges with the neighboring regions of Russia and Mongolia is an important measure for my country to ensure the security and stability of the border ethnic areas and to implement the national “One Belt and One Road” initiative. Hulunbuir City borders Russia to the north and Mongolia to the south, and has always maintained friendly relations with the Russian-Mongolian border area. As the only undergraduate university in the city, our university established a cooperative relationship with the Russian Post-Baikal State Normal University for the Humanities as early as 2000, and has since expanded to in-depth cooperation with more than 20 Russian and

Mongolian universities. In 2005, relying on the Ministry of Education’s “Approval of the 2+1 Cooperation Project between Hulunbuir College and the Russian Post-Baikal State Normal University for the Humanities” and “The Letter on Supervising the Implementation of the Sino-Russian Joint Training of Undergraduate Students” (a total of 5 in the country), our school began the theoretical research and practice of Sino-Russian and Mongolian joint training of talents (Ma, 2021).

Since the research and practice of joint training of talents between China, Russia and Mongolia was launched in 2005, our school has further clarified the regional internationalization talent training goals and comprehensively revised the talent training plan in response to

the problems and shortcomings found in the specific implementation process by strengthening the top-level design and continuously enriching and improving the construction of the guarantee system. The requirements of cultivating students' professional ability, practical ability, innovational ability, and international exchange levels have been further clarified (Guo, Chen, 2022). The school has embarked on a road of development with "distinctive regional characteristics, innovative training, and high international recognition" through strengthening the construction of the curriculum system, reforming teaching and methods reforming assessment and evaluation forms, and strengthening the construction of practical teaching bases.

The research and practice of the joint training of talents between China, Russia and Mongolia mainly adopts various scientific research methods such as data collection, literature analysis, comparative research, questionnaires, theoretical analysis and practical research. The research and practice process has gone through four stages: August 2005 to August 2010 is the initial stage of the research, mainly studying the model and quality standards of the Sino-Russian 2+2 joint training undergraduate program in Russian and fine arts majors; September 2010 to September 2014 is the mid-term stage of the research, focusing on deepening friendly exchanges with Russian and Mongolian universities, expanding the field of joint training, and establishing and improving the system and mechanism for the guarantee of joint training between Chinese, Russian and Mongolian universities; September 2014 to December 2017 the late stage of the research, focusing on carrying out research and practice on civil engineering professional training programs for Sino-foreign cooperative school-running projects, strengthen the construction and research of international teachers, and carrying out joint training with Russian and Mongolian universities for undergraduate and master students in many fields and the expansion and research of short- and long-term internship practice projects. From January 2018 to December 2021, will be the inspection stage of the results, focusing on experience summa-

ry, theory improvement, model promotion and application.

Problems in the joint talent training model of Chinese, Russian and Mongolian universities

I. The cross-cultural talent training model has yet to be perfected, and talent training is not in harmony with social needs

The talent training still follows the traditional form, the homogenization of talent training is serious, and the training of cross-cultural humanistic literacy is insufficient, which is not suitable for the social needs of international development.

II. Insufficient integration of international high-quality resources and insufficient ability to serve the construction of the "One Belt and One Road"

The complementary advantages of high-quality educational resources between China, Russia and Mongolia are insufficient and not obvious, the adaptability of graduates to positions is poor, the employment competitiveness is not strong, and the ability to serve the construction of the "One Belt and One Road" is insufficient.

III. The level of construction of teachers in frontier ethnic areas is not high, and there is a shortage of international high-quality talents

It is difficult for schools to introduce talents. It is difficult to improve the professional ability of teachers in school, there are few channels for international training, and there are few opportunities for exchanges and cooperation between Chinese and foreign teachers, which affects the quality of international talent training.

Solutions to the main problems of the joint talent training model of Chinese, Russian and Mongolian universities

I. Systematically promote collaborative innovation and continuously optimize the cross-cultural applied talent training model

Strengthen the top-level design, take advantage of the geographical advantages adjacent to China, Russia and Mongolia, establish an international education path that is in line with the school's own development characteristics, and give full play to the role of a bridge-

head for talent training. Through the collaborative cooperation between China, Russia, China and Mongolia universities, the concept of “talent co-education, professional co-construction, curriculum co-construction, team co-construction, scientific research co-creation, and multi-field training” is proposed. The concept of “three kingdoms-five commonalities-multi-domain”. According to international professional standards, with the goal of cultivating high-quality international applied talents with “excellent character, strong ability, knowledge of culture and language” as the training goal, a Sino-Russian-Mongolian cross-cultural joint talent training model has been constructed in all directions from the aspects of “cultural integration, fine professionalism, excellent resources, strong teachers, and heavy practice”, and talents adapted to the needs of international development have been cultivated (Qiao, Li, Qiao, 2021).

II. Highly recognized and vigorously promoted by the industry

The international cooperation and training work of our school has been highly valued by the Department of Education of the Autonomous Region and the Hulunbuir City Government. In 2019, the Department of Education of the Autonomous Region allocated 2 million yuan for the “Belt and Road Talent Training”. The Hulunbuir Municipal Government allocates 300,000 yuan a year to support the education of international students and foreign affairs work of our school. The school has been rated as a “foreign-related first-level institution” in the Autonomous region for nine consecutive years. In 2010, it jointly established a “training base for Studying in Russia” with the Study Abroad Service Center of the Ministry of Education.

III. Introduce and train at the same time to promote the improvement of teachers’ professional abilities and build an international teaching staff

All year round, high-level teachers from Russian-Mongolian cooperative universities are hired to engage in teaching and scientific research to promote the improvement of professional competence of teachers in the school; outstanding young and middle-aged teachers

are encouraged to study for doctoral degrees in universities in Russia, Mongolia and other countries, and international channels are opened for effectively improving the level of academic qualifications; teaching and scientific research teams of Chinese and foreign teachers in Russian, civil engineering, economic management and other majors have been formed, and teachers are sent to each other to organize academic exchange activities to realize wisdom sharing; a platform for exchanges between China, Russia and Mongolia virtual teaching and research departments has been established to enhance the level of professional construction. The measures of simultaneous introduction and training have promoted the improvement of the international professional quality of teachers and ensured the quality of talent training.

The results have been highly esteemed by the Russian Embassy in China, the Post-Baikal Regional Government, the Ministry of Education of the Republic of Buryatia, the Belgorod State Technological University, the Mongolian National University, the University of Education, the Oriental University, the Moscow Association of Eastern European Universities and other government departments and cooperative institutions.

IV. Innovation and practice of the joint talent training model of Chinese, Russian and Mongolian universities

1. Concept innovation

Highlight regional characteristics, carry out international exchanges and cooperation between regions, and closely link the demand for professional talents in the construction of the “One Belt and One Road” with the talent training model of Sino-Russian and Mongolian cooperation in running schools, and put forward a new concept of “three kingdoms and five commonalities multi-domain” talent training, namely “China, Russia and Mongolia” three countries and “talent, professional, curriculum, team, scientific research co-creation” to cultivate multi-field applied talents that meet the needs of regional development (Li, 2021).

2. Model innovation

According to international professional standards, with the goal of cultivating high-quality international talents with “excellent

character, strong ability, knowledge of culture and language” as the training goal, a Sino-Russian-Mongolian cross-cultural joint talent training model has been constructed in all directions from the aspects of “cultural integration, fine professionalism, excellent resources, strong teachers, and heavy practice”.

A large number of students has obtained high-level language and technical qualifications, and has cultivated international talents with superb professionalism and strong practical ability through integration of the humanistic spirit and national sentiment into cross-cultural courses, teaching and students exchange, and organizing international cultural exchange activities and forums for young students to achieve cultural integration, language exchange, and friendship; international advanced educational concepts, CDIO engineering education models, Russian language and engineering, Mongolian art courses and teaching materials and other high-quality educational resources, translation and preparing high-level teaching materials suitable for regional development needs, holding various professional competitions at all levels.

3. Mechanism innovation

Establishment of an exchange mechanism between Chinese, Russian and Mongolian teachers. According to the training needs of relevant professional talents, foreign teachers have been introduced to our school for teaching and academic exchange activities, and our school has sent outstanding professional teachers to foreign universities to participate in various exchange activities; a scientific research team of Chinese and foreign teachers has been formed to carry out technological innovation, and an exchange platform between the virtual teaching and research departments of China, Russia and Mongolia has been established to conduct talent training, professional and curriculum construction, and teaching methods. The discussion has created “talent, professional curriculum, team, and scientific research cooperation”, forming a multi-level and multi-angle international exchange mechanism for teachers from China, Russia and Mongolia (Wang, 2023).

Establishment of an exchange mechanism between Chinese, Russian and Mongolian col-

lege students. Among the result are adoption of the “exchange and training” system, combination of long-term training and short-term training according to professional needs, and flexibly training professionals needed for regional economic development, organization of international cultural exchange activities and forums for young students to experience the essence of national cultures and enhance friendship and cultural identity among young people from all over the world.

4. Project innovation

Relying on the Port Economic Service Industry College of Hulunbuir University, the “China-Russia-Mongolia Port Economic Service Center” was established. In order to strengthen cooperation between China, Russia and Mongolia in the fields of economy, education, culture and science, and to provide talent and intellectual support for the port economy, under the initiative of Hulunbuir College, the parties represented by Hulunbuir College, Russia’s Post-Baikal State University, Russia’s Krasnoyarsk State Agricultural University, Russia’s St. Petersburg State Economic University and Mongolia State University Oriental Provincial College will jointly establish a “China-Russia-Mongolia Port Economic Service Center”. The China-Russia-Mongolia Port Economic Service Center implements joint information sharing through joint cooperation areas, and researches economic academic topics and theoretical foundations to serve the port economy strive to build a group of exemplary talent training entities that integrate functions such as talent training, scientific research, technological innovation, corporate services, and student entrepreneurship.

“Sino-Russian Mongolian University Culture and Art Center”: in order to combine the cultural, artistic and educational advantages of China, Russia and Mongolia, and promote mutual exchanges and cooperation in culture and art, relying on Hulunbuir College, the Russian Post-Baikal State University, the Eastern Siberian Academy of Culture and Arts, the Krasnoyarsk Academy of Culture and Arts, the Belgorod Academy of Culture and Arts, the Mongolian State Academy of Culture and Arts, and the Krasnoyarsk Regional Branch of the

All-Russian Social creation Organization are invited to jointly establish the “Sino-Russian Mongolian University Culture and Art Center”. The “China-Russia-Mongolia University Culture and Art Center” is based on the cultural field, adhering to the development of international cultural and artistic exchanges, following the laws of cultural development, exploring business areas, developing national cultural resources, and striving to promote Chinese culture to “go global” and face the world, and foreign art to “come in” to enrich China.

Practical results of the joint talent training model of Chinese, Russian and Mongolian universities

The research project closely links the construction of the national “One Belt and One Road”, the construction of the Sino-Russian-Mongolian cultural exchange mechanism, and the joint training model of Sino-Russian and Mongolian universities. It has carried out systematic research and proposed a new model for regional and international talent training. In particular, our school takes the construction of foreign language majors as the leader, driving the development of Sino-Russian-Mongolian cooperation majors and other related majors, and the ability to serve the construction of the “One Belt and One Road” has been significantly improved. This achievement effectively integrates high-quality educational resources at home and abroad, learns from each other’s strengths, and meets the needs of students of different majors and levels to become talents. It has made new breakthroughs in concepts, models, and mechanisms, and has stepped out of a development path of “distinctive regional characteristics, innovative training models, and high international recognition”, and achieved fruitful results. The results are relevant to the actual development of universities in the frontier regions of our country, with outstanding innovation, remarkable research results, and reproducible and generalizable results and experience.

The project focuses on the safety and stability of frontier ethnic areas, cross-cultural exchanges and regional economic development. According to the positioning of the school, it

will give full play to the geographical advantages adjacent to Russia and Mongolia, and cultivate high-quality international and applied talents with “excellent moral character, strong ability, knowledge of culture and language”. In view of the fact that the cross-cultural applied talent training model that exists in the joint training of talents between China, Russia and Mongolia is not in harmony with social needs, the integration of high-quality international resources is not enough, the ability to serve the construction of the “One Belt and One Road” is insufficient, the level of construction of teachers in frontier ethnic areas is low, and the shortage of high-quality international talents is rare, etc. A new concept of “three kingdoms and five commonalities multi-domain” joint training of talents has been proposed, and a new model of joint training of talents by Chinese, Russian and Mongolian universities has been constructed in all directions in terms of “cultural integration, fine professionalism, excellent resources, strong teachers, and heavy practice”, and more than 3,000 regional and international talents have been trained.

I. The academic level of the faculty and the quality of student training have been significantly improved

Since the implementation of the project, more than 20 teachers in our school have obtained doctorates from Russian and Mongolian universities, and 73 are studying. More than 80 % of Russian teachers have study and work experience in Russia. In 2019, the school hired 47 Russian and Mongolian doctors to teach in the school, and the number of high-level teachers has increased significantly. Chinese, Russian and Mongolian teachers jointly published 108 high-level teaching and scientific research papers, including 66 in Russian, 27 in New Mongolian, and 15 in English, and tutored more than 2,000 professional students.

In the past 16 years, our school has jointly trained more than 3,000 domestic and foreign applied talents, and the employers of graduates have a high degree of satisfaction. 16 graduates have taught in CIS countries as Chinese volunteers (the largest number in the region). More than 10 Russian-speaking students have obtained Ph.D. from the Russian Federation

and CIS countries, and more than 150 have obtained master's degrees; there are 2 Ph.D. and 16 master's degrees in Russian universities in civil engineering; and 25 graduates in education have obtained master's degrees from Mongolia. The Mongolian international student Wen Du Rima trained by our school is currently the president of the Oriental University of Mongolia, and Meng Hechacha Rili is currently the director of the Foreign Affairs Office of the Oriental Province of Mongolia. Wang Huan, a 2012 Russian major graduate, is currently an associate professor, a master tutor, and the editor of a number of official textbooks of the national Russian second-level interpretation of Harbin University of Technology.

II. The international cooperation and training work is highly recognized and vigorously promoted by the industry

The international cooperation and training work of our school has been highly valued by the Department of Education of the Autonomous Region and the Hulunbuir City Government. In 2019, the Department of Education of the Autonomous Region allocated 2 million yuan for the "One Belt and One Road Talent Training". The Hulunbuir Municipal Government allocates 300,000 yuan a year to support the education of international students and foreign affairs work of our school. The school has been rated as a "foreign-related first-level institution" in the Autonomous region for nine consecutive years. In 2010, it jointly established a "training base for Studying in Russia" with the Study Abroad Service Center of the Ministry of Education.

The results have been highly esteemed by the Russian Embassy in China, the Post-Baikal Regional Government, the Ministry of Education of the Republic of Buryatia, the Belgorod State Technological University, the Mongolian National University, the University of Education, the Oriental University, the Moscow Association of Eastern European Universities and other government departments and cooperative institutions.

In 2018, our school held the "6th International Scientific Practice Seminar on Modern Chinese and Russian" during the Russian Ambassador to China Andrei. Denisov sent a congratulatory letter saying, "The educational

cooperation between Hulunbuir College and Post-Baikal State University is a model of cooperation between China and Russia". Lyudmila Verbetskaya, Chairman of the Russian Federation of Russian Teachers and President of St. Petersburg State University, wrote in her congratulatory letter, "For more than ten years, the 'International Scientific Practice Seminar on Modern Chinese Russian' has united Russian experts from the two schools and continuously expanded its scale and influence in continuous and effective cooperation".

The expert group of the National Alliance of Quality Assurance Institutions of Colleges and Universities (CIQA) evaluated the teaching results and concluded that "the project is relevant to the actual development of universities in the border regions of our country, with outstanding innovation, significant research results, and reproducible and generalized results and experience." School leaders have successively delivered keynote speeches at national conferences such as the China Study Abroad Forum and the Sino-Russian Cooperation in School Development Seminar, which have caused great response. "China Education News" introduces the characteristics of our school's international exchanges and cooperation under the title "Cultural Envoys of the Belt and Road Initiative". The China-Russia Cooperative University Alliance and the Joint College of Belarusian State University of Dalian University of Technology, the Ural College of North China University of Water Conservancy and Hydropower, the South Ural College of Zhengzhou Institute of Aviation Industry and Management, Henan Institute of Science and Technology, Inner Mongolia Agricultural University and other five domestic Sino-foreign cooperative universities have highly praised our school's joint talent training model, and believe that the results have reference value and can be used for reference and promotion.

III. Fruitful theoretical and practical results

This achievement enriches and perfects the theory of internationalization of higher education. The topic closely links the demand for professional talents in the construction of the "One Belt and One Road" with the talent training

model of Sino-Russian-Mongolian cooperation in running schools, and puts forward a new concept of “three kingdoms and five commonalities multi-domain” talent training, namely “China, Russia and Mongolia three countries “talent co-education, professional, curriculum, team, scientific research co-creation” to cultivate multi-field applied talents that meet the needs of regional development, and put forward the regional internationalization talent training goal of “excellent character, strong ability, knowledge of culture, and language”.

Relying on the characteristics and achievements of Sino-Russian cooperation in running schools, the Russian major was rated as a national characteristic professional construction point in 2010, an autonomous region-level teaching team in 2017, and a first-class professional construction point in the autonomous region in 2019. “Research and Practice of Applied Talent Training Model of Hulunbuir College” won the first prize of the 2018 Autonomous Region Teaching Achievement Award. In 2021, the Degree Office of the State Council approved our school as a master’s degree awarding unit. The development of tourism on the China-Russia-Mongolia border is the construction point of the master’s degree in Tourism Management. The project won the second prize for teaching achievements in colleges and universities in the Autonomous region in 2022.

Conclusion

Based on a lot of painstaking and meticulous research and practice in the early stage, our school has made the following work ar-

rangements for areas that need to be further deepened and improved:

I. Give full play to its geographical advantages, use this achievement as a platform, and use the resources of the China-Russia Cooperative University Alliance and the Northeast Three Provinces and one Region University Cooperation Alliance to increase in-depth cooperation with Russian and Mongolian universities in teaching, scientific research and other fields, enhance the level of school connotation construction, and provide talents and intellectual support for the construction of the pilot zone of Sino-Russian-Mongolian cooperation and the construction of Hulunbuir as an important bridgehead for the opening up of the “One Belt and One Road” countries to the north;

II. Continue to make efforts in the construction of an international teaching staff and continuously improve the construction of its guarantee mechanism. In the process of education, pay attention to the cultivation and development of students’ humanistic literacy and patriotic feelings;

III. Continue to do a good job in the management and operation of the “Russian as a Foreign Language Level Test Center” and the “Cyrillic’ Language Test Station”, encourage more teachers and students to obtain internationally recognized language level certificates, and lay a good foundation for further studies, employment, and entrepreneurship.

IV. Provide better service of the Port Economic Service Industry College of Hulunbuir University, and provide more high-quality talent support for the Hulunbuir Port economy.

References

- Guo P., Chen X. Research on the talent training model of Chinese-foreign cooperation in local undergraduate colleges. In: *Journal of Huaihua University*, 2022, 41(06), 113–116.
- Li T. Research on the construction of regional characteristics of China-Russia Cooperation in running schools of border universities in Inner Mongolia. In: *Ethnic Higher Education Research*, 2021, 29(03), 60–65.
- Ma J.G. Practice and Exploration of joint training of interdisciplinary talents in science and technology. In: *Chemical Education*, 2021, 42(18), 49–52.
- Qiao A., Li Sh., Qiao Zh. Comparison of training models of innovative talents in Chinese and Russian universities. In: *Comparative Research on Cultural Innovation*, 2021, 5(17), 186–189.
- Wang Sh. Practice Path of high-level teaching team Construction from the perspective of Sino-Foreign Cooperation in running schools. In: *Running Schools*, 2023, 343(03), 248–249.

EDN: GHIJMK
УДК 398.91–053.5:811.111'364

Main Mechanisms of Proverb Variation in Anglo-American Anti-Proverbs about Children

Anna T. Litovkina*

*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 18.02.2024, received in revised form 27.02.2024, accepted 02.04.2024

Abstract. For centuries, proverbs have provided a framework for endless transformation. In recent decades, the modification of proverbs has taken such proportions that sometimes we can even meet more proverb transformations than traditional proverbs. Wolfgang Mieder has invented a term anti-proverb (or in German Antispruchwort) for such deliberate proverb innovations. Although proverb transformations arise in a variety of forms, several types stand out (which are by no means mutually exclusive), e.g., adding new words to the original text; replacing a single word; substituting two or more words; changing the second part of the proverb; melding two proverbs; punning; adding literal interpretations. The focus of this study is on the analysis of main mechanisms of proverb variation in 43 transformations of 6 Anglo-American proverbs about children. The anti-proverbs discussed in the present study were taken primarily from written sources.

Keywords: anti-proverb, proverb, transformation, punning, homonym, paronym, homophone.

Research area: social structure, social institutions and processes; languages of the peoples of the foreign countries (English).

Citation: Litovkina A. T. Main mechanisms of proverb variation in anglo-american anti-proverbs about children. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 870–881. EDN: GHIJMK

Главные механизмы трансформации пословиц в англо-американских антипословицах о детях

А.Т. Литовкина

Университет Я. Селье

Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. На протяжении веков пословицы служили основой для бесконечной трансформации. В последние десятилетия модификация пословиц приняла такие масштабы, что иногда мы можем встретить даже больше пословичных трансформ, чем традиционных пословиц. Вольфганг Мидер предложил термин «антипословица» (по-английски: *anti-proverb*, по-немецки: *Antispruchwort*) для обозначения таких намеренных пословичных инноваций. Трансформация пословиц происходит в самых разных формах. Основными типами таких трансформаций (которые ни в коем случае не являются взаимоисключающими) выступают, например, добавление новых слов к оригинальному тексту; замена одного слова; замена двух или более слов; изменение второй части пословицы; смешение двух пословиц; каламбур; использование буквального значения вместо метафоричного. В центре внимания данной статьи – анализ различных механизмов трансформации пословиц в 43 трансформах 6 англо-американских пословиц о детях. Источниками антипословиц, рассматриваемых в настоящей статье, являются преимущественно письменные источники.

Ключевые слова: антипословица, пословица, трансформация, каламбур, омоним, пароним, омофон.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6 – языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Литовкина А.Т. Главные механизмы трансформации пословиц в англо-американских антипословицах о детях. Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2024, 17(5), 870–881. EDN: GHJMK

Introduction¹

The focus of the present study is on the most popular mechanisms of proverb variation in 43 Anglo-American anti-proverbs (or proverb transformations) about children. Although proverb transformations arise in a variety of forms, several types stand out. The Anglo-American anti-proverbs selected for the study were taken primarily from American and British written sources.

¹ Some parts of this study have appeared or have been published in T. Litovkina, 2005, T. Litovkina et. al., 2021, Mieder & Tóthné Litovkina, 1999; T. Litovkina & Mieder, 2006.

Theoretical framework

For centuries, proverbs have provided a framework for endless transformation. In recent decades, the modification of proverbs has taken such proportions that sometimes we can even meet more proverb transformations than traditional proverbs. Wolfgang Mieder has invented a term *anti-proverb* (or in German *Antispruchwort*) for such deliberate proverb innovations, also known as alterations, parodies, transformations, variations, wisecracks, mutations, or fractured proverbs. This term has been widely accepted by proverb scholars all over the world as a general label for such innovative

alterations and reactions to traditional proverbs: *антипословица* (Russian), *anti-proverb* (English), *anti(-)proverbe* (French) (see the general discussion of the genre of anti-proverbs in T. Litovkina, 2005; T. Litovkina & Mieder, 2006: 1–54; T. Litovkina et al., 2021).

Besides the term *anti-proverb*, many other terms exist in different languages for such phenomena, e.g.:

Russian: *трансформа, пословичная «переделка», прикол.*

German: *verballhornte Parömien, Sprichwortparodien, verdrehte Weisheiten, „entstellte“ Sprichwörter, sprichwörtliche Verfremdungen.*

French: *faux proverbe, perverbe, proverbe déformé, proverbe dérivé, proverbe détourné, proverbe modifié, proverbe perverti, proverbe tordu, pseudo-proverbe.*

Anti-proverbs may contain revealing social comments (*American money talks in just about every foreign country* (McKenzie, 1980: 343) {*Money talks*}²), but they may also be based on mere wordplay or puns, and they may very often be generated solely for the goal of deriving play forms (*A fool and his monkey are soon parted* (Margo 1982) {*A fool and his money are soon parted*}).

Typically, an anti-proverb will elicit humour only if the traditional proverb upon which it is based is also known, thus allowing the reader or listener to perceive the incongruity (violation of expectation) between the two expressions. Otherwise, the innovative strategy of communication based on the juxtaposition of the old and “new” proverb is lost. The juxtaposition of the traditional proverb text with an innovative variation forces the reader or listener into a more critical thought process. Whereas the old proverbs acted as preconceived rules, the modern anti-proverbs are intended to activate us into overcoming the naive acceptance of traditional wisdom. Because it always refers to an original text, the innovative anti-proverb can be understood as the appearance of intertextuality: to use Neal Norrick’s terminology

² For the reader’s convenience all anti-proverbs in this chapter are followed by their original forms, given in {} brackets.

(1989: 117), we can call anti-proverbs “intertextual jokes.” “Intertextuality occurs any time one text suggests or requires reference to some other identifiable text or stretch of discourse, spoken or written” (Norrick, 1989: 117)

All’s fair for anti-proverbs – there is hardly a topic that anti-proverbs do not address. Among the most frequent themes discussed in proverb alterations are women (see T. Litovkina, 2005; 2018a; T. Litovkina & Mieder, 2019, etc.), sexuality (see T. Litovkina, 2011b; 2018a: 149–170; T. Litovkina & Mieder 2019: 65–79, etc.), professions and occupations (see T. Litovkina, 2011a, 2013, 2016), marriage and love (T. Litovkina, 2017; 2018a; 2018b; 2024; T. Litovkina & Mieder, 2019, etc.).

The focus of this study

The focus of this study is on the analysis of the main mechanisms of proverb variation in the 43 Anglo-American anti-proverbs about children.

Although proverb transformations arise in a variety of forms, several types stand out. There are a number of mechanisms of proverb variation (which are by no means mutually exclusive), e.g., replacing a single word; substituting two or more words; changing the second part of the proverb; adding new words; repeating words; adding literal interpretations; melding two proverbs; word order reversal, and reversal of sounds, etc. (for more, see T. Litovkina, 2005; T. Litovkina et al., 2021).

Methodology

Without any doubt, children are a frequent theme in Anglo-American anti-proverbs.

First of all, there are numerous proverbs in our corpus which contain such words as “child/children”, “baby/babies”, “son/sons”, “daughter/daughters” that have been transformed into anti-proverbs. Examples of such proverbs: *Spare the rod and spoil the child; Children should be seen and not heard; Like mother, like daughter; Like father, like son.*

Second, there are scores of proverbs that might not contain the words listed above but in their transformations, however, these words occur. Let me exemplify this phenomenon by three alterations of the proverb *Necessity is the*

mother of invention below, all of which contain the word “children”:

If necessity is the mother of invention, she must be worried about having so many children that won't work. (Esar, 1968: 441)

Necessity is the mother of invention, and she certainly has some queer children. (Esar, 1968: 440).

When children ask embarrassing questions, invention is the necessity of mother. (Esar, 1968: 263).

This study makes an attempt to analyze the main mechanisms of proverb variation in 43 transformations of 6 Anglo-American proverbs about children. For this analysis out of the corpus that contains over 6000 anti-proverbs of almost 600 proverbs, I have selected only the proverbs that contain the words “children” or “child” (6) and all their transformations (43).

Below you can find these proverbs. Each proverb is followed by a number in parentheses indicating the number of anti-proverbs that I have been able to locate for it:

Spare the rod and spoil the child. (14)
Children should be seen and not heard. (12)

It's a wise child that knows its own father. (6)

A burnt [burned] child dreads [fears] the fire. (4)

The child is father of the man. (4)

It's a wise father who knows his own child. (3)

The 43 anti-proverbs discussed and analyzed in the present study were taken primarily from American and British written sources (see all of them in the Appendix at the end of the study). The texts of anti-proverbs were drawn from hundreds of books and articles on puns, one-liners, toasts, wisecracks, quotations, aphorisms, maxims, quips, epigrams, and graffiti the vast majority of which have been published in two dictionaries of anti-proverbs compiled by Wolfgang Mieder and Anna T. Litovkina: “Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs” (Mieder & Tóthné Litovkina, 1999) and “Old

Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs” (T. Litovkina & Mieder, 2006).

Discussion

The most common mechanisms of proverb transformations found in 43 anti-proverbs (i.e., adding new words, replacing words and punning) will be demonstrated here, with some representative examples.

1. Adding new words

Many proverb transformations keep the actual text of the original proverb intact, but add new words, or a tail, to it. Evan Esar calls this type of twisted proverbs “the extended proverb.” According to his opinion, this is the most extensive class of proverb alteration. As he points out: “The popularity of the extended proverb is due to the ease with which all proverbs can thus be transformed” (Esar, 1952: 201). Some of proverb transformations of this type have become proverbial in themselves, for example, *An apple a day keeps the doctor away, and an onion a day keeps everyone away* {*An apple a day keeps the doctor away*}; *Absence makes the heart grow fonder – for somebody else* {*Absence makes the heart grow fonder*}; *A new broom sweeps clean, but the old one knows the corners* {*A new broom sweeps clean*}.

1.1. Adding a phrase, a sentence or a few sentences

In the vast majority of our anti-proverbs a phrase, a sentence or even a few sentences are added to the proverb text. It is amazing with what ease some proverbs (e.g., *The child is father of the man*; *A burnt child dreads fire*) have been extended into a great number of twists of this kind. Let us observe some transformations of these proverbs:

The child is father of the man

The child is father of the man...unless the offspring happens to be a girl. (Berman, 1997: 54).

The child is father to the man, but there's no second manhood for second childhood. (Esar, 1968: 715).

The child is father to the man, except when the child is a girl. (Esar, 1968: 344).

“The child is father to the man.” This was written by Shakespeare. He didn’t often make that kind of mistake. (Brandreth, 1985: 222).

A burnt child dreads fire

A burnt child dreads fire ...until the next day. (M. Twain, in Berman, 1997: 54).

A burnt child will dread the fire only if it survives. (Feibleman, 1978: 126).

Another example of this mechanism of proverb alteration is:

It’s a wise father who knows his own child – will do everything he is told not to do. (Esar, 1968: 232). {*It’s a wise father who knows his own child*}

The extended type of proverb variation and parody can be clearly shown through wellerisms. Wellerisms, named for Charles Dickens’ character Samuel Weller, are particularly common in the USA, Great Britain and Ireland (see Mieder & Kingsbury, 1994; Mieder, 1989: 223–238). This form of folklore is normally made up of three parts: 1) a statement (which often consists of a proverb or proverbial phrase), 2) a speaker who makes this remark, and 3) a phrase that places the utterance into an unexpected, contrived situation. The meaning of the proverb is usually distorted by being placed into striking juxtaposition with the third part of the wellerism. “In this way a wellerism often parodies the traditional wisdom of proverbs by showing the disparity between the wisdom of the proverb and actual reality” (Mieder, 1989: 225). Observe, for example:

“Little boys should be seen and not heard,” as the boy said when he could not recite his lesson. (Mieder & Kingsbury, 1994: 14). {*Children should be seen and not heard*}

1.2. Other types of word addition

New words may be added not only after the original text of a proverb, but before it,

though in our material it happens not as often as adding a tail. Addition of new words only at the beginning occurs very rarely (it can happen in jokes, see below, Section 3.1.):

In the example below besides introduction of new words, one word is changed in the original proverb:

Nerve: Breaking the hair-brush on the disobedient scion, then making him pay for a new one. See revised version, “Spare the rod and spoil the hair-brush!” (Wurdz, 1904). {*Spare the rod and spoil the child*}

Quite rarely in our material words or phrases are just put somewhere inside the proverb text:

It’s a wise father who knows as much as his own child. (Judge, in Prochnow, 1955: 104). {*It’s a wise father who knows his own child*}

Proverbs are also reformulated into longer statements by expanding a proverb both at the beginning and end. Evan Esar (1952: 202) calls such transformations “the sandwich species” (with an original proverb in the middle of it):

When children are seen and not heard it’s apt to be through binoculars. (McKenzie, 1980: 69). {*Children should be seen and not heard*}

2. Replacing words

2.1. Replacing a single word

Very popular are such proverb parodies that pervert the basic meaning of a proverb by simply replacing a single word, as is shown in the three alterations of the well-known proverb *Spare the rod and spoil the child*:

Spare the dekameter and spoil the child. (Colombo, 1975).

Spare the rod and spoil the wife. (Livia Horváth, in Litovkina, 2004: 318).

The opposite view may be achieved through employing antonyms, for example, “save” is used instead of “spoil”:

Spare the rod and save the child.
(Hubbard 1973: 150). {Spare the rod and
spoil the child}

The authors of our anti-proverbs very often try to find a word phonologically similar to one from the original proverb, as in the following example which might be called paronomastic pun (for more on paronomastic puns, see Section 3.2. below):

Children should be obscene and not heard. (Kandel, 1976). {*Children should be seen and not heard*}

Replacement of a word in my corpus is very frequently combined with some other mechanisms of variation.

2.2. Changing the second part of the proverb

Very frequent are such anti-proverbs in which the second part of the proverb is entirely changed:

It's a wise child that resembles its rich relatives. (Esar, 1968: 668). {*It's a wise child that knows its own father*}

It's a wise novelist that knows his own screen child. (Esar, 1968: 138). {*It's a wise child that knows its own father*}

A burned child makes an ash of itself. (Christie Davies, 1999³). {*A burned child dreads the fire*}

Spare the rod but use iron and the child will be as desired. (Brigitta Stalter, in Litovkina, 2004: 318). {*Spare the rod and spoil the child*}

2.3. Other types of word change

Sometimes one word (*seen* and *child*) might be exchanged by two (*on scene* and *drag race* respectively), as in the two examples below:

Children should be on scene and not heard. (Kilroy, 1985: 241). {*Children should be seen and not heard*}

Spare the rod and spoil the drag race. (library staff lounge, in Reisner, 1971: 187). {*Spare the rod and spoil the child*}

The following proverb transformations employ both word exchange and word order addition (preceding the original proverbs):

Traffic slogan: Children should be seen and not hurt. (Crosbie, 1977: 167). {*Children should be seen and not heard*}

To the boy with a toy pistol – It's a wise child that knows its own popper. (Loomis, 1949: 354). {*It's a wise child that knows its own father*}

Change of two words takes place in the following proverb alteration:

Spare the marcel and spoil the woman. (Loomis, 1949: 357). {*Spare the rod and spoil the child*}

The parody below while substituting the word *heard*, introduces the word *obscene*, thus, playing upon the resemblances of similar-sounding words *seen* and *obscene*:

Humorists should be seen and not obscene. (Loomis, 1949: 354). {Children should be seen and not heard}

The proverb *It's a wise child that knows its own father* is simply reduced to the pattern "It's a wise X that knows its own Y," and X and Y can be substituted by whatever variables are necessary in the context. To illustrate, let us refer to the two examples below:

It's a wise stock that knows its own par. (Esar, 1968: 573).

It's a wise horse that knows its own fodder. (Esar, 1968: 395).

Another characteristic mechanism of proverb parody is the substitution of three or more words. The structure of the proverb usu-

³ Two anti-proverbs in this study marked as Davies 1999 were submitted to me at Berkeley in May 1999 by the late professor Christie Davies (Reading, Great Britain) after he had read the collection "Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs" (Mieder & Tóthné Litovkina, 1999).

ally remains the same, the number of words in the alteration, however, may differ. In the example below the substitution of two words is based on phonological similarity (*noses* and *knows*, *fodder* and *father*):

It's a wise horse that noses his own fodder. (Loomis, 1949: 354). {It's a wise child that knows its own father}

2.4. Word order reversal

There exists a tradition of parodying individual proverbs by word-order reversal (frequently called *metathesis* or *spoonerism*), which questions, or even rejects, their wisdom. Nouns and verbs are reversed most frequently.

Two words (*spare* and *spoil*) are interchanged in the following proverb alteration:

Spoil the rod and spare the child. (William Dean Howells, in Esar, 1968: 422). {Spare the rod and spoil the child}

In the following example, besides the transposition of the noun “fire” and verb “dreads”, the noun “fire” switches its nominal function to the verbal, and the verb “dreads” is turned into a noun sounding identically “dread”:

A burned child fires dread (in its parents). (Christie Davies, 1999). {A burned child dreads the fire}

Word order reversal (*heard* and *seen*), word change (*should be* and *are*) and addition of new words at the beginning and the end of a proverb are exploited in the following transformations of the proverb *Children should be seen and not heard*:

When children are seen and not heard it's apt to be through binoculars. (McKenzie, 1980: 69).

3. Puns

While talking about various forms of proverb alteration, we have to mention one of the most popular humorous techniques creat-

ed through puns. Puns occur almost always in combination with other techniques (e.g., change, addition or omission of letters or words). Salvatore Attardo, along with many other humor researchers, distinguishes four subcategories of puns – paronyms, homonyms, homographs, and homophones (Attardo, 1994: 110–111). This section discusses three main types of punning in our anti-proverbs about children, that is, paronomasia, homonymy, and homophony.

3.1. Homonymous puns

Numerous proverbs in my material have provided good models for exploiting ambiguity through the use of a single word that is polysemous (i.e., having two meanings) or two words that are homonymous (i.e., having identical graphemic and phonemic representation), thus creating comic surprise with unforeseen links between words or ideas. Puns of this nature are referred to in my study as homonymous puns.

According to Victor Raskin:

For many speakers, the mere exposure to a homonymous or polysemous word or phrase constitutes an irresistible temptation to make a joke. ... It is the easy availability of puns which makes them a cheap and somewhat despicable type of humor for many individuals and social groups. However, the same factor prevents them from disappearing, and every new generation goes through many cycles of discovering the puns, getting tired of them, rejecting them and eventually rediscovering them again. (Raskin, 1985: 116).

Let us consider here two jokes employing the well-known proverb *Spare the rod and spoil the child* as a punchline, as well as two transformations of this proverb. In the following jokes, the text of this proverb is preserved. The word “rod,” however, in both of the jokes adopts a very different meaning. In the first joke it is sexual (phallic):

An Irishman in a maternity ward is worried that the thin and sickly baby he sees is his own. “No,” says the nurse, point-

ing to a fine, chubby, baby boy, “this is yours; the other child was born by artificial insemination.” “Just what I’ve always heard said: ‘*Spare the rod and spoil the child*.’” (Legman, 1968: 589)⁴.

In the second joke and two proverb alterations below, the word “rod” gets other connotations:

Ephraim’s son Willie was a hot-rod enthusiast. He spent every moment of his leisure time – and many hours of what should have been his study time – tinkering, adjusting, or otherwise monkeying with the unlikely heap that shone in the garage. Ephraim’s patience grew shorter and shorter as Willie’s schoolwork suffered.

One day Willie, satisfied at last that his auto was ready, needed only a few spare tires to allow him to enter the annual hot-rod contest. His father adamantly refused to contribute even a single penny, saying, “*Spare the rod and spoil the child*.” (Heller, 1974: 279).

Spare the rod – and you’ll get struck by lightning. (Esar, 1968: 479).

Spare the rod and you’ll have no fish for dinner. (Loomis, 1949: 357).

3.2. Paronomastic puns

As it has been stated elsewhere (see Section 2.1, see also T. Litovkina, 2005), one of

⁴ The following examples of sexual jokes might not be relevant to the present work on anti-proverbs but offer too clear a parallel to omit:

The girl who ‘warned two corporals that she had “syphilis.” The word was new to them [!] and they looked it up in the dictionary, finding it defined as a “disease of the privates.” Being corporals, they felt safe, and fucked her anyway.’ (Legman, 1968: 308) (play on the *privates*)

An Italian laborer is told by the social-worker to avoid having any more children by using the condoms which he is given, with directions to put them on his organ before intercourse. His wife gets pregnant anyhow, and he explains, “No gotta organ – so I putta da rubber onna da piano.” (Legman, 1968: 549) (play on the *organ*)

the most popular techniques of proverb alteration is perverting the basic meaning of a proverb by simply replacing a single word. Very often the choice of a word is purely phonologically motivated, as is shown in the following parodies of the proverb *Children should be seen and not heard*. Both the alterations below contain paronomastic puns, i.e., puns involving two similar but not identical strings of sounds and graphemes (*had – heard, hurt – heard*):

Children should be seen and not had. (Safian, 1967: 45).

Children should be seen and not hurt. (Braude, 1955: 384).

3.3. Homophones

In this subsection let us view three anti-proverbs from our material employing homophones (words pronounced the same but spelled differently). The first two are both transformations in which the word *seen* from the original proverb is perverted by the word *scene* in the parodies):

Children should be on scene and not heard. (Kilroy, 1985: 241). {Children should be seen and not heard}

What do you say to a silent movie star?

“You should be scene and not heard.” (Benny, 1993: 51). {Children should be seen and not heard}

Some puns employing homophones might not be even perceived as puns if not read, specifically the ones in which no other mechanism of variation occurs, as in the last example above and the one below:

It’s a wise father that no’s his own child. (Esar, 1968: 228). {It’s a wise father that knows his own son}

Many more types of proverb variation could be considered here. But I have to put a point on it now.

Conclusion and implications for further research

This study has focused on Anglo-American anti-proverbs (deliberate proverb innovations, alterations, parodies, transformations, variations, wisecracks, fractured proverbs) and proverbs about children. The most frequent types of proverb alteration (e.g., adding new words; replacing words, punning, etc.) and their subtypes has been discussed and demonstrated here. It is important to point out that the mechanisms of proverb variation are very often combined, and in a variety of ways. In my analysis I have put main emphasis on the formal features of the alteration.

As we can see from our discussion, proverb parodies respect nobody. Nothing is too holy or sacrosanct to avoid exposure to proverbial ridicule. Humor of numerous proverb transformations listed and analyzed is aimed at children. Anti-proverbs may contain elements not only of funniness, but also of offensiveness, hostility and aggression directed, as we have seen from the texts above, toward children, e.g. *Aural sex should be heard and not obscene.* (Kilroy 1985: 280) {*Children should be seen and not heard*}. In this respect none the traditional proverb *Sticks and stones may break my bones, but words will never hurt me* or its parody – “*Sticks and stones may break my bones, but joke will never hurt me* (Saper, 1991: 238) – are true; many anti-proverbs are far from innocent.

The literary basis of humor comes from the irony of the situation in which unfulfilled expectations give birth to unexpected results. According to Arthur Koestler, “Humour depends primarily on its surprise effect: the bi-sociative shock. To cause surprise the humorist must have a modicum of originality – the ability to break away from the stereotyped routines of thought” (Koestler, 1964: 91). Since proverbs are considered by many of us sacrosanct, their reinterpretation in innovative ways can create humor. We laugh at some anti-proverbs because they skew our expectations about traditional values, order, and rules. We are, however, sometimes struck by the absurdity of some situations portrayed in proverb parodies, especially when they rely purely upon lin-

guistic tricks employed for the sole purpose of making punning possible. Very often, however, anti-proverbs move beyond the realm of fun and wordplay to commenting on important aspects of society. As Mieder points out, “In this respect even the anti-proverbs become moralistic if not didactic statements to a degree...” (Mieder, 1989: 243). The great abundance of Anglo-American anti-proverbs about children presented and analyzed in this study, as well as the anti-proverbs being created daily in the contemporary world, definitely show that “the proverb continues to be used as an effective means of communication in our modern society” (Mieder, 1989: 223).

And even if one finds some of the transformations displayed here to be obscene, vulgar, flat, nevertheless, they are the proof of human creativity, and thus, like traditional proverbs, should be collected and studied by proverb scholars.

I hope that the present study will project some implications for further research into this field of study not only in American culture but also in other cultures. Thus, it would be important to do a detailed cross-cultural analysis of anti-proverbs about children in American and other societies, and to compare and contrast basic mechanisms of alteration of proverbs about children, as well as attitudes towards children reflected in anti-proverbs from different languages.

Appendix

The organization of our 43 anti-proverbs for 6 traditional proverbs about children is based on the following pattern: The actual proverbs are arranged in alphabetical order and are printed in italics. Each proverb is followed by a number in parentheses indicating the number of anti-proverbs that I have been able to locate for it in two collections of Anglo-American anti-proverbs compiled by Wolfgang Mieder and Anna T. Litovkina (see Mieder & Tóthné Litovkina, 1999; T. Litovkina & Mieder, 2006). It is followed by a short statement concerning the meaning of the proverb, and, last but not least, the anti-proverbs. The anti-proverbs themselves are arranged alphabetically, and for each text a precise reference is provided.

A burnt [burned] child dreads [fears] the fire. (4)

Meaning: A person who has suffered from something will try to avoid it after that and not to repeat a painful lesson again.

A burned child fears dread (in its parents). (Christie Davies, 1999).

A burned child makes an ash of itself. (Christie Davies, 1999).

A burnt child dreads fire ...until the next day. (M. Twain, in Berman, 1997: 54).

A burnt child will dread the fire only if it survives. (Feibleman, 1978: 126).

Children should be seen and not heard. (12)

Meaning: Children should not be obtrusively noisy in the presence of adults.

Aural sex should be heard and not obscene. (Kilroy, 1985: 280).

Children should be heard and not seen plastered to the TV. (The Burlington Free Press, June 3, 1995).

Children should be obscene and not heard. (Kandel, 1976).

Children should be on scene and not heard. (Kilroy, 1985: 241).

Children should be seen and not had. (Safian, 1967: 45).

Children should be seen and not hurt. (Braude, 1955: 384).

Children should neither be seen nor heard from – ever again. (W.C. Fields, in Metcalf, 1993: 36).

Humorists should be seen and not obscene. (Loomis, 1949: 354).

“Little boys should be seen and not heard,” as the boy said when he could not recite his lesson. (Mieder & Kingsbury, 1994: 14).

Traffic slogan: Children should be seen and not hurt. (Crosbie, 1977: 167).

What do you say to a silent movie star?

“You should be scene and not heard.” (Benny, 1993: 51).

When children are seen and not heard it's apt to be through binoculars. (McKenzie, 1980: 69).

It's a wise child that knows its own father. (6)

Meaning: A person can never be sure that a certain man is his father.

It's a wise child that resembles its rich relatives. (Esar, 1968: 668).

It's a wise horse that knows its own fodder. (Esar, 1968: 395).

It's a wise horse that noses his own fodder. (Loomis, 1949: 354).

It's a wise stock that knows its own par. (Esar, 1968: 573).

It's a wise novelist that knows his own screen child. (Esar, 1968: 138).

To the boy with a toy pistol – It's a wise child that knows its own popper. (Loomis, 1949: 354).

It's a wise father who knows his own child. (3)

Meaning: Good parents know their children well.

It's a wise father that no's his own child. (Esar, 1968: 228).

It's a wise father who knows as much as his own child. (Judge, in Prochnow, 1955: 104).

It's a wise father who knows his own child – will do everything he is told not to do. (Esar, 1968: 232).

Spare the rod and spoil the child. (13)

Meaning: When misbehaving children need physical punishment, otherwise they will grow up spoilt and will expect everyone to indulge them.

An Irishman in maternity ward is worried that the thin and sickly baby he sees is his own. “No,” says the nurse, pointing to a fine, chubby, baby boy, “this is yours; the other child was born by artificial insemination.” “Just what I've always heard said: ‘Spare the rod and spoil the child’.” (Legman, 1968: 589).

Don't spare the rod, or you may some day find junior carrying one. (Esar, 1968: 650).

Ephraim's son Willie was a hot-rod enthusiast. He spent every moment of his leisure time – and many hours of what

should have been his study time – tinkering, adjusting, or otherwise monkeying with the unlikely heap that shone in the garage. Ephraim’s patience grew shorter and shorter as Willie’s schoolwork suffered.

One day Willie, satisfied at last that his auto was ready, needed only a few spare tires to allow him to enter the annual hot-rod contest. His father adamantly refused to contribute even a single penny, saying, “*Spare the rod and spoil the child.*” (Heller, 1974: 279).

Nerve: Breaking the hair-brush on the disobedient scion, then making him pay for a new one. See revised version, “Spare the rod and spoil the hair-brush!” (Wurdz, 1904).

Spare the dekameter and spoil the child. (Colombo, 1975).

Spare the hot rod and save the child. (Safian, 1967: 37).

Spare the marcel and spoil the woman. (Loomis, 1949: 357).

Spare the rod and save the child. (Hubbard, 1973: 150).

Spare the rod and spoil the drag race. (library staff lounge, in Reisner, 1971: 187).

Spare the rod and spoil the wife. (Livia Horváth, in Litovkina, 2004: 318).

Spare the rod – and you’ll get struck by lightning. (Esar, 1968: 479).

Spare the rod and you’ll have no fish for dinner. (Loomis, 1949: 357).

Spare the rod but use iron and the child will be as desired. (Brigitta Stalter, in Litovkina, 2004: 318).

Spoil the rod and spare the child. (William Dean Howells, in Esar, 1968: 422).

The child is father of the man. (4)

Meaning: The child’s character indicates what sort of person he will be when he grows up.

The child is father of the man...unless the offspring happens to be a girl. (Berman, 1997: 54).

The child is father to the man, but there’s no second manhood for second childhood. (Esar, 1968: 715).

The child is father to the man, except when the child is a girl. (Esar, 1968: 344).

“The child is father to the man.” This was written by Shakespeare. He didn’t often make that kind of mistake. (Brandreth, 1985: 222).

References

- Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
- Benny M. *World’s Funniest Joke Book*. New York: Sterling Publishing Co., Inc., 1993.
- Berman L. A. *Proverb Wit & Wisdom: A Treasury of Proverbs, Parodies, Quips, Quotes, Clichés, Catchwords, Epigrams and Aphorisms*. Berkeley: A Perigee Book, 1997.
- Brandreth, G. *Wordplay*. London: Severn House Publishers, 1985 (1st edition 1982).
- Braude J. M. *Speaker’s Encyclopedia of Stories, Quotations and Anecdotes*. New York: Prentice-Hall, Inc., 1955.
- Colombo John Robert. *Little Book of Canadian Proverbs, Graffiti, Limericks, and other Vital Matters*. Edmonton/Alberta: Hurtig, 1975.
- Crosbie J. S. *Crosbie’s Dictionary of Puns*. London: Futura Publications Limited, 1977.
- Esar E. *The Humor of Humor*. New York: Horizon Press, 1952.
- Esar E. *20,000 Quips and Quotes*. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1968.
- Feibleman J. K. *New Proverbs for Our Day*. New York: Horizon Press, 1978.
- Heller, L. G. Toward a General Typology of the Pun. In: *Language and Style*, 1974, 4(4), 271–282.
- Hubbard E. *A Thousand & One Epigrams and The Roycroft Spop: A History*. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1973.
- Kandel H. *The Power of Positive Pessimism: Proverbs for Our Time*. Los Angeles: Price/Stern/Sloan Publisher (without pages), 1976 (ninth printing).
- Kilroy, R. *Graffiti: The Scrawl of the Wild and Other Tales from the Wall*. London: Corgi Books, 1985.

- Koestler Arthur. *The Act of Creation*. New York: The Macmillan Company, 1964 (second printing).
- Legman G. *Rationale of the Dirty Joke. An Analysis of Sexual Humor*. New York: Bell Publishing House, 1968.
- Litovkina A. T. Old Proverbs Never Die: Anti-Proverbs in the Language Classroom. In: *Res humanae proverbium et sententiarum: Ad honorem Wolfgangi Mieder*, ed. Földes, Cs. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004, 295–326.
- Litovkina A. T. *Old Proverbs Cannot Die: They Just Fade into ParoDY: Anglo-American Anti-Proverbs*. Habilitációs dolgozat. (manuscript), 2005.
- Litovkina, A. T. “Where there’s a will there’s a lawyer’s bill”: Lawyers in Anglo-American anti-proverbs. In: *Acta Juridica Hungarica*, 2011a, 52(1), 82–96.
- Litovkina A. T. Sexuality in Anglo-American anti-proverbs. In: *The pragmatics of humour across discourse domain, pragmatics and beyond*, ed. M. Dynel, Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2011b, 191–213.
- Litovkina A. T. Politicians in Anglo-American anti-proverbs. In: *International issues from wars to robots*. Eds. Grodzki, E., Rehman, Sh., Calma, C., & Colombo, K. Linus Publications, 2013, 95–109.
- Litovkina A. T. “Do you serve lawyers and politicians here?”: Stereotyped lawyers and politicians in Anglo-American jokes and anti-proverbs. Komárno: J. Selye University Faculty of Education, 2016.
- Litovkina A. T. “Make love, not war ... Get married and do both”: Negative aspects of marriage in anti-proverbs and wellerisms. In: *The European Journal of Humour Research*, 2017, 5(4), 112–135.
- Litovkina A. T. *Women through anti-proverbs*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018a.
- Litovkina A. T. Positive and negative sides of divorce as reflected in Anglo-American anti-proverbs. In: *Вестник Карагандинского Университета. Серия Филология*, 2018b, 4(92), 29–33.
- Litovkina A. T. Metaphors of Love Before and After Marriage in Proverbs and Anti-Proverbs. *Proverbs within Cognitive Linguistics: State of the Art*. Ed. Belkhir, S., Amsterdam: John Benjamins, 2024 (in press).
- Litovkina A. T. Hrisztova-Gotthardt, H., Barta, P., Vargha, K., & Mieder, W. *Anti-proverbs in five languages: Structural features and verbal humor devices*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021.
- Litovkina A. T. & Mieder, W. *Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs*. Burlington: The University of Vermont – Veszprém: The Pannonian University of Veszprém, 2006.
- Litovkina A. T. & Mieder, W. *Marriage seen through proverbs and anti-proverbs*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.
- Loomis, C. G. Traditional American Worldplay: The Epigram and Perverted Proverbs. In: *Western Folklore*, 1949, 8, 348–357.
- Margo, Egdon H. Missprints [sic]. In: *Verbatim: The Language Quarterly*, 3, 16, 1982.
- McKenzie E. C. *Mac’s Giant Book of Quips & Quotes*. Grand Rapids, Michigan: Baker Book House, 1980.
- Mieder Wolfgang. *American Proverbs: A Study of Texts and Contexts*. Bern: Peter Lang, 1989.
- Mieder W. & Stewart A. Kingsbury. *A Dictionary of Wellerisms*. New York: Oxford University Press, 1994.
- Mieder W. & Tóthné Litovkina A. *Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs*. Burlington: The University of Vermont, 1999.
- Norrick, N. R. Intertextuality in Humor. *Humor*, 1989, 2(2), 117–139.
- Prochnow, H. V. *Speaker’s Handbook of Epigrams and Witticisms*. Blackpool: A. Thomas & CO, 1955.
- Raskin Victor. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Reidel, 1985.
- Reisner R. *Graffiti: Two Thousand Years of Wall Writing*. Chicago: Henry Regnery Company, 1971.
- Safian L. A. *The Book of Updated Proverbs*. New York: Abelard-Schuman, 1967.
- Saper, Bernard. The JAP Joke Controversy: An Excruciating Psychosocial Analysis. In: *Humor*, 1991, 4(2), 223–239.
- Wurdz G. *The Foolish Dictionary*. Boston, Massachusetts: The Robinson, Luce Company (without pages), 1904.

EDN: HOZYDA
УДК 398.91:316.642:811.11

Cognitive Perspective of English Money Proverbs

Polina Oleneva*

*Eotvos Lorand University
Budapest, Hungary*

Received 17.02.2024, received in revised form 27.02.2024, accepted 02.04.2024

Abstract. The present paper aims to examine the metaphorical aspects found in English proverbs related to money. This analysis will be conducted using the Conceptual Metaphor Theory proposed by Lakoff and Johnson (1980), along with the FORCE money system introduced by Kövecses (2018). Our primary objective is to delve into the metaphorical nature of money proverbs and anti-proverbs across both languages. Kövecses (2018) suggests that further investigation is required into the FORCE metaphor of money, which will be a focal point of this chapter. Additionally, we will explore various conceptual metaphors related to money during our analysis.

Keywords: English proverbs, money, money proverbs, the conceptualization of money, conceptual metaphor theory.

Research area: social structure, social institutions and processes; languages of the peoples of the foreign countries (English).

Citation: Oleneva P. Cognitive perspective of English money proverbs. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 882–891. EDN: HOZYDA

Когнитивный аспект английских денежных пословиц

П. Оленева

*Университет Этвоша Лорана
Венгрия, Будапешт*

Аннотация. Цель настоящей статьи – изучить метафорические аспекты, встречающиеся в английских пословицах, связанных с деньгами. Этот анализ будет проведен с использованием теории концептуальных метафор, предложенной Лакоффом

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: oleneva_polina@protonmail.com

и Джонсоном (1980), а также системы принудительных денег, представленной Кевексесом (2018). Наша основная цель – изучить метафорическую природу денежных пословиц и антипереговорок в обоих языках. Кевексес (Kövecses, 2018) предполагает, что требуется дальнейшее исследование метафоры СИЛЫ денег, которая будет в центре внимания этой главы. Кроме того, в ходе нашего анализа мы рассмотрим различные концептуальные метафоры, связанные с деньгами.

Ключевые слова: английские пословицы, деньги, пословицы о деньгах, концептуализация денег, теория концептуальной метафоры.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6 – языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Оленева П. Когнитивный аспект английских денежных пословиц. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 882–891. EDN: HOZYDA

Introduction

According to de Saussure's work (1959: 66–67), meaning comprises two elements: one intrinsic to language and the other transcending it. This interaction between linguistic expressions, referred to as signifiers, and the concepts they represent, termed Signified, is a cognitive process whereby language users organize their knowledge and experiences in the world. These cognitive processes, identified as schematization and categorization, collectively known as conceptualization (Sharifian 2003: 188), operate within the realm of cognitive semantics, intimately linked with language and the meanings it conveys (Langacker, 2008: 4). Proverbs exemplify how conceptualization manifests. Additionally, meaning isn't solely reliant on linguistic structures and senses; external factors such as culture, experience, and shared knowledge contribute significantly to meaning, drawing upon our embodied experiences to shape meaning, thereby becoming integral to the mind, language, and culture nexus (Kövecses, 2006: 3).

Idiomatic expressions serve as fertile ground where these three aspects intersect. The Collins Cobuild Dictionary of Idioms defines idioms as “a group of words which have a different meaning when used together from the one it would have if the meaning of each word were taken individually” (Sinclair 1995: iv). Consequently, the significance of idioms cannot be discerned by considering their in-

dividual components in isolation (Kövecses and Szabo, 1996: 326). In essence, linguistic meaning stems from both the linguistic expressions (signifiers) and the concepts they represent (signified). The cognitive processes of schematization and categorization, or conceptualization, enable language users to structure their knowledge and experiences. While proverbs illustrate conceptualization within language, meaning isn't solely contingent on linguistic structures and senses; extralinguistic factors such as culture, experience, and shared knowledge significantly contribute to meaning. Idiomatic expressions serve as a prime example of how these extralinguistic factors interact with language to generate meaning that transcends the sum of its individual parts.

Therefore, the present investigation will delve into the significance of selected English proverbs as reflections of our societal constructs. Specifically, our primary objective is to scrutinize the metaphorical implications embedded within money-related proverbs in both languages. Kövecses (2018) suggests that further exploration is warranted concerning the FORCE metaphor of money, which will be a focal point of our analysis. We aim to examine the monetary realm portrayed in metaphorical English proverbs, with an emphasis on the FORCE metaphor. Additionally, other conceptual metaphors related to money will be explored.

Idiomatic expressions will not be within the scope of this study. Moreover, as noted by Mieder (2004: 8), many proverbs carry metaphorical meanings, thereby limiting our analysis to those English proverbs with metaphorical connotations. Proverbs with literal interpretations were excluded from the analysis, although they form part of the dataset to ascertain the extent to which money-related proverbs can adopt metaphorical attributes.

To address these objectives, the following research questions will be considered:

1. To what extent can the Conceptual Metaphor Theory elucidate the metaphorical nuances of specific English money-related proverbs?

2. What are the principal conceptual metaphors identified in English proverbs concerning money?

This study will primarily utilize literature review and comparative analysis as research methods. Additionally, a statistical frequency analysis will be conducted to determine the predominant themes addressed by money-related proverbs in English and Russian contexts.

Theoretical background of the research

Proverbs commonly exhibit idiomatic characteristics, as many are rooted in idioms. Mieder (2004: 3) defines a proverb as “a short, widely known sentence of folk wisdom, truth, morals, and traditional viewpoints, expressed in a metaphorical, fixed, and memorable manner, passed down through generations.” This definition serves to distinguish between proverbs and idioms. According to this definition, where a proverb constitutes a complete sentence while an idiom consists of a group of words, not necessarily forming a sentence (Belkhir, 2021: 559), the data examined in this study will focus solely on proverbs.

Metaphor, defined as “understanding one conceptual domain in terms of another conceptual domain” (Kövecses, 2010: 4), involves experiencing one thing in terms of another (Lakoff & Johnson, 1980: 5). Therefore, there exists a primary domain (the target domain) comprehended through another domain (the source domain). The former is abstract, while the latter is more concrete (Kövecses, 2010:

4). For instance, in the proverb ‘Money talks,’ there exists a conceptual metaphor where money is equated with a powerful person. Here, the source domain is a human being, and the target domain is the influence of money. The relationship between both domains is established through understanding the target domain in terms of the source domain, facilitated by systematic correspondences known as mappings, as explained by Conceptual Metaphor Theory (Lakoff and Johnson 1980). The analysis conducted in this research will adhere to the framework of Conceptual Metaphor Theory.

According to Lakoff & Johnson (1980, p. 3), our ordinary thought processes and actions are fundamentally metaphorical. Therefore, there must be a method or approach to effectively identify the metaphors present in our surroundings. Pragglejaz Group (2007) introduced a systematic procedure for detecting metaphors (as well as metonymies) in language. This paper will adopt the same methodology to pinpoint instances of metaphorical language in the data. The ‘metaphor identification procedure’ (MIP) involves several steps for identifying metaphorical language in discourse. Initially, the entire text is comprehensively read to grasp its overall meaning and to identify lexical units. Then, based on the context, the basic meaning of each lexical item is determined to ascertain whether it differs from its contextual meaning. If the contextual and basic meanings align, the lexical items are labeled as non-metaphorical. However, if there is a disparity between the two meanings, further analysis is conducted to determine if any similarities exist between them. If similarities are found, the lexical item is marked as metaphorical; otherwise, it is labeled as non-metaphorical and excluded from the data.

Many idiomatic expressions related to money, as well as proverbs demonstrating a high degree of idiomaticity in English, are grounded in metaphor (Kövecses, 2018). In this metaphorical framework, the concept of money is termed the ‘target domain,’ while that of (moving) liquid is referred to as the ‘source domain.’ According to Kövecses (2018), the conceptualization of money often draws from the

imagery of moving substances or liquids, not only in everyday language but also in scientific discourse (e.g., economic, financial, commercial terminology such as currency, cash flow, money circulation, liquidity, and frozen assets). Despite the importance of money in daily life, Kövecses (2018) notes that the force metaphor has been relatively overlooked by linguists studying metaphors of money. This study aims to focus more on the metaphorical concept of money, utilizing a different corpus than that examined by Kövecses in 2018, specifically English proverbs. Additionally, while examining the English proverb “time is money,” it becomes apparent that “money” is not the target domain but rather the source domain. In this realization of the metaphor, “time” is conceptualized as a valuable entity in life, with “money” serving as the source domain. Hence, this paper’s discussion will not be confined solely to money as a target domain in English proverbs. The analysis will explore instances in the data where money functions as both a source and target domain.

Literature review

Numerous endeavors have been made to explore the concept of money in English, Russian, and other languages from diverse perspectives. Scholars such as Kövecses (2018), Denisenkova (2013 & 2016), Fedyanina (2005), Golubeva (2008), Mayorenko (2005), Osheva (2015), and Paleeva (2010), among others, have contributed to this field. Kövecses (2018) examined how English idiomatic expressions about money can unveil the conceptualization of money, analyzing the metaphorical implications of certain idiomatic expressions, proverbs, and sayings in English. His focus lay on the conceptual metaphor “money is a force,” suggesting that the force domain of money is utilized to denote the relationship between individuals and money. According to Kövecses, two forceful entities are involved in the conceptualization of money: human attitudes toward money and money itself (p. 367). Kövecses proposed a classification of money metaphors based on the conceptual metaphor “causes are forces,” as outlined by Lakoff (1993). This categorization system includes causes such as social power,

desire, source or origin, essential condition, enabling cause, and multiplier (p. 368). The analysis in this study will adopt Kövecses’ categorization framework. However, the data will exclusively consist of money-related proverbs, with idiomatic expressions excluded from the analysis. Furthermore, this study will illustrate how money can serve as a source domain in English proverbs.

Recently Oleneva (2023) investigated the metaphorical dimension in English and Russian money proverbs. The examination revealed that the notion of money in English and Russian proverbs can serve as both the source domain and target domain. Additionally, it was observed that both languages largely share similarities in the conceptual metaphors that inspire money proverbs. However, in English proverbs, money appears slightly more frequently as a source domain compared to its occurrence in Russian money proverbs. Conversely, Russian money proverbs indicate that money serves as a target domain to a greater extent than in English proverbs concerning money. This study aimed to investigate conceptual metaphors in money proverbs across two distinct languages. However, the study did not have the detailed analysis as the current paper.

Another investigation conducted by Oleneva (2022) delved into the conceptualization of money in English anti-proverbs from a cognitive standpoint. The objective of the study was to examine the metaphorical significance of the money theme within a collection of English anti-proverbs, drawing upon the Conceptual Metaphor Theory and Kövecses’ research (2018). The primary source domains utilized to conceptualize money included force, human beings, objects, plants, and animals. A total of 170 English anti-proverbs concerning money were analyzed by the author. However, it’s worth noting that the sample size of anti-proverbs analyzed is relatively small, and the exclusive focus on anti-proverbs may not fully encompass the range of money metaphors present in English. The study heavily relies on the Conceptual Metaphor Theory and Kövecses’ work, potentially limiting alternative perspectives on the concept of money. Consequently, further research is warranted

to gain a comprehensive understanding of the metaphorical usage of money in the English language.

Furthermore, Oleneva and Litovkina (2021) conducted an examination of Russian proverbs and anti-proverbs concerning money. The authors illustrated various mechanisms of proverb transformations, explored the semantic domain of the term “money,” and provided examples of money-related proverbs from other languages. They also offered a comprehensive analysis of money proverbs and anti-proverbs in Russian, covering a total of 33 Russian proverbs and 88 anti-proverbs. Their analysis focused on the internal changes within proverbs and identified the most prevalent types of transformations within the corpus.

These studies by Oleneva (2022, 2023) and Oleneva and Litovkina (2021) concentrated on money anti-proverbs in English and Russian, unlike the present study, which will concentrate on deeper analysis of money proverbs in English. Nonetheless, Oleneva and Litovkina’s examination of Russian proverbs and

anti-proverbs regarding money provides valuable insights, although it has some limitations, such as a relatively small sample size and the absence of a theoretical framework. Moreover, the study’s exclusive focus on Russian proverbs and anti-proverbs may restrict its applicability to other languages. Further research is necessary to fully grasp the metaphorical usage of money in proverbs and anti-proverbs across diverse languages.

Discussion and data analysis

The primary aim of this study is to investigate the metaphorical aspects of money-related proverbs in English and. The sample comprises a total of 92 English proverbs. Following the application of the Metaphor Identification Procedure (MIP) developed by the Pragglejaz Group (2007) to identify money proverbs.

There are 57 instances of English money proverbs where money is depicted as the target domain. In these proverbs, metaphors are employed to discuss the topic of money by drawing on other concepts. Table 1 illustrates

Table 1. Source domains in the English proverbs that have money as a target domain

Money as a target domain in English Proverbs		
Source Domains	Frequency	Percentage
Human	16	28.1
Power	14	24.6
Object	7	12.3
Food	3	5.3
Plant	3	5.3
Animal	2	3.5
Feeling	2	3.5
Fire	2	3.5
Comfort	1	1.8
Hell	1	1.8
Language	1	1.8
Location	1	1.8
Lubricant	1	1.8
Relationships	1	1.8
Smell	1	1.8
Sport	1	1.8
Total	57	100

the primary source domains that are metaphorically linked to money in English, including MONEY IS A HUMAN BEING, POWER STANDS FOR MONEY, and OBJECT STANDS FOR MONEY. These conceptual metaphors are the most prevalent in English money proverbs. Additionally, Table 1 lists other conceptual metaphors that are used less frequently compared to these main three, such as FOOD STANDS FOR MONEY, PLANT STANDS FOR MONEY, and OBJECT STANDS FOR MONEY.

Furthermore, the examination indicated that apart from serving as a target domain, money is also employed as a source domain in numerous English proverbs. These proverbs do not primarily revolve around the notion of money itself; rather, they utilize money metaphors to convey other concepts such as behavior, life, and relationships, as depicted in Table 2. The table outlines the principal target domains within a selection of English proverbs where money functions as the source domain. Hence, terms related to money are utilized in the figurative language of money proverbs to address various themes, with behavior, life, relationships, and risk being the most prevalent ones.

Based on the analysis, the focus on money as a source domain has predominantly centered on either English proverbs or target domains. In particular, this part of the study will delve into identifying the primary conceptual metaphors found in English money proverbs. Only the most common examples will be explored in

the chapter addressing money as both a target and source domain.

In both instances (1) and (2), money is personified, being portrayed as a person or friend. However, cognitive linguistics doesn't confine personification solely to literary language, as seen here, where it conveys the importance and loyalty of money. These English proverbs employ the conceptual metaphor that equates a human figure with money A HUMAN STANDS FOR MONEY.

(1) "There are three faithful friends: an old wife, an old dog, and ready money."

(2) "There's no friend like a dollar."

Below, we will illustrate *the Mapping Process* step by step:

Step 1. Identify Candidate Metaphors:

Identify segments of the text potentially containing metaphors. In examples (1) and (2), the potential metaphors are:

- "faithful friends"
- "an old wife"
- "an old dog"
- "ready money"
- "friend like a dollar"

Step 2. Determine Source and Target Domains:

For each candidate metaphor, determine the source and target domains. The source domain is what is used to describe another concept (target domain).

Table 2. Money as a source domain in English Proverbs

Money as a source domain in English Proverbs		
Target Domains	Frequency	Percentage
Behaviour	15	42.9
Risk	8	22.9
Life	4	11.4
Relationships	3	8.6
Appearance	1	2.9
Corruption	1	2.9
Power	1	2.9
Time	1	2.9
Value	1	2.9
Total	35	100.0

Example 1:

Source Domain: Faithfulness

Target Domains: Companionship and support (old wife, old dog), Financial security (ready money)

Example 2:

Source Domain: Friendship

Target Domain: Monetary value (dollar)

Step 3. Categorize Metaphors:

Categorize the metaphors based on their type. Common categories include structural metaphors, orientational metaphors, ontological metaphors, etc.

Example 1:

Structural Metaphor: Faithfulness is linked to the concept of being a friend or companion.

Example 2:

Structural Metaphor: Friendship is linked to the concept of being like a friend.

Step 4. Conceptual Metaphor Analysis:

Analyze the metaphorical associations and implications. Explore the deeper meanings and cultural connections associated with the metaphors.

Example 1:

The metaphor “faithful friends” suggests that faithfulness resembles the loyalty and support of a friend, emphasizing the value of long-term relationships.

Example 2:

The metaphor “friend like a dollar” implies that the value of money can be likened to the dependability of a friend, reflecting the importance placed on financial resources.

These examples illustrate how language employs metaphor to connect abstract concepts and shape our perceptions. Personification, a frequently used figurative device, makes abstract concepts more relatable and understandable in proverbs and literature. By personifying money, its significance in our lives is underscored, highlighting its role as a symbol of safety and constancy. Essentially, this technique aids individuals in grasping the importance of money and its societal significance.

The proverb in (3) suggests that money is a superpower that can make the world turn. The

proverb in (4) also portrays money as a force that can influence how people view others’ mistakes. On the other hand, besides the power metaphor, there is another conceptualization in which money is a blanket or something that hides objects.

Example Metaphors:

(3) “Money makes the world go round.”

(4) “Money covers all faults.”

Step-by-Step Mapping Process:

Step 1. Identify Candidate Metaphors:

– “Money makes the world go round.”

– “Money covers all faults.”

Step 2. Determine Source and Target Domains:

Example 3:

Source Domain: Physical motion (spinning, moving)

Target Domain: The world (figuratively described as in motion due to money)

Example 4:

Source Domain: Protection or concealment

Target Domain: Faults or shortcomings (figuratively hidden or addressed by money)

Step 3. Categorize Metaphors:

Example 3:

Structural Metaphor: Money is depicted as a force propelling global activities, highlighting its pivotal role in societal dynamics.

Example 4:

Structural Metaphor: Money is presented as a cover or solution to address imperfections.

Step 4. Conceptual Metaphor Analysis:

Example 3:

The metaphor “Money makes the world go round” underscores money’s influence in driving global interactions and affairs.

Example 4:

The metaphor “Money covers all faults” suggests that money has the ability to mask or alleviate flaws, emphasizing its potential to address issues.

Proverb (5) implies that money is fleeting and can easily slip away from one’s grasp. The metaphor of money as a moving object indi-

cates that it is challenging to hold onto and that it requires constant attention and vigilance to keep it. The following example (6) suggests that money is an essential element that is necessary for business to function. The metaphor of money being the sinews of trade, which refers to the tough tissue that connects muscles to bones, implies that money is the connective tissue that enables business transactions to occur.

(5) Money is round and rolls away.

(6) Money is the sinews of trade.

Step-by-Step Mapping Process:

Step 1. Identify Candidate Metaphors:

“Money is round and rolls away”.

“Money is the sinews of trade”.

Step 2. Determine Source and Target Domains:

Example 5:

Source Domain: Physical characteristics of objects (roundness, ability to roll)

Target Domain: Money (being metaphorically described as having these physical traits)

Example 6:

Source Domain: Anatomy or structure (sinews, which are connective tissues)

Target Domain: Money (being metaphorically linked to sinews in the context of trade)

Step 3. Categorize Metaphors:

Example 5:

Structural Metaphor: Money is metaphorically portrayed as a round object with the ability to roll away, suggesting its potential to be elusive or difficult to retain.

Example 6:

Ontological Metaphor: Money is conceptually linked to the notion of sinews, which serve as a vital connection in trade.

Step 4. Conceptual Metaphor Analysis:

Example 5:

The metaphor “Money is round and rolls away” may imply that money can be fleeting and easily lost, comparing its behaviour to a rolling object.

Example 6:

The metaphor “Money is the sinews of trade” highlights the essential role of money as

a connecting and enabling factor in commercial transactions.

The metaphorical concept MONEY STANDS FOR RISK associate money with risk, implying that financial resources can be both a source of gain and loss, and that taking risks can lead to both success and failure:

(7) You can spend a dollar only once.

(8) You never accumulate if you don't speculate.

In the money proverb in example (7), taking a risk is portrayed as spending a dollar once. This proverb is used to encourage people to take risks and seize opportunities because it is thought that opportunity comes once in a lifetime. Hence, money or money spending here stands for taking risks which motivates the conceptual metaphor money stands for risk. Also, the same conceptual metaphor is present in example (8).

Step-by-Step Mapping Process:

Step 1. Identify Candidate Metaphors:

“You can spend a dollar only once”.

“You never accumulate if you don't speculate”.

Step 2. Determine Source and Target Domains:

Example 7:

Source Domain: Expenditure or usage (spending a dollar)

Target Domain: The one-time nature of opportunities (being metaphorically described as spending a dollar)

Example 8:

Source Domain: Financial risk-taking (speculating)

Target Domain: The accumulation of wealth or success (being metaphorically linked to speculation)

Step 3. Categorize Metaphors:

Example 7:

Structural Metaphor: The metaphor “You can spend a dollar only once” relates the one-time nature of spending money to the idea of seizing opportunities.

Example 8:

Structural Metaphor: The metaphor “You never accumulate if you don't speculate” con-

nects the concept of accumulating with the act of financial speculation.

Step 4. Conceptual Metaphor Analysis:

Example 7:

The metaphor “You can spend a dollar only once” suggests that opportunities are finite and should be taken advantage of, similar to how money can only be used once.

Example 8:

The metaphor “You never accumulate if you don’t speculate” implies that taking calculated risks (speculation) is necessary to achieve accumulation or growth.

Conclusion

The current study aimed to examine the usage of money-related terms in a selection of English proverbs. Proverbs were analyzed within the framework of Conceptual Metaphor Theory proposed by Lakoff and Johnson (1980), with metaphorical proverbs identified using the Metaphor Identification Procedure (MIP) developed by the Pragglejaz Group (2007). Proverbs with literal, non-metaphorical meanings were excluded from the comparative analysis. While prior research primarily focused on

money as a target domain, this study aimed to provide a more comprehensive perspective by considering money metaphorical proverbs from both English and Russian angles.

The analysis revealed that English money proverbs are predominantly metaphorical, with most proverbs carrying metaphorical meanings. Additionally, it was noted that money can serve as both a source and target domain in proverbs.

The study is grounded in Conceptual Metaphor Theory, providing a cognitive explanation for the metaphorical elements found in English proverbs. English proverbs with money as the target domain were primarily motivated by conceptual metaphors such as a human stand for money, power stands for money, and an object stands for money.

In conclusion, further research is recommended to explore the topic of money in English across various contexts such as media, literature, and daily conversations. Comparative studies can also be conducted to examine the metaphorical use of money in other languages, providing valuable insights for educators, translators, and language learners navigating cross-cultural communication.

References

- Belkhir Sadia. “Cognitive linguistics and proverbs”. *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*, 2021, 599–611.
- de Saussure, Ferdinand. *Course in general linguistics*. New York: Philosophical Library, 1959.
- Denisenkova Julia. “A Diachronic Analysis of The Concept ‘Money’”. *MGIMO Review of International Relations*, 2013, 227–231.
- Denisenkova Julia. “Money-proverbs in the Russian and English languages”. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2016, 28–36.
- Fedyanina Lubov. *The Concept of “Geld” in the German Language Worldview*. (Unpublished candidate of philology dissertation). Kemerovo State University. Kemerovo, 2005.
- Golubeva Elena. “The Study of the Concept “Money” by the Method of Semantic Differential”. *Linguistic Personality. Speech Genres*, 2008.
- Kövecses Zoltán and Szabó, Péter K. “Idioms: A view from cognitive semantics”. *Applied Linguistics*, 1996, 326–355.
- Kövecses, Zoltán. “A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics”. *Cognitive Linguistics*, 2010, 663–697.
- Kövecses Zoltán. *Language, mind and culture: A practical introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Kövecses Zoltán. “The power (and problem) of money”. *Society and Economy*, 2018, 365–376.
- Lakoff, George. Johnson, Mark. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Langacker Ronald. W. *Cognitive grammar: A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

- Mayorenko Irina. *Conceptualization of the Concept of "Money" in the Lexical System and the Fund of Stable Units of Russian, English and French Languages*. (Unpublished candidate of philology dissertation). Kuban State University. Krasnodar, 2005.
- Mieder Wolfgang. *Proverbs: A Handbook*. Westport & London: Greenwood Press, 2004.
- Mieder Wolfgang. *Antisprichwörter*. Band I. Wiesbaden: Verlag für deutsche Sprache. 2. Kiadás, 1983.
- Oleneva Polina. "Conceptualization of money in English and Russian proverbs". *Proverbium – Yearbook*, 40(1), 2023, 134–160.
- Oleneva Polina. "Conceptualization of money in English anti-proverbs: a cognitive perspective". *Язык и литература в социокультурном пространстве*. Karagandy State University, 2022.
- Oleneva Polina and Litovkina, Anna. "Money in Russian anti-proverbs". *Studia Slavica Hung.*, 2021, 115–133.
- Osheva Elena. "Concept 'Money' in the English American Proverbs". *Historical and Social-Educational Ideas*, 2015, 390–392.
- Paleeva Elena. "The Concept of "Money" in the Minds of Russian Speakers". *Scientific Notes*, 2010.
- Pragglejaz Group. "MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse". *Metaphor and Symbol*, 2007, 1–39.
- Sharifian Farzad. "On cultural conceptualisations". *Journal of Cognition and Culture*, 2003, 187–207.
- Sinclair John. *Collins COBUILD idioms dictionary*. London: HarperCollins Publishers, 1995.
- Sundblom Daniel. *Money as Defined Concept in Conceptual Metaphors of Japanese*. Bachelor's degree project Japanese. Stockholm University, 2016.

EDN: JDCYQH
УДК 81'322.4+81'25:398.9(=111)(=612.9)

Students' remarks on Google's translated texts of English proverbs into Vietnamese

Khau Hoang Anh*, Nguyen Binh Phuong Thao
and Ngo So Phe

*Tra Vinh University
Tra Vinh, Vietnam*

Received 28.02.2024, received in revised form 21.03.2024, accepted 08.04.2024

Abstract. Google Translate (GT) has become a focused tool for students to use in their studies. First, to learn more about this machine translation's ability, the paper had GT translate 12 English proverbs adopted from an educational YouTube channel into Vietnamese. Second, to know how English-majored students can remark on this machine translation, the study employed 62 English-majored students at a university to comment on such machine's translated texts. It revealed that 50 % of GT's translation texts were acceptable. Regarding the students' comment ability on these translated texts, many were not confident when asked to comment on the GT's translation texts. Many tend to ignore the contexts of the proverbs when commenting, leading to their misjudgment of these translated texts. Suggestions on how to help improve GT's translation ability between English and Vietnamese proverbs are included, and a translation teaching approach is also proposed to enhance English-majored students' ability to remark Vietnamese translated versions of English proverbs provided by GT.

Keywords: GT, machine translation, English proverbs, Vietnamese proverbs, English-majored students.

Research area: social structure, social institutions and processes.

Authors' contributions. The first author: Khau Hoang Anh, also the corresponding author initiated the ideas for this study. He also wrote the introduction and the research methodology sections.

The second and third authors: Nguyen Binh Phuong Thao and Ngo So Phe searched for related studies for writing the literature review.

Citation: Khau Hoang Anh, Nguyen Binh Phuong Thao, Ngo So Phe. Students' remarks on Google's translated texts of English proverbs at work into Vietnamese. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 892–904. EDN: JDCYQH

Комментарии студентов к текстам английских пословиц, переведенным Google на вьетнамский язык

Кхау Хоанг Ань, Нгуен Бинь Фуонг Тхао, Нго Со Пхе

Университет Тра Винь

Вьетнам, Тра Винь

Аннотация. Google Translate (GT) стал специализированным инструментом для студентов, который они могут использовать в своей учебной деятельности. Во-первых, чтобы узнать больше о возможностях этого машинного перевода, в статье было предложено перевести 12 английских пословиц, заимствованных из образовательного канала YouTube, на вьетнамский язык. Во-вторых, чтобы узнать, как студенты, изучающие английский язык, могут прокомментировать этот машинный перевод, в исследовании приняли участие 62 студента, изучающих английский язык в университете, которые прокомментировали тексты, переведенные таким машинным способом. Выяснилось, что 50 % текстов, переведенных GT, были приемлемыми. Что касается способности студентов комментировать эти переведенные тексты, то многие из них не были уверены в себе, когда их попросили прокомментировать тексты перевода GT. Многие склонны игнорировать контекст пословиц при комментировании, что приводит к их неправильной оценке этих переведенных текстов. В него включены предложения о том, как улучшить способность GT переводить английские и вьетнамские пословицы, а также предлагается подход к обучению переводу, чтобы улучшить навыки студентов, изучающих английский язык.

Ключевые слова: GT, машинный перевод, английские пословицы, вьетнамские пословицы, студенты, изучающие английский язык.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы.

Вклад авторов. Кхау Хоанг Ань, автор-корреспондент, предложил идеи для этого исследования. Он также написал введение и разделы, посвященные методологии исследования. Авторы Нгуен Бинь Фуонг Тхао и Нго Со Пхе провели анализ соответствующих публикаций, использованных для обзора литературы. Все авторы проанализировали данные Google Translate и опроса студентов, написали дискуссионную часть исследования, выводы, заключение и сделали финальное редактирование статьи.

Цитирование: Кхау Хоанг Ань, Нгуен Бинь Фуонг Тхао, Нго Со Пхе. Комментарии студентов к текстам английских пословиц, переведенным Google на вьетнамский язык. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 892–904. EDN: JDCYQH

Introduction

GT has become an increasingly used tool in helping translate one language into another worldwide (Aiken & Balan, 2011; Maryamah et al., 2021). Recently, GT has created an autonomous learning propensity (Godwin-Jones,

2019). According to Al-Husban and Tawalbeh (2023), one of the goals of education is to help students develop appropriate learning autonomy. Moreover, its support in language learning skills has helped foreign language students sharpen their English performance (Muzdalifah

& Handayani, 2020) and English writing performance (Tsai, 2022). "GT is an instant translation tool accessed via a web browser or a software application" (Van Lieshout & Cardoso, 2022, p. 6). GT is a free, instant tool that offers many languages for input and output; it can recognize the voice, translate entire web pages, and upload files with an immediate translation outcome (Medvedev, 2016). However, it is challenging to expect GT to translate languages equally well. GT can better translate European than Asian languages (Aiken & Balan, 2011). GT can make more errors when translating Malay than Chinese (Groves & Mundt, 2015). As most languages do not have many chunks, GT could only discover a few (Medvedev, 2016).

Is human translation better? This question is puzzling. Most papers have researched how students translate their language into English and vice versa. Al Shehab (2016) found that the participating students needed help pick up correct Arabic equivalents for English proverbs due to unfamiliarity. Rahmaniah and Anggrani (2018) found that most students needed to be aware of grammatical aspects when translating English proverbs into Indonesian. Alenezi (2023) contends that students must improve their translation strategies when translating English proverbs into their first language. For example, students used literal translation and rewording translation strategies to translate proverbs, which were not recommended. In the case of a Vietnamese context, Phuong (2023) considers that teaching students translation strategies should optimize proverbial translation, using strategies such as illustrations to encourage students' critical thinking of the meaning contained in proverbs, and she contends that students' English proficiency plays a crucial role in proverbial translation.

From such curious perspectives, this study first aims to investigate GT's translation ability by seeing how it translates English proverbs at work into Vietnamese, thereby hoping to give more specific comments to this translation machine system. Besides, the study aims to see how English-majored university students commented on the translation quality that GT generated. The study used a version of the experts' comments on GT's translated texts to de-

cide whether each translation was acceptable. The results of our study can be meaningfully referred to by administrators of the machine translation system and students who wish to seriously consider their translation ability in terms of proverbial translation. Finally, by looking at the students' comment capability in this study, Translation teachers can reshape their Translation curriculum and develop suitable teaching strategies to help their students smartly remark on English proverbial translations carried out by others, especially by this translation machine.

Literature Review

Translations and translation strategies

The translation is the act of transferring the meaning of one text in one language into another in the way the translator intended the text (Newmark, 2009). The translator can choose his or her strategy to translate a text. For example, he or she can choose a formal equivalence strategy, which looks for the equivalence of surface structures at vocabulary and syntactic levels, or he or she can also choose the dynamic equivalence strategy, which looks at the equivalence of meaning in a deep structure (Jiang, 2020). For example, in Vietnamese, people say, "It is as slow as a tortoise", while in English "It is as slow as a snail". The image comparisons of the two languages are different. It can be easily understood that the people in the two societies have experienced objects and their quality of life differently. Hence, if a translator knows this difference, he or she can have a higher chance to produce better translation work.

What is more, when dealing with the issue of non-equivalence between languages, a translator can have difficulty using appropriate vocabulary and grammatical structures to retain the original sense in their translation (the target language). However, one can find their same intended meaning by scrutinizing the equivalence between the proverbs used in the two languages. For instance, an English speaker says, "Where there's a will, there's a way", while a Vietnamese catchphrase is "Có chí thì nên". In comparison, there is a slight difference between the use of words in the two language proverbs. For instance, there is no "where" in

Vietnamese, but “where” is the adverbial relative pronoun. In addition, while the English proverb has a longer sentence, the Vietnamese has a shorter one; the English counterpart expresses the meaning in an adverbial clause. All these marked differences should be brought into the Translation curriculum and classroom teaching methodology. When the translator proposes to translate the text in the way he or she wants, he or she uses the Skopos theory proposed by Vermeer (Du, 2012).

Proverbs

Native English proverbs are related more to folklore than the written sources and form a national-cultural component in the paremiological fund of Modern English (Ivanov & Petrushevskaja, 2015). Proverbs can be found in anthropology, art, communication, culture, folklore, history, literature, philology, psychology, religion, sociology, and linguistics (Hassanein, 2021). Vietnam is an agricultural country, and many images of animals and life framing, like buffaloes, ploughs, elephants, and wood, have been brought into Vietnamese proverbs (Nguyen, 2020). Symmetrical, asymmetrical, and simile are commonly used in Vietnamese proverbs (Hoang, as cited in Pham, 2016).

Generally, a proverb expresses a fundamental truth presented with homely language, alliteration and rhyme; it is usually short, and its meaning can be presented literally or figuratively; it must be venerable and originated from a distant past (Whiting 1932, cited in Mieder, 2004).

Shormani (2020) considered that to translate proverbs better, a translator needs to understand cultural values in both the source and target language. Concerning cultural aspects, the cultural turn approach is used to explain how the translation process operates, and a translator strives to remove cultural boundaries between the two languages to produce comprehensive translated texts for the target text reader (Nzimande, 2018). As Venuti (1995) put it, when removing cultural boundaries between the languages, it decides whether to keep foreignization (the source texts left untouched when translating either on purpose or because of a lack of equivalents in the target language

or culture) or to remove it to have a sense of domestication (leading to fluent, natural and comprehensible translation, translating familiar to the target reader).

Related studies

The study has examined how GT translated proverbs among languages. Regarding using GT to assist in proverb translation, El-Madkouri and Aranda (2022) tested how GT translated Arabic proverbs into Spanish, and they found that it generated a low level of accuracy and needed post-editing by a human translator. Chon et al. (2021) found that GT still needs to enhance its quality in contextual translations to ensure the understanding of translated texts with sources. Abidin et al. (2020) also found that GT could render idiomatic expressions better with precise contexts. Jabak (2019) stated that GT struggled with lexical, syntactic and expression aspects in proverbial translation. It tended to translate the texts literally, devaluating their contextual aspects. The author concluded that the literal translation chosen by the machine was because the source and the target language differ in distinctive linguistics and cultures. Hence, the machine could only pick the superficial meaning of the texts, and the author claimed that GT could not replace humans in the field of translation. Al-khresheh and Almaaytah (2018) investigated how GT translated six English proverbs into Arabic. They found that the machine could not pick up the meaning of English proverbs; the target language readers found such translated texts strange because the machine chose the literal translation. Lear et al. (2016) discovered that 66 % of online translations needed to be revised, made more comprehensible or acquired the intended meaning, and 26 % had grammatical mistakes. When talking about GT, Sheppard (2011) also regarded that it could not pick up the correct meaning when transferring the meaning of one language into another. It picks up word by word in a sentence or a clause. GT produced unsatisfactory translation results in the study of Komeili et al. (2011). They reported that GT tended to translate the literal rather than the contextual meaning. In addition, it tended to produce ambiguous translation sentences. Nguyen and

Khau (2021) found that GT could only translate functional language with present-time modal verbs, such as “can” and “will”, but could not render functional language with past forms of modal verbs, such as “could”.

The study also reviewed the literature on students' ability to handle proverbial translation in languages in this study. To test students' ability to translate proverbs, Polvonnazarovich (2024) found that students still met challenges regarding the translation of idioms, proverbs, and aphorisms from English into the students' native language (Uzbek). Alfaleh (2020) used English proverbs about honesty, lies, friendship, love, and unity, applying three primary criteria: comprehension errors, linguistic errors and translation errors and found that the students mainly focused on similar equivalents, translation by paraphrase, and literal translation. Shormani (2020) found that to help students ameliorate their ability to translate proverbs, Translation teachers must teach them cultural aspects engaged in proverbs. Khalil and Bilal (2019) had a group of English-majored students translate 15 English proverbs into Arabic using the criteria “incorrect”, “acceptable”, and “correct”. He discovered that the students needed help translating these English proverbs into Arabic. To explore whether students could translate English proverbs, Al-Khaza'leh (2019) got 25 fourth-year Jordanian translation students to translate 25 English proverbs into Arabic. It revealed that most participants picked up many correct equivalent Arabic proverbs, albeit still having some incorrect Arabic equivalents, caused by the differences in linguistics and cultures between English and Arabic. Dabbagh (2015) investigated the conceptual meaning of proverbs about time in Persian and English and found that both ethnic groups perceived time differently. English people experience more proverbs than their Persian counterparts. Dweik and Thalji (2015) found that the participants had difficulty translating culturally-bound words and equivalence in the target texts when translating idiomatic expressions.

Based on the literature on the pros and cons of GT and students' ability to translate English proverbs, this study uses the following questions to collect the data for the study.

1. How does GT translate English proverbs at work into Vietnamese?

2. How do English-majored students comment on GT's proverbial English translation into Vietnamese?

Methodology

Research design

The study's objectives are to see how GT translated English proverbs into Vietnamese and how the English-majored students commented on GT's translated texts. The author applied a mixed method by having GT render English proverbs into Vietnamese and collecting the students' comments on GT's translated texts. Finally, the study employed four senior Translation teachers who would comment on the translated texts provided by GT. Their comments were used to judge the quality of the machine's translation.

Participants

Sixty-two English-majored students at X University in southwest Vietnam were invited. Their ages range from 19 to 20. Most are females. They were in their second year of English studies. At the time of the study, they were taking Translation Course 1. The English program has both Oral and Written Translation courses. Thus, they were deemed to be suitable participants.

Instruments

The first instrument is GT, which helped translate English proverbs into Vietnamese to prepare the translated texts for judgment. The second is the survey, which was used to obtain the English-majored students' comments on GT's translated texts. The comments were given in the form of “agree” or “disagree” with each translated proverb provided by GT.

Materials

The study adopted 12 English proverbs from Accurate English.com – a YouTube channel that Mojsin (2020) presented. All twelve English proverbs are about work. The presenter explained the proverbs very well, which helped guide the authors and four volunteer senior teachers in judging GT's translation quality.

Procedures

After the author selected the English proverbs, he put them in GT for the translated texts. Then, he screenshots the translated texts and gave them to the four senior Translation teachers for feedback by giving a suggested translated version plus a comment with a “Yes” or “No” to each GT’s translated proverb. They have taught translation to English- majored students for over five years. They and the author frequently support each other in sharing teaching materials and methodology related to Translation and general English classes. Thus, asking them for support is exemplary. Hence, the author used these suggested translated versions to judge GT’s translation quality.

Next, the authors surveyed the participants with the classroom teachers’ support. To ensure the students’ understanding, the author explained the proverbs clearly and asked them

to do the task. The task lasted 15 minutes at recess, and each student received a gift.

Sixty-two surveys were returned, making 100 % of participation. After collecting the data, the author downloaded the survey’s result and computed it using SPSS software (version 22) for nominal data with a frequency count of agreement or disagreement, presented with a percentage.

Results and Discussion

Results

Table 1 illustrates the students’ comments on the twelve proverbs translated by GT. The proverbs in parenthesis all talk about work advice within the context. The translation was carried out on 12 February 2023. The students’ agreement with the translations is presented with a percentage. The teachers’ comments in the last column are either a “Yes” to mean an acceptable translation or a “No” to mean an un-

Table 1. GT’s translations, students’ agreement (Ss’ agreement), and teachers’ comments (T’s comments)

GT’s translation	Ss’s agreement (%)	T’s comments
<p>English</p> <p>The product is very popular this year. "Let's make hay when the sun shines and try to sell as many as we can".</p>	91.9	No, “Hãy nắm bắt cơ hội này để bán càng nhiều sản phẩm càng tốt.”
<p>English</p> <p>I can't believe that you don't have a business plan yet. "Failing to plan is planning to fail".</p>	88.7	Yes, this can be also rendered as “Không có kế hoạch đồng nghĩa với thất bại.”
<p>English</p> <p>A: You are so lucky that you have been promoted to upper management. B: You know what they say, "The harder you work, the luckier you get."</p>	90.3	Yes, this can be also rendered as “Làm việc càng chăm chỉ, bạn càng có nhiều cơ hội.”
<p>English</p> <p>Some people suggested that we change our marketing strategy, but in my opinion, "If it ain't broke, don't fix it."</p>	72.6	No, “Nếu chiến lược chúng ta không có vấn đề gì, thì không cần thay đổi.” or “Đừng cố chữa lợn lành thành lợn què.”

Table 1 Continued

GT's translation	Ss's agreement (%)	T's comments	
<p>English</p> <p>A: I don't know how we will afford to live in this expensive neighborhood. B: "Where there's a will, there's a way".</p>	<p>Vietnamese</p> <p>A: Tôi không biết làm thế nào chúng tôi sẽ đủ khả năng để sống trong khu phố đắt đỏ này. B: "Ở đâu có ý chí, ở đó có cách".</p>	85.5	Yes, this can be also rendered as "Có chí thì nên."
<p>English</p> <p>A: How did you find a way to fix the broken toilet? B: You know what they say, "Necessity is the mother of invention."</p>	<p>Vietnamese</p> <p>A: Làm thế nào bạn tìm ra cách để sửa chữa nhà vệ sinh bị hỏng? B: Bạn biết những gì họ nói, "Sự cần thiết là mẹ của phát minh."</p>	82.3	No, "Trong cái khó ló cái khôn."
<p>English</p> <p>If you'd like to buy this house, you'd better make an offer now. In this hot real estate market, "if you snooze, you lose".</p>	<p>Vietnamese</p> <p>Nếu bạn muốn mua ngôi nhà này, tốt hơn hết bạn nên đưa ra lời đề nghị ngay bây giờ. Trong thị trường bất động sản nóng bỏng này, "nếu bạn báo lại, bạn sẽ thua".</p>	74.2	No, "Nếu ông không nhanh tay thì sẽ mất cơ hội."
<p>English</p> <p>A: I'm very nervous about asking my boss for a raise. B: "Nothing ventured, nothing gained".</p>	<p>Vietnamese</p> <p>A: Tôi rất lo lắng về việc yêu cầu sếp của tôi tăng lương. B: "Không có gì mạo hiểm, không có gì đạt được".</p>	75.8	Yes, this can be also rendered as "Có thử mới biết." or "Không vào hang cọp, sao bắt được cọp con."
<p>English</p> <p>He's exhausted from working two jobs. It's clear that "he's biting off more than he can chew".</p>	<p>Vietnamese</p> <p>Anh ấy kiệt sức vì làm hai công việc. Rõ ràng là "anh ta đang cắn nhiều hơn những gì anh ta có thể nhai".</p>	90.3	No, "Anh ta đang làm quá sức mình." or "Bóc ngắn cắn dài."
<p>English</p> <p>I've saved money in case I lose my job due to the economic recession. I'm "hoping for the best but prepare for the worst."</p>	<p>Vietnamese</p> <p>Tôi đã tiết kiệm tiền trong trường hợp tôi mất việc do suy thoái kinh tế. Tôi "hy vọng điều tốt nhất nhưng hãy chuẩn bị cho điều tồi tệ nhất".</p>	83.9	Yes, this can be also rendered as Tôi "hy vọng có điều tốt nhất nhưng cũng chuẩn bị cho điều tồi tệ nhất." or "Suy trước tính sau."
<p>English</p> <p>A: What will you do if you don't get accepted to the university? B: I don't know. "I'll cross that bridge when I get there".</p>	<p>Vietnamese</p> <p>A: Bạn sẽ làm gì nếu bạn không được nhận vào trường đại học? B: Tôi không biết. "Tôi sẽ băng qua cây cầu đó khi tôi đến đó".</p>	72.6	No, "Tôi đó hãy tính." or "Tùy cơ ứng biến."
<p>English</p> <p>A: Would you help me in the garden? I'm too tired. B: Come on. Let's go! "Hard work never killed anyone".</p>	<p>Vietnamese</p> <p>A: Bạn có giúp tôi trong vườn không? Tôi quá mệt mỏi. B: Nào. Đi thôi! "Làm việc chăm chỉ không bao giờ giết chết bất cứ ai".</p>	75.8	Yes, this can be also rendered as "Lao động là vinh quang."

acceptable translation. The four senior Translation teachers commented on the proverbial translation based on the given contexts. The four teachers also provided the study with a suggested translation for each proverb presented in the last column in Table 1 below.

At first glance, students tend to agree with all the proverbs translated by GT, with the percentage of agreement ranging from 72.6 % to 91.9 %. In contrast, the four senior Translation teachers all said “Yes” to six proverbs and “No” to six proverbs translated by GT as indicated in Table 1.

Discussion

The purpose of the study is to see if GT can pick the correct Vietnamese meaning for each English proverb within the context and whether the students agreed or disagreed with such translated proverbs provided by GT. The study used the comments made by the four senior Translation teachers to judge these translation works.

According to the three senior Translation teachers, six proverbs (50 % of acceptable translations) retain their original meanings in the target language. The first proverb is “Failing to plan is planning to fail” = “Không lập kế hoạch là kế hoạch thất bại”. In this context, GT can transfer the meaning of “failing to plan” and “planning to fail”. 88.7 % of the students agreed with this translation. The second is “The harder you work, the luckier you get.” = “Bạn càng làm việc chăm chỉ, bạn càng may mắn”. In this context, GT can transfer the meaning of the source language vocabulary and structure compared to the target language source (receiving 90.3 % of students’ agreement). The third is “Where there’s a will, there’s a way” = “Ở đâu có ý chí, ở đó có cách”. In this context, GT can convey the original meaning in the target language, e.g. “where = ở đâu”, “will = ý chí”, “there = ở đó”, and “way = có cách” (obtaining 85 % of students’ agreement). The fourth is, “Nothing ventured, nothing gained.” = “Không có gì mạo hiểm, không có gì đạt được”. The meaning is quite clear in the context “không có gì mạo hiểm”. It can reflect the action of a person trying to do something for a goal. However, this translation received 75.8 %

of the students’ agreement. The fifth is “hoping for the best but prepare for the worst.” = “hy vọng điều tốt nhất nhưng hãy chuẩn bị cho điều tồi tệ nhất”. In this context, GT can transfer the meaning of the source language vocabulary and structure with the superlative to the target language, like “hoping for the best = hy vọng điều tốt nhất” and “but prepare for the worst = nhưng hãy chuẩn bị cho điều tồi tệ nhất” (making up 83.9 % of students’ agreement). The last acceptable translated proverb is “Hard work never killed anyone.” = “Làm việc chăm chỉ không bao giờ giết chết bất cứ ai”. In this case, GT can render the meaning of the source language into the target language, such as “hard work = Làm việc chăm chỉ” and “không bao giờ giết chết bất cứ ai” (constituting 75.8 of students’ agreement). This proverb translation received the lowest percentage of students’ agreement in the category. Although “hard work” is an example of the adjective “hard” modifying the noun “work”, the phrase was changed to an example of the verb “làm việc” with a modifier of an adverb “chăm chỉ” in Vietnamese. However, the present study does not mean to look for this difference but focuses on acceptable translated meaning only.

The findings have supported GT in rendering proverbs, and they aligned with the findings of Abidin et al. (2020) that GT could translate fixed idiomatic phrases. Nguyen and Khau (2021) also support GT in using the context to translate, such as translating social functional language expressed with present modal verbs, which convey meaning at word and structure levels. However, in their case, GT cannot differentiate the level of politeness of “may” and “could” or pick the correct meaning of “shall” to mean “must”. This bright side, together with careful human analysis, has continued to encourage GT users to use it as a learning tool, as previously mentioned by Godwin-Jones (2019), Muzdalifah & Handayani (2020), and Tsai (2022).

Regarding the students’ comments on these five translated proverbs, not 100 % agree with these five translations (“Failing to plan is planning to fail.” with 88.7 % of agreement, “The harder you work, the luckier you get.” with 90.3 %, “Where there’s a will, there’s a

way.” with 85 %, “Nothing ventured, nothing gained.” with 75.8 %, “hoping for the best but prepare for the worst.” with 83.9 %, and “Hard work never killed anyone.” with 75.8, respectively). The results show that many students needed to be more critically aware of the contexts before judgment.

In contrast, the senior Translation teachers did not give a “Yes” to the six following translated proverbs. The first is, “Let’s make hay when the sun shines” = “Hãy làm cỏ khô khi mặt trời chiếu sáng”. GT cannot pick up the meaning in the target language based on the context. Instead, it goes for the literal meaning with “hay = cỏ” and “sun shines = mặt trời chiếu sáng”. It should be translated as “Hãy nắm bắt cơ hội này để bán càng nhiều sản phẩm càng tốt”. Surprisingly, 91.9 % of students agreed with this translation. The second is, “If it ain’t broke, don’t fix it.” = “Nếu nó không bị hỏng, đừng sửa chữa nó”. The meaning is not clear. What is “nó”? GT cannot engage the true meaning in this context. 72.6 % of students agreed with this translation. It should be rendered as “Nếu chiến lược chúng ta không có vấn đề gì, thì không cần thay đổi”. The third is, “If you snooze, you lose.” = “Nếu bạn báo lại là bạn thua”. Like the first proverb in this category, GT can only literally transfer the meaning, such as “snooze = báo lại” like an alarm signal, and “lose = thua”. GT cannot engage the true meaning in this context. 74.2 % of the students agreed with this translation. The fifth is, “He’s biting off more than he can chew” = “Anh ta đang cắn nhiều hơn những gì anh ta có thể nhai”. Again, GT cannot engage the true meaning in this context. Instead, it picks up the literal meaning, such as “biting off more than = đang cắn nhiều hơn” and “can chew = có thể nhai”. Surprisingly, up to 90.3 % of students agreed with this translation. It should be rendered as “Anh ta đang làm quá sức mình” in this context. The last one is, “will cross that bridge when I get there.” = “sẽ băng qua cây cầu đó khi tôi đến đó”. Likewise, GT can only choose the literal meaning of the proverb and cannot engage the true meaning in the context. This translation received 72.6 % of the students’ agreement. The context translation should go like this: “Tới đó hãy tính.” or “Tùy cơ ứng biến”.

Responding to these results, GT needs to enhance its translation. GT has focused much on literal meaning and cannot reflect the original meaning in the target texts. The results continue to advocate the claims made by various researchers (e.g. Al-khresheh & Almaaytah, 2018; Chon et al., 2021; El-Madkouri & Aranda, 2022; Jabak, 2019; Komeili et al., 2011; Lear et al., 2016; Sheppard, 2011), who found that GT produced low accuracy when translating proverbs.

Surprisingly, many students agreed with these six translated proverbs (“Let’s make hay when the sun shines” with 91.9 % of agreement, “If it ain’t broke, don’t fix it.” with 72.6 %, “if you snooze, you lose.” with 74.2 %, “Necessity is the mother of invention.” with 82.3 %, “he’s biting off more than he can chew.” with 90.3 %, and “I’ll cross that bridge when I get there.” with 72.6 %). For example, up to 91.9 % agreed with this translation “Hãy làm cỏ khô khi mặt trời chiếu sáng” for “Let’s make hay when the sun shines”.

The students might think the business is to sell hay, so that could be the reason many of them agreed with the translation. Another alarming consideration is when 90.3 % agreed with the translation “Anh ta đang cắn nhiều hơn những gì anh ta có thể nhai” for “He’s biting off more than he can chew”. Students’ comment results have revealed that many still need to improve their proverbs, as alarmingly mentioned by previous researchers (e.g. Al-faleh, 2020); Al-Khaza’leh, 2019; Khalil, 2019).

Through these results, future Translation teachers should teach students to use the context to translate proverbs or critically think about the cultural aspects involved in proverbs (Dweik & Thalji, 2015); Shormani, 2020; Venuti, 1995). For example, in class, a Translation teacher may give students time to practice translating the literal meaning of vocabulary first (Polvonnazarovich, 2024). Then, the teacher can start to put such vocabulary in the proverb, ask them to think about such literal meaning in the proverbial case and question them if the vocabulary changes its meaning. For instance, “Let’s make hay when the sun shines” can be rendered as “Let’s = chúng ta hãy”, “make = làm”, “hay = cỏ/rom”, “when= khi”, “the sun= mặt trời”,

“shines= chiếu sáng”. Then, in the context of the proverb, a Translation teacher continues to ask them if these words together, in this case, have a meaning. Next, a Translation teacher asks them to think about a Vietnamese equivalent in the context of work and give them some clues like illustrations (Phuong, 2023), so they are prompted to think of a proverb they have ever heard or seen somewhere in life. One more remark is that a translator must be trained to think critically when he or she is commenting on or translating a proverb. For instance, GT translated an English proverb, “If you snooze, you lose.” into a Vietnamese context as “Nếu bạn bảo lại là bạn thua”. How can a translator accept such a translation based on the context? It has no meaning at all because we do not know what it means to be “Nếu bạn bảo lại là bạn thua”. A Translation teacher must always remind students if their translation makes any sense and tell them to avoid using literal and rewording approaches (Alenezi, 2023). This translation process helps students differentiate the meaning of vocabulary used separately and in a fixed context. The translation can be like this: “If you are lazy, you will not earn anything” or “If you do not take a chance immediately, it is likely that you will lose it”. Once they have gone through this process, they gradually become more aware of their translation and form a critical-thinking mind.

Furthermore, a Translation teacher must train their students to frequently read proverbs in English and their Vietnamese counterparts, as Dabbagh (2015) suggested. The more they read proverbs back and forth between the two languages, the more knowledge they can gain and the more chance they have to compare interesting linguistic and meaning elements between the two languages. This strategy has been proposed by Roxila (2024), who found translating proverbs among languages forth and back is useful for students to memorize and raise their awareness of differences in linguistic uses and meaning, consequently familiarizing themselves with those proverbs in both languages (Al Shehab, 2016).

Moreover, to help students translate proverbs well, a Translation teacher has to teach them to think of social language functions

since it can help translate proverbs (Nguyen & Khuu, 2021). Proverbs usually contain meaning beyond each word's meaning, so thinking of the meaning of a whole or a chunk can be helpful (Medvedev, 2016).

First, the GT system needs to collect more proverbs in English and Vietnamese and make them into chunks (Medvedev, 2016), so each time an English proverb is typed in GT, its Vietnamese equivalent pops in. On the other hand, when a Vietnamese proverb is typed in GT, its English equivalent appears. GT must also improve the translation of language sources worldwide (Aiken & Balan, 2011; Groves & Mundt, 2015).

To be fair enough, it is challenging to have GT translate proverbs well enough between languages since thousands of languages exist in this world. As put it, when comparing human translation and Google's translation, the author said, “Human translation is better than Machine Translation because the first uses communicative translation while the other uses semantic translation.” (Tahseen, 2024, p. 68). When words are treated as simple symbols that GT relies on. In this case, GT can function as an online dictionary only, even worse than an online dictionary because a dictionary can give readers multiple meanings of a word and examples, not to mention proving meaning and visual aids. GT can only produce literal meaning. However, an online learning dictionary cannot produce translation when it deals with phrases, clauses, and texts. In this case, GT can take the job and do at least well at picking up the texts' most basic or literal meanings. Through this result, the authors suggest that GT has to gather experienced translators between the two languages (e.g. English and Vietnamese) to sit together and find all possible translated versions. Then, GT needs to upgrade its technical aspect to help store possible translated versions of proverbs between English and Vietnamese or between Vietnamese and English. GT needs technology to detect chunks of language and fixed expressions and then help link them to pick the possible equivalents.

Related stakeholders should test and retest the translation system to see how it translates proverbs between languages. A test of back-

and-forth translation of proverbs between languages should be performed frequently. Moreover, GT also needs constant feedback from its users, who can be seen as valuable sources to help it enhance the system. Therefore, GT should have a hotline system for receiving feedback daily to improve its credibility.

Limitations

The authors should have had GT translate back from Vietnamese proverbs into English. This method can refer to the terms and linguistic structures that have previously been retranslated, and then they are translated back to the original language so that translation is incorporated into the concept of retranslation (Xu & Chuanmao, 2017). It can be an excellent test to see if the result is different when the entry starts with a Vietnamese proverb at work compare with the entry that begins with an English proverb. Besides, the study only received remarks from 62 students, as a larger sample and a variety of classes should have made the study more persuasive.

Conclusion

The current paper attempts to see how GT translates English proverbs at work and how English-major students commented on GT's

translated texts. GT can generate six acceptable proverbial translations (50 %). The translation system needs to establish a better system to contain more proverbs in English and their Vietnamese equivalents and find ways to recognize the meaning of proverbs when either a Vietnamese or English proverb and use strategies, such as using language chunks and fixed expressions for helping locate appropriately translated meanings. Regarding the students, their comment results could be more consistent. While many agreed with the acceptable translations, many also agreed with the proverbial translations that are not acceptable. Students need to read more English proverbs and their Vietnamese equivalents and think more about the contexts when translating. According to Tahseen (2024), humans are expected to use communicative approach to translate, which means they should use appropriate language when translating to fit the context while the translation machine translates language based on semantic aspects. In translating proverbs as mentioned, people may remove some words in the target language if they learn proverbs of the two languages well. For example, "where's there's a will, there's way" was rendered as "có chí thì nên" in Vietnamese, which is shorter in the target source.

References

- Abidin E. Z. Z., Mustapha N. F., Rahim N. A. & Abdullah S. N. S. Penterjemahan idiom Arab-melayu melalui Google Translate: Apakah yang Perlu dilakukan? *GEMA Online® Journal of Language Studies*, 2020, 20(3), 156–180. <http://doi.org/10.17576/gema-2020-2003-10>
- Aiken M. & Balan S. An analysis of Google Translate accuracy. *Translation Journal*, 2011, 16(2), 1–2.
- Al-Husban N & Tawalbeh M. EFL teachers' practices and perspectives on learner autonomy in virtual language learning environments in Jordan. *International Journal of Language Education*, 2023, 7(1), 1–12. <https://doi.org/10.26858/ijole.v1i1.36156>
- Al-Khaza'leh B. A Jordanian translation students' difficulties in translating English proverbs into Arabic. *Journal of Applied Linguistics and Language Research*, 2019, 6(5), 63–78.
- Al-khresheh M. H. & Almaaytah S. A. English proverbs into Arabic through machine translation. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 2018, 7(5), 158–166. <http://dx.doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.7n.5p.158>
- Alfaleh B. A. Translation quality assessment of proverbs from English into Arabic: The case study of one thousand and one English proverbs translated into Arabic. *Arab World English Journal*, 2020, 1–56. <https://dx.doi.org/10.24093/awej/th.250>
- Alenezi S. A. How the Saudi EFL Students at undergraduate level translate English proverbs into Arabic: Problems, strategies and solutions. *AWEJ for Translation & Literary Studies*, 2023, 7(4), 61–76. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4605453>

- Al Shehab M. The ability of Translation Students in translating English proverbs into Arabic and vice versa at Jadara University in Jordan. *Journal of Literature, Language and Linguistics*, 2016, 29, 10–19.
- Chon T. V., Shin D. & Kim G. E. Comparing L2 learners' writing against parallel machine translated texts: Raters' assessment, linguistic complexity and errors. *System*, 2021, 96, 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.system.2020.102408>
- Dabbagh A. An interpretation of the significance of 'time': The case of English and Persian proverbs. *Theory and Practice in Language Studies*, 2015, 5(12), 2581–2590. <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0512.20>
- Du X. A brief introduction of Skopos theory. *Theory and Practice in Language Studies*, 2012, 2(10), 2189–2193. <http://dx.doi.org/10.4304/tpls.2.10.2189-2193>
- Dweik B. S. & Thalji M. B. Obstacles faced by the Jordanian novice translators in translating Arabic proverbs. *International Journal of English Language and Translation Studies*, 2015, (3)4. 50–59.
- El-Madkouri M. & Soto Aranda B. (2022, September). Readability and Communication in Machine Translation of Arabic Phraseologisms into Spanish. In *Computational and Corpus-Based Phraseology: 4th International Conference, EuroPhras 2022, Malaga, Spain, 28–30 September, 2022, Proceedings* (pp. 78–89). Cham: Springer International Publishing.
- Godwin-Jones R. Telecollaboration as an approach to developing intercultural communication competence. *Language Learning & Technology*, 2019, 23(3), 8–28. <http://hdl.handle.net/10125/44691>
- Groves M. & Mundt K. Friend or foe? Google Translate in language for academic purposes. *English for Specific Purposes*. 2015, 37,112–121. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2014.09.001>
- Hassanein H. Oppositions in Arabic Proverbs: A Lexicosyntactic Perspective. *GEMA Online Journal of Language Studies*, 2021, 21(4), 1–20. <http://doi.org/10.17576/gema-2021-2104-01>
- Ivanov E. E. & Petrushevskaia J. A. Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, 5(8), 864–872.
- Jabak O. O. Assessment of Arabic-English translation produced by Google Translate. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, 2019, 2(4), 238–247. <http://dx.doi.org/10.32996/ijllt.2019.2.4.24>
- Jiang H. Functional equivalence in news translation. *International Journal of New Developments in Education*, 2020, 2(3), 37–39.
- Khalil I. D. A. *Investigating linguistic difficulties arising from translating proverbs from English into Arabic*, 2019 [Doctorate dissertation]. Sudan University of Science & Technology.
- Komeili Z., Hendavalan J. A. F. & Rahimi A. An investigation of the translation problems incurred by English to Persian machine translations: “Padideh, Pars, and Google Softwares. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, 28, 1079–1082. <https://doi:10.1016/j.sbspro.2011.11.195>
- Lear A., L. Oke C. Forsythe and A. Richards. Why can't I just use Google Translate? A study on the effectiveness of online translation tools in translation of Coas. *Value in Health*, 2016, 19 (7), A387.
- Maryamah M., Arifin A. Z., Sarno R. & Hasan A. M. (2021, January). Adapting Google Translate using Dictionary and Word Embedding for Arabic-Indonesian Cross-lingual Information Retrieval. In *2020 IEEE International Conference on Internet of Things and Intelligence System (IoT&IS)* (pp. 205–209). IEEE.
- Medvedev G. Google translate in teaching English. *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*, 4(1), 2016, 181–193.
- Mieder Wolfgang. *Proverbs: A Handbook*. Greenwood Publishing Group. 2004.
- Mojsin L. Useful English proverbs about work. *Accurate English*. 2020 <https://www.youtube.com/watch?v=z97SoFQ1LHc>
- Muzdalifah I. & Handayani S. (2020, April). Improving English speaking competence by using Google Translate in campus environment. In *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science* (Vol. 469, No. 1, p. 012039). IOP Publishing.
- Newmark P. *A Textbook of Translation*. Shanghai Foreign Language Education Press. 2009.
- Nguyen H. T. & Khau H. A. Investigating teachers' and graduates' remarks on the translation of English modals into Vietnamese provided by Google Translate. *GEMA Online Journal of Language Studies*, 2021, 21(4), 172–185. <https://doi.org/10.17576/gema-2021-2104-09>

- Nguyen Thi Thu Thuy. Cultural features reflected in Polish and Vietnamese proverbs. *Future Human Image*, 2020, (13), 76–87. <https://doi.org/10.29202/fhi/13/8>
- Nzimande E. Domestication versus foreignisation in the English translation of Mthembu's UMamazane. *Language Matters*, 2018, 49(1), 149–163. <https://doi.org/10.1080/10228195.2018.1444080>
- Oke L., Forsythe C. & Richards A. “Why can't I just use Google Translate?” A study on the effectiveness of online translation tools in translation of Coas. *Value in Health*, 2016, 19, A347 – A766.
- Pham H.D. Thành ngữ biểu hiện ý nghĩa cực cấp trong tiếng việt. Tạp chí khoa học NHSP TP.HCM, 2006, 132–140.
- Phuong V.T. Factors affecting the learning of English proverbs and idioms of English-majored students at university of Khanh Hoa, Vietnam. *Eurasian Journal of Applied Linguistics*, 2023, 9(1), 35–47. <http://dx.doi.org/10.32601/ejal.901004>
- Polvonnazarovich N.K. Reflections on the development of the skills of translating texts in students. *International Journal of Advance Scientific Research*, 2024, 4(02), 41–46. <https://doi.org/10.37547/ijasr-04-02-07>
- Rahmaniah R. & Anggriani R. Analysis of students' problems in translating English into Indonesian proverbs: at xi th grade at sma muhammadiyah mataram in academic year 2014–2015. *Paedagogia: Jurnal Kajian, Penelitian dan Pengembangan Kependidikan*, 2018, 7(2), 26–32. <https://doi.org/10.31764/paedagogia.v7i2.27>
- Roxila B. The meaning of proverbs in English, Russian, Uzbek languages. *Modern Science and Research*, 2024, 3(2), 402–408. Sheppard F. (2011). Medical writing in English: The problem with Google Translate. *Presse Med*, 40, 565–566. <https://doi: 10.1016/j.lpm.2011.02.024>
- Shormani M. Q. Does culture translate? Evidence from translating proverbs. *Babel*, 2020, 66(6), 902–927.
- Tahseen W.M. Investigating Machine Translation Errors in Rendering English Literary Texts into Arabic. *Integrated Journal for Research in Arts and Humanities*, 2024, 4(1), 68–81. <https://doi.org/10.55544/ijrah.4.1.11>
- Tsai S. C. Chinese students' perceptions of using Google Translate as a translingual CALL tool in EFL writing. *Computer Assisted Language Learning*, 2022, 35(5–6), 1250–1272.
- Van Lieshout C. & Cardoso W. Google Translate as a tool for self-directed language learning. *Language Learning & Technology*, 2022, 26(1), 1–19. <http://hdl.handle.net/10125/73460>
- Venuti L. *The Translator's Invisibility*. London: Routledge. 1995. <https://doi.org/10.4324/9780203360064>
- Xu M. & Tian C. Exploring the traces of translation: A Chinese perspective. *Babel*, 2017, 63(1), 3–20.

EDN: QCUVBE
УДК 81'32; 811.35

Building an Open Corpus and a Morphological Parser for Corpus Annotation for Standard Dargwa

Svetlana Iu. Toldova* and Elena O. Sokur

National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation

Received 01.02.2023, received in revised form 12.12.2023, accepted 08.04.2024

Abstract. This paper is devoted to the ongoing project of creating a Standard Dargwa Corpus (Standard Dargwa is a Nakh-Dagestanian language). A pilot version was released in 2022. The paper describes building a fully-functional version of the corpus. First, we describe the pipeline used to develop the corpus. Second, we discuss the procedure of building and enhancing the morphological parser. The parser provides morphological annotation. The layers include the morphemic structure of a word, the grammatical labels of morphemes, the translations of lexemes from the dictionary. Third, we discuss the drawbacks of the parser and ways for overcoming them. Finally, we describe the corpus usage functionality.

Keywords: under-resourced language, corpus development, Standard Dargwa, Nakh-Dagestanian languages, morphological parser, interlinear glossing.

The research is supported by RSF grant No. 17–18–01184. We are thankful for all the specialists providing us Dargwa data.

Research area: social structure, social institutions and processes.

Citation: Toldova S. Iu., Sokur E. Building an open corpus and a morphological parser for corpus annotation for Standard Dargwa. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 905–915. EDN: QCUVBE

Опыт создания открытого корпуса текстов на литературном даргинском языке и разработки морфологического парсера для его аннотации

С.Ю. Толдова, Е.О. Сокур

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, Москва

Аннотация. Статья посвящена продолжающемуся проекту по созданию корпуса текстов на литературном даргинском языке (нахско-дагестанская группа языков). Пилотная версия корпуса была создана в 2022 г. В настоящей статье описывается опыт разработки полной версии корпуса. Во-первых, дан полный цикл разработки корпуса (необходимая последовательность этапов его разработки). Во-вторых, обсуждается процедура разработки и оптимизации морфологического парсера, обеспечивающего поморфемную аннотацию текстов в корпусе. Слои такой аннотации для каждой словоформы в корпусе включают: (а) слой поморфемной сегментации, (б) слой словарной формы, (в) слой грамматической поморфемной аннотации, (г) перевод лексемы на русский язык по двуязычному словарю. В-третьих, анализируются проблемы, возникающие при применении выбранного инструмента для разработки системы морфологической аннотации (системы UniParser Т. Архангельского) к материалу даргинского языка, а также возможные пути их решения. Помимо этого, в статье описывается корпусной функционал.

Ключевые слова: малоресурсные языки, корпуса текстов, литературный даргинский, нахско-дагестанские языки, морфологический анализатор, глоссирование.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17–18–01184. Мы благодарны всем специалистам, предоставившим нам данные по Даргве.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Толдова С.Ю., Сокур Е.О. Опыт создания открытого корпуса текстов на литературном даргинском языке и разработки морфологического парсера для его аннотации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 905–915. EDN: QCUVBE

I. Introduction

This paper deals with the development of the Standard Dargwa corpus on the basis of its pilot version, released in 2022 and described in (Toldova, Sokur, 2022). We describe the development of the corpus including the procedure of text preparation and discuss the procedure of building the first morphological parser for Standard Dragwa. The parser is rule-based. It is based on Uniparser-morph technology

(Archandelskii, 2012) which provides an easy and quick start for creating parsers for under-resourced languages. It can be usable by theoretical linguists with no prior knowledge of Natural Language Processing (NLP). In this paper we describe our corpus in detail and discuss the problems we have come across.

Dargwa languages are a group of Nakh-Dagestian languages spoken in Dagestan. Dargins are one of the most numerous indig-

enous ethnic groups in Dagestan. The Dargwa group includes several Dargwa languages and quite a few dialect varieties. Standard Dargwa was created on the basis of the Agusha dialect. It is the standardized language used in writing. The core text collection in our corpus is based on newspaper texts.

The morphological parser is used for providing interlinear glossing for texts. It suggests the morpheme segmentation of words, the morphological labelling of word segments, and the translation into Russian of corresponding lexemes based on the Dargwa-Russian dictionary (Iusupov, 2017), see Fig. 1. This type of annotation is standard for language documentation projects.

It can also provide training data for automatic morphological taggers, morphological segmentation etc. The texts are accompanied by morphological annotation and word-by-word translation into Russian.

The testing of the pilot corpus has shown that the texts need some cleaning, e.g. deleting letters-to-the-editor in Russian from newspaper readers, surnames lists etc. The morphological parser created in 2022 also needs further improvements. There are several issues that need special treatment. These are (a) overgeneration, especially for the most frequent words, (b) some morphemes are unseen by the parser that should be considered it, (c) impossible morpheme sequences provided by the parser.

We provide background in section II, describe the data in section III, describe the morphological parser in section IV, and discuss the parsing errors and drawbacks, ways for improving the annotation, and illustrate corpus functionality in section V.

II. Background

A. Dargwa languages

The Dargin languages constitute a separate branch of the Nakh-Dagestanian family. Dargin people live primarily in south-central Dagestan. According to the 2021 census, there are more than 600 000 speakers of Dargin languages. There are four basic subgroups of Dargwa and many dialectal varieties (for dialect variations see Gasanova 1971). In order to have a language for official communication, the standardized variety based on the Agusha dialect was created. As mentioned, it is the written language used in official and media communication.

The grammar of Standard Dargwa is described in (Abdullaev, 1954; Musaev 1999; Van den Berg, 2001). One of the largest dictionaries is (Iusupov 2017), which provides very detailed morphological information and an exhaustive list of possible translations into Russian for every lexeme.

The Dargwa alphabet is based on Cyrillic. There are many digraphs for ejective and other consonants absent in Russian, e.g. *кI*, *mI*, *гъ* etc. Some of the digraphs include Latin symbols. These digraphs serve as a source of error in parsing and it is a source of numerous OCR mistakes.

Nouns in Dargwa have following gender-number categories: masculine, feminine, neuter for the singular, and first/second person, human, non-human in the plural. Dargwa nouns mark case distinctions. There are five non-locative cases and many locative forms. There are many allomorphs for plural depending on the noun stem. Many nouns have irregular forms for the plural. This information is reflected in the dictionary. Nouns have two stems. For

Илхели	Чехвли кагъарлизиб ишгъуна	жаваб	бурхъули	сай
илхели adv	чехов N	жаваб N	бурхъес V	1. саби V
илхели	чехов-ли	жаваб	б-урхъ-у-ли	сай
STEM	STEM-ERG	STEM	N-STEM-PRES-CVB	СОР.М
тогда	егг	ответ, показание	pres, cvb, n, itr	m, itr
	чехов		отправлять, направлять	быть, являться
		2. ишгъуна проп		2. саби проп
		ишгъуна		сай
		STEM		STEM.М
		такой, подобный		

Fig. 1. An example of interlinear annotation with the following layers: (1) text, (2) segmentation into morphemes, (3) morphological tags, (4) Russian translation of a lexeme from the dictionary

example, the wordform *учительтани* (a borrowing from Russian “учитель” teacher) has the following interlinear morpheme glosses: *учитель-т-а-ни* STEM-PL-OBL.PL-ERG, where OBL.PL is a special form of the oblique plural stem.

Standard Dargwa, like other Daghestanian languages, has ergative alignment. That means that the Agent argument of transitive verbs does not trigger the class agreement. Verbs in Dargwa agree in class with a noun in the absolutive case: the single argument for intransitive verbs, and the P argument (patient, stimulus, theme) for transitive verbs.

Most verbal roots have a perfective and an imperfective form within a single verbal paradigm. Perfective and imperfective stems have different dictionary entries. Dargwa verbs, some postpositions, adjectives, adverbs, and particles agree in gender class with the noun in the Absolutive case, as in other Daghestanian languages. The gender marker is prefixed to a verb stem. Moreover, for many cases they are infixes into a wordform. Another noun/verb/adjective stem or prefix can precede the agreement marker in a wordform, as in *лас-б-ирхъ-еc* (around-N-do-INF) ‘to look around’. There are a lot of compound verbs derived with a lexical stem and an auxiliary or light verb like ‘to do’, ‘to become’ and others. There can be up to three slots for class marker. This issue provides a challenge for Dargwa word-form parsing (see details below). Dargwa verbs also have a complex person agreement system.

B. Creating corpora for under-resourced languages and their interlinear annotation

At present, many languages of the world are endangered. There are many projects aimed at preserving language data (e.g. the Endangered Languages Documentation Programme (ELDP, <https://www.eldp.net/>)). Their aims are to collect texts in a particular language, to create digital collections, and to make them freely available online. In order for the morpheme structure of a language to be interpretable, the usual standard for presenting texts in a language documentation project is to provide interlinear glossing annotation, that is, with a

split-into-morphemes layer, a morpheme labels layer, a part of speech layer (for the standards for language documentation corpora see (Himmelmann 1998; Comrie, Haspelmath, Bickel 2008; Goodman, Crowgey 2015; Arkhipov, 2020 etc.). The main glossing tool used in documentation projects is Fieldworks Language Explorer (FLEx, SIL). The example of layers is provided in Fig. 1 in section I.

The corpora collected in language documentation projects are usually small (10000 up to 100000 tokens). The texts are collected by linguists during fieldwork. They are annotated manually. The sentences usually have free translation into the target language. The translation is provided by native speakers. It is a highly time-consuming procedure.

Another direction of corpora development for low-resourced languages is creating web-corpora or so-called medium corpora, which include media texts and literary texts. The texts for these corpora are collected from the internet using crawlers with special tools for language recognition tuned for a particular language (Xingyuan, Ozaki, Anastasopoulos, Neubig, Levin 2020; Scannell, 2007). It is impossible to provide free-translation layers for web-corpora or corpora of written media texts. These texts are usually original texts without a parallel translation. However, usually the corpora are morphologically parsed by rule-based parsers based on bilingual dictionaries, cf. the procedure for Udmurt, described in (Arkhangelskiy, 2019). This is standard for medium corpora for under-resourced languages, e.g. Almaty Corpus of Kazakh language (<http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/>), Udmurt web-corpora (http://udmurt.web-corpora.net/index_en.html) and others.

Interest in parsing under-resourced languages has increased rapidly. The task of providing a text with morphological glosses with small resources for learning conditions is a challenge for modern NLP technologies. There are attempts to provide machine-learning based or neural network based morphological parsers. All of them require a certain amount of glossed data.

At present, there are no such data for Dargwa. Thus, our project provides a certain

amount of morphologically annotated Dargwa data for linguistic investigation and can serve as a first step for training more advanced systems.

C. A pipeline for building corpora for under-resourced languages

A standard pipeline for constructing corpora for written texts in minority languages is described by Arkhangelskiy, e.g. [11]. We take it as a basis for constructing our corpus.

We have chosen the Tsakorpus platform developed by Arkhangelskii (Arkhangelskii 2022, <https://tsakorpus.readthedocs.io/en/latest/>). This platform provides a convenient system for loading the data prepared by a user in the json format. It also provides a search engine and a convenient web-interface for search, accessing all the available layers.

To provide interlinear and translation layers, we use the Uniparser-morph tool, also developed by Arkhangelskii (Arkhangelskii 2012) (<https://github.com/timarkh/uniparser-morph>). This tool is designed for quick adaptation of the parser engine for under-resourced languages which do not have enough data for training statistical parsers.

It requires two main files: the file which contains a list of all lexemes, and the file, which contains a list of affixes. Thus, one only needs to prepare two files with language-specific data to start using the parser for a specific language.

The standard way of preparing data for the parser is to use a bilingual dictionary for extracting lemmas, stems, translations and the necessary grammatical word classes and to use grammatical description: a list of available morphemes and patterns of morpheme ordering. A more detailed description of the data for the parser is given in the following sections.

D. Dargwa language corpora

There exist several small corpora for different Dargwa dialects: Sanzhi Dargwa corpus, Muira Corpus, Kadar corpus etc. All these corpora present a small amount of texts collected during fieldwork. They are annotated manually with the FLEx tool. Dialect variation of Dargwa is great. For example, the number of noun cases vary from 6 to 85. Thus, these corpora cannot

be used for morphological parser training for Standard Dargwa.

The Standard Dargwa corpus is a new corpus of one of the under-resourced languages and we have created a quite effective morphological parser for its annotation.

III. Data for corpus

A. The text data

At the first stage, we chose newspaper texts for our corpus data. We used the archives of Dargwa newspaper “Zamana” 2010–2020 (<https://zamana.info/>). There are approximately 50 issues per year. The total number of issues is 505. Each issue contains 20–50 texts of different lengths and on diverse topics such as politics, sports, economics, society, culture, anti-terror, finance, etc. There are also some literary texts in newspapers including poems.

For the pilot corpus we used a newspaper issue as a corpus item for the indexing procedure. At the next stage, we split the issues into separate short texts. The first reason is that the texts are very heterogeneous within an issue belonging to different genres. At present, we have no genre classifier for Dargwa, however we can build one in the future. The second reason is that newspaper issues contain specific textual data such as surname lists, sudoku etc. They also contain texts in Russian, e.g. the readers’ letters to the editor. We have excluded Russian texts and non-coherent texts from our corpus.

We are planning to add some literary texts within the month, namely tales and ballads. We have some problems with OCR texts, there are a great number of errors in recognition of Latin symbol I (I is used in digraphs for ejective consonants) and the Cyrillic symbol “и”.

While the first release of the corpus contained ~9.8 million wordforms, the cleaned version contains ~7.8 million wordforms. The parsed coverage is approximately 76 % (against 70 % for the pilot version).

B. The dictionary processing for morphological parser

As mentioned, we use the Dargwa Russian Dictionary by Iusupov (Iusupov 2017) as the basis for constructing the parser. It contains 40,000 lexemes. Lexical entries are well organized, contain all the necessary information for

АЛЛАГЪ/БУРЦ-ЕС [мн. ~дури-ес], -у, -ули, -уси, -ен(-ена/я); III; несов. обожествлять; боготворять; **бац-бархИи** ~**дурцес** обожествлять небесные светила (*солнце и луну*). I сов. **аллагьбуцес**.

Fig. 2. An example of a dictionary entry for the verb аллагь/бурц-ес 'to divinify'

wordform formation. The format of lexical entries is regular and is amenable for parsing. An example of a dictionary entry is given in Fig. 2:

The verb *аллагьбуцес* 'to dignify' is a compound verb. It has two stems: the noun-stem *аллагь* for Allah (or the God) and the verb-stem of the light verb *бурцес* ("to do"). Symbol "i" denotes the place for the class-agreement morpheme. The wordforms inside the square brackets are the wordforms for other noun classes. There is only one more form available for class agreement in the example. This is the form for human plural objects. Some other inflectional forms are given in the dictionary entry of a verb (e.g. the aorist form), as well as the translation into Russian. Thus, the dictionary allows us to assign a verb its paradigm type and its translation.

The dictionary also contains some words borrowed from Russian (e.g. *промышленность* "industry"), that are frequent in newspapers.

We use the dictionary in order to get the citation form for a lexeme, its stem, and its formation class (paradigm type). We also extract all the translations excluding idioms and examples and some additional information.

IV. Uniparser for Standard Dargwa

A. Morphological parser for Dargwa

Uniparser-morph is a rule-based morphological analysis tool, developed by Arkhangel'skii (Arkhangel'skii 2012). It was created primarily for under-resourced languages. One has

to provide two files for the parser: *lexemes.txt* containing a list of all lexemes and paradigms. *txt* containing a list of affixes linked to each other in a specific order.

Each entry in *lexemes.txt* starts with a lexeme line which opens a dictionary. The example of an entry is given in Fig. 3.

'lex' is a citation form from the dictionary. 'stem' is a basic word stem for different wordform formation, a dot indicates a place where affixes from an inflectional paradigm can be inserted. In Fig 3, the stem contains two dots: the first is for a class agreement paradigm, and the second is for inflectional suffixes following the stem. 'gramm' includes grammatical tags containing information referring to a lexeme (e.g. part of speech, gender, transitivity, etc.). 'paradigm' is a link to an inflectional paradigm from the *paradigm.txt* file. 'trans_ru' contains the Russian translation of the lexeme from the dictionary.

The *paradigms.txt* file contains a collection of inflectional affixes grouped into paradigms. Each paradigm has a unique name (cf. *vclass* in Fig. 4):

'flex' introduces a morpheme. Within each morpheme a dot marks the position where it can be attached to a stem. In Fig. 4, each morpheme has three types of adpositioning: infix (.д.), suffix (.д) and prefix (д.). '.' means that a wordform continues with a subsequent paradigm that is linked at the end of the example (paradigm: *vforms_1*). 'gramm' includes

– lexeme
lex: сурбулхъес
stem: сур.улхъ.
gramm: V, itr
paradigm: vclass_bdel_middle
trans_ru: висеть, свешиваться, виснуть, свисать

Fig. 3. An example of a lexeme entry in the *lexemes.txt* file

```

- paradigm: vclass
- flex: .д.<.> // .д.<.> // д.<.>
gramm: pl
gloss: PL
- flex: .б.<.> // .б.<.> // б.<.>
gramm: n
gloss: N
...
paradigm: vforms_1

```

Fig. 4. An example of an item in the paradigm.txt file

grammatical tags that are associated with this morpheme, and ‘gloss’ is the grammatical class (POS) of a morpheme. A paradigm key introduces a link to the paradigm type.

The file lexemes.txt contains all lexemes from the Dargwa-Russian dictionary (Iusupov 2017) including geographical names, human names and Russian borrowings.

Building the Uniparser for a particular language is an iterative process. After each parsing procedure the unparsed words are analyzed. After the first iteration we removed the numbers, tokens containing non-alphabetic symbols, one-symbol tokens etc. We also found stems borrowed from Russian (in the Iusupov dictionary) with Dargwa affixes attached to them, e.g. турбаза-ла ‘a tourist village – GEN’. In order to provide analysis for such borrowings, we took frequent Russian stems from (Lyashevskaya, Sharoff 2009 (<http://dict.ruslang.ru/>)). Nouns were assigned the most frequent nominal paradigm. Verb borrowings are formed as Russian infinitive + a light verb (verbs *bares/bires* ‘to do’, *биэс* ‘to become’ etc.), e.g. адресовать-барес ‘to.address-do’ ‘to address’.

Now, we are able to provide analysis for approximately 57,800 lexemes. There are 24,734 verbs among them.

B. Parsing Dargwa verbs for gender/number affixes

In Standard Dargwa, the majority of verbs have gender/number agreement markers. The markers distinguish between masculine, feminine, and neuter in the singular, and 1/2 person, human and non-human in the plural.

The lexeme.txt file includes verb stems from the Dargwa-Russian dictionary (Iusupov 2017). They are classified based on the type of their gender/number paradigm. The gender/number paradigms are distinguished based on how the markers are expressed, and what positions they occupy. Firstly, paradigms differ in how the singular masculine and the plural features are expressed. Secondly, there can be from 1 to 3 gender/number slots on one verb. There are some morphophonological processes when the masculine singular morpheme is attached to a verb stem. The allomorphs for *w*-affix are *j*- or null affix. The plural uses *d*- or *r*- affixes, *b*- is used for the neuter and *r*- for the feminine. For example, the wordforms in Fig. 5 contain two positions for gender/number markers. In (1a), the neuter singular is realized as the infix -b- in both positions. In (1b), the masculine singular is realized as a null infix in the first position and the infix -j- in the second position.

Taking into consideration all the morphological variations in the paradigms and the number of gender/number positions there are 40 different paradigm types for verbs (morphological classes). 19 of the strategies include irregular forms in the masculine class: the neuter marker b+V (where V is the subsequent vowel) is replaced by *w*, *j*, or a null affix. For this particular case, we have to provide separate entries for the verbs in the masculine class.

The rarest paradigms ‘vclass_double_v’ and ‘vclass_trio’ were not found in texts. A verb belonging to the ‘vclass_trio’ paradigm type has three slots for inserting a gender/number marker (as in *бетбяхIбарес* ‘to send

(1) а. амчІ<б>иреска<б>ир-ес go.bald<N>-INF b. амчИреска<й>р-ес go.bald<M>-INF

Fig. 5. An example of verb form with two class affixes

there' the stem field is 'stem:..em.yxi.ap.') and includes two patterns for marking masculine: 1) the masculine marker is *-w-* in all three positions; 2) the masculine marker is *-w-* in the first two positions and zero in the third. The *vclass_double_v* paradigm has two slots for a class marker and unites two patterns for masculine: 1) the first position is *-w-* and the second is *-ww-*; 2) both positions have *-w-*.

The most frequent paradigm is 'vclass_bdel' which has a zero marker for masculine (4,981 verbs in the dictionary). The rarest paradigm among those attested in the texts is 'vclass_double': it has geminate markers for neuter, feminine, and masculine, and *-rd-* for plural. For example, the verb *асарчеббарес* 'to strengthen' has the following stem field: stem: 'асарче.ap.'

V. Improving the Dargwa Uniparser-morph

After the first iteration of the parser testing, we analyzed the results. The following types of errors were taken into consideration: (a) overgeneration, especially for most frequent words, (b) words containing segments absent in our paradigms file, (c) impossible morpheme sequences provided by the parser.

A. Overgeneration

For many wordforms, the parser suggests too many variants. Some of the generated annotations are impossible for a particular lexeme. Some of the annotations are possible, but too rare. On the one hand this is an expectable effect for rule-based parsing, usually, there are a lot of short grammatically ambiguous morphemes. Besides, basic verb-stems in Daghastianian language have simple one-syllable root, many of them consist of one or two letters.

The first type of mistake is due to the parsing procedure: the parser uses the regular paradigm file to parse a wordform. It is not able for

the parser to use additional information from the dictionary. One of the most frequent mistakes is that the parser split a lexeme according to the hypothesis that a certain segment of a wordform could be a stem for the plural number formation with a regular number affix. For example, the wordform *декIар* is parsed as the plural form of the noun *декI* 'patch', while the dictionary suggests another plural form for it, namely, *декIни*. We have a case of erroneously assigned lemma for this wordform, this annotation should be deleted. To deal with this type of error a script was created for post-editing. It deletes an erroneous analysis if there is an irregular plural form in the dictionary.

The other case is the overgeneration for the most frequent wordforms. Most of the generated variants are very rare. This type of mistake needs to be corrected manually. We singled out the 100 most frequent wordforms. For the majority of them, it was possible to have the only one or two possible morphological analyses. However, for some lexemes from the list it is impossible to choose the only one most probable annotation. For instance, the wordform *sabi* has four quite probable annotations: it can be the pronoun 'self' or the verb 'to be'. The infixed *-b-* class marker is a class marker for neuter or for human plural gender.

B. Unparsed wordforms

The unparsed forms can be divided into the following classes: (a) a wordform contains a morpheme absent from our morpheme lists, (b) a wordform is a compound with a borrowed stem, (c) a wordform is a compound absent in the dictionary, while the first and the second parts are present in it as separate words, (d) other cases.

There are also some derivational morphemes in Dargwa that are regularly attached to a certain class of stems. For example, the

causative morpheme can be attached to almost any verb stem. Causative derivatives may be absent from the dictionary. In this case, the affix is added to the paradigm dictionary. A more difficult case is one of the negative morphemes. It can be inserted into different places in a wordform. This case remains unresolved.

Daghestanian languages have a rich system of particles/affixes. The latter are easily cliticized to any wordform. Usually, there is no exhaustive lists of such elements in grammars or dictionaries. This list can be built via several iterations of parsing. In Dargwa, there are many particles and morphemes forming temporal converbs (e.g., *as.soon.as*, *when*, *by.time*, *of*, etc.). They are freely cliticized to wordforms (*вайбмадан – в-а-иб-мадан – m-stem-aor-as.soon.as*, it is a converb form of the lexeme meaning ‘to achieve, to arrive’). After testing the parser, we added a list of such elements to the basic list of morphemes.

An interesting class of cases is when a Russian word is used with Dargin affixes. The borrowings are formed using the full lexeme form (and not its stem, c.f. *станкостроение-ла*, where *-ла* is an attributivizer or a marker of Genitive). There are a lot of verbs derived according to this scheme in our corpus: c.f. *защитить-б-ар-ес – protect-N-do*, where *защитить* is an infinitive.

The (d) class of cases is when an existing in the dictionary stem is used with a light verb stem, as in *белги-б-ар-ес* ‘definiteness-N-do’,

the first part is in the dictionary and the verb is not included there. This type of cases needs a special module for compound-word detection using different noun, adjective or adverb stems from the dictionary.

There are also cases of regular ambiguity of morphemes: *-ла* is a suffix for Genitive, Locative and attributive form or *-б-* is a class marker for Neuter and for HumanPlural.

C. Impossible chains of morphemes

A separate case of overgeneration is when the system suggests an impossible sequence of morpheme tags. For instance, a tag for a noun case suggested after a verb stem, or a stem tag follows a tag for verb tense category which is an impossible sequence. This case can be overridden by enumerating different impossible tag sequences and deleting the corresponding analyses.

VI. Corpus functionality

The corpus is available for linguistic research through an online interface http://lingconlab.ru/standard_dargwa/search. One can search by wordforms, lexemes, translation, and glosses. Regular expressions are available. One can combine conditions for different layers in one search. The information on wordforms and lemmas frequencies is also available. See Fig. 6 for example of corpus query for concordance and for the result of word/lemmas mode.

Результат поиска: найдено 25 разных словоформ примерно в 40 документах, суммарная частотность: 49.

слово	лемма	грамм.	частотность					
каибмад	каэс	aor, as.soon.as, V, tr	2	> 50%	2	2	🔍	📊
ахъбуцибмад	ахъбуцес	aor, as.soon.as, n, V, tr	2	> 50%	2	2	🔍	📊
дурабухъунмад	дурабухъес	aor, as.soon.as, n, V, tr	1		1	1	🔍	📊
хиеризурмадан	хиербизес	aor, as.soon.as, m, V, tr	2	> 50%	2	2	🔍	📊
таманбарибмад	таманбарес	aor, as.soon.as, n, V, tr	2	> 50%	2	2	🔍	📊
багъурмадан	багъес	aor, as.soon.as, n, V, tr	1		1	1	🔍	📊
чеибмад	чезс	aor, as.soon.as, V, tr	2	> 50%	2	2	🔍	📊
хиеръибмадан	хиерэс	aor, as.soon.as, V, tr	2	> 50%	2	2	🔍	📊
тамандиубмадан	таманбиэс	aor, as.soon.as, pl, V, tr	2	> 50%	2	2	🔍	📊
хъараахъурмад	хъараэс	caus, aor, as.soon.as, V, tr	2	> 50%	2	2	🔍	📊

Fig. 6. An example of a corpus search: (a) gloss query, (b) a sentence hit, (c) words and lemmas information

VII. Conclusions

We present a new corpus on an under-resourced language, namely, Standard Dargwa. We suggest a pipeline for corpus construction with no previous resources provided. The suggested pipeline provides a quick start. That is the usage of Tsakorpus as a corpus platform and of Uniparser-morph

for building a parser for interlinear gloss annotation. We have discussed some peculiar cases of Dargwa morphology (interfix agreement morphemes, clitics etc.) and some ways of overcoming the parsing problems. Besides the corpus we also present the first rule-based morphological parser for Standard Dargwa.

References

Toldova S., Sokur E. Standard Dargwa Corpus. In Iarmakeev I. E., Kharasova F. Kh. (eds.) *Sovremennaiia lingvistika: ot teorii k praktike. Trudy I materialy III Kazanskogo mezhdunarodno-go lingvisticheskogo sammita.* [The Proceedings of Kazan International Linguistic Summit 2022. Kazan, 16 November 2022]. Kazan', 2023, 1. 81–86.

Arkhangelskii T. Printsipy postroieniia morfologicheskogo parsera dl'a raznostrukturnykh jazykov [Principles of building a morphological parser for different-structure languages] Thesis cand. phil. sci. Moscow. Manuscript. 2012

Iusupov H., A. Darginsko-russkij slovar'. [Dargwa-Russian dictionary]. Moscow. Publishing House "Pero", 2017.

Gasanova S. M. Ocherki darginskoi dialectologii [Essays on Dargin dialectology]. Makhachkala: Dagestanskii Filial Akad. Nauk SSSR. 1971

Abdullaev S. N. Grammatika darginskogo jazyka: Fonetika i morfologija [Grammar of the Dargin language: Phonetics and morphology]. Makhachkala: Dagestanskij Filial Akad. Nauk SSSR. 1954

Van den Berg H. Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar. Leiden: CNWS. 2001

Musaev M.-S., M. Darginskii iazyk. In Alekseev M. E. (red.). Iazyki mira. Kavkazskie iazyki. [The languages of the worlds. The languages of the Caucasus] M. 1999

Himmelman N. Documentary and descriptive linguistics. 1998.

Comrie B., Haspelmath M., Bickel B. "The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses." Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig. *Linguistics* 2008, 36.161–195.

Goodman M. W., Crowgey J., Xia F., Bender E. M. Xigt: extensible interlinear glossed text for natural language processing. *LREC*, 2015. 49(2). 455–485.

Xingyuan Zh., Ozaki S., Anastasopoulos A., Neubig G., Levin L. S. Automatic Interlinear Glossing for Under-Resourced Languages Leveraging Translations. *In International Conference on Computational Linguistics*. 2020

Scannell K. P. The Crúbadán Project: Corpus building for under-resourced languages. *In Building and Exploring Web Corpora (WAC 3–2007): Proceedings of the 3rd Web as Corpus Workshop, Incorporating Cleaneval*. 2007, 4. 5.

Arkhangelskiy T. Corpora of social media in minority Uralic languages. *In In Proceedings of the Fifth International Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages*. 2019, 125–140.

Lyashevskaya O. N., Sharoff S. A. Frequency dictionary of modern Russian based on the Russian National Corpus [Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materiale Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka)], Azbukovnik, Moscow. 2009

Arkhipov A. INEL corpora general transcription and annotation principles. *In Working Papers in Corpus Linguistics and Digital Technologies: Analyses and Methodology* 5). Szeged & Hamburg: Department of Finno-Ugric Studies of the University of Szeged & Hamburger Zentrum für Sprachkorpora der Universität Hamburg. 2020. <https://doi.org/10.14232/wpcl>.

EDN: QJRUGR
УДК 81:119

Trigger Statements as an Object of Linguistic Research: The Problem of Definition and Its Identification Criteria

**Galina A. Kopnina, Anastasiia N. Rowe (Zabrodina)*
and Greta A. Tsatryan**

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 20.02.2024, received in revised form 21.03.2024, accepted 08.04.2024

Abstract. In the humanities, any objects, phenomena or events that influence the behavior of people or society as a whole are called triggers. The concept of “trigger” is used in relation to language and speech more often. In linguistics, the term “trigger” is used to denote something that contributes to the emergence of a new meaning, determines the development of the plot, generates an acute negative reaction, etc. Thus, the concept turns out to be ambiguous. Taking into account the conceptual provisions of psycholinguistics on the essence of speech influence, the mental nature of evaluation, the emergence of emotions and their role in the formation of motives, as well as based on the analysis of speech material, the authors of the article define the main criteria for identifying trigger statements: focus on emotions as the main target of influence; the value component or message contained in the statement; the evaluative nature of the reaction the addressee and its situational-contextual conditionality; functional potential associated with the influence on the worldview and behavior of the addressee. As a conclusion, the following definition of a trigger statement is given: a statement identified taking into account the addressee’s evaluative reaction, causing them in a certain con-situation such value associations and emotional experiences that can contribute to their rethinking of a particular event/phenomenon and thereby motivate them to commit any action, deed.

Keywords: trigger, trigger statement, linguistic markers of trigger.

The article presents the results of a study carried out with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–01350 (<https://rscf.ru/project/24–28–01350/>) and devoted to the linguistic substantiation of the concept of “trigger statement” and the problem of its definition.

Research area: social structure, social institutions and processes; theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: ana.zabrodina17@gmail.com

Citation: Kopnina G.A., Rowe (Zabrodina) A. N., Tsaturyan G.A. Trigger statements as an object of linguistic research: the problem of definition and its identification criteria. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 916–925. EDN: QJRUGR

Триггерные высказывания как объект лингвистических исследований: проблема определения и критерии идентификации

Г.А. Копнина, А.Н. Роу (Забродина),

Г.А. Цатурян

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В гуманитарной науке триггерными называют любые объекты, явления или события, которые оказывают влияние на поведение людей или общество в целом. Все чаще понятие «триггер» используют применительно к языку и речи. В лингвистике триггерами называют то, что способствует возникновению нового значения, определяет развитие сюжета, порождает острую негативную реакцию и т.д., то есть это понятие оказывается многозначным. С учетом концептуальных положений психолингвистики о сущности речевого воздействия, психической природе оценивания, о возникновении эмоций и их роли в формировании мотивов, а также на основе анализа речевого материала авторы статьи выделяют основные критерии идентификации триггерных высказываний: направленность на эмоции в качестве основной мишени воздействия; заключенный в высказывании ценностный компонент или посыл; оценочный характер реакции адресата и ее ситуативно-контекстуальная обусловленность; функциональный потенциал, связанный с влиянием на картину мира и поведение адресата. В качестве вывода предлагается следующее определение триггерного высказывания: это высказывание, идентифицируемое с учетом оценочной реакции адресата, вызывающее у него в определенной конситуации такие ценностные ассоциации и эмоциональные переживания, которые могут способствовать переосмыслению им того или иного события/явления и тем самым мотивировать его на совершение какого-либо действия, поступка.

Ключевые слова: триггер, триггерное высказывание, лингвистические маркеры триггерности.

В статье представлены результаты исследования, выполненного при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24–28–01350 (<https://rscf.ru/project/24-28-01350/>) и посвященного лингвистическому обоснованию понятия «триггерное высказывание» и проблеме его определения.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Копнина Г. А., Роу (Забродина) А. Н., Цатурян Г. А. Триггерные высказывания как объект лингвистических исследований: проблема определения и критерии идентификации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 916–925. EDN: QJRUGR

Введение в проблему исследования

Понятие «триггер» достаточно широко используется в современной науке: оно фигурирует в научных статьях не только в области технических наук, но и гуманитарных (социологии, философии, искусствоведения, культурологии, педагогики, психологии и др., включая филологию), что позволяет считать его междисциплинарным. История становления этого понятия с опорой на англоязычную литературу рассматривалась ранее (см.: Skalaban et al., 2022), поэтому как основу для дальнейших рассуждений кратко рассмотрим объем и содержание этого понятия в современных русскоязычных публикациях в области гуманитарных наук.

Анализ публикаций показывает, что в объем понятия «триггер» включаются различные явления, к которым оно приложимо:

- социальные ситуации, события и факторы, способствующие совершению какого-либо поступка (Kleiberger, 2020: 269), например, конфликты с партнерами, субъективные переживания и др. (Lasy et al., 2012: 58);

- события, оказывающие влияние на социокультурные процессы: Великая Французская революция, Великая Октябрьская революция и др. (Gerasimov, 2022: 70);

- психологические стимулы (стресс, возбуждение, фрустрация и др.), актуализирующие тот или иной тип (модальность) мышления и поведения или переключающие с одного типа мышления на другой (Startsev, 2015: 87);

- средства массовой коммуникации как социальные институты, контроль над которыми «позволяет властным структурам осуществлять мониторинг и направлять процессы, идущие в обществе, не прибегая к прямому насилию» (Ustinov, Karavanov, 2018);

- некритично воспринимаемые сообщения с побуждающим потенциалом (Mammadov, 2021: 151, 163);

- «индивидуальный визуальный, аудиальный, графический, языковой символ, образ или их совокупность» как символическая репрезентация определённого феномена или события (Katermina et al., 2021: 89) и т.д.

Другими словами, понятие «триггер» оказывается приложимым к таким предметам (в широком смысле), которые оказывают влияние на поведение отдельных людей, их групп или общество в целом. Этот объем понятия прослеживается и в таких зафиксированных нами терминологических словах и сочетаниях, как *триггер-событие / триггерное событие, триггерная ситуация, триггерная дискуссия, триггерный объект, триггерное сообщение, триггерные обстоятельства, триггерная зона, психологический триггер, социальный триггер, триггер-проект, человек-триггер, государство-триггер, триггер-изменение, триггер-коммуникация*, а также *триггер-реакция, триггерные точки, триггерный эффект, стимул-триггер* и другие. По сути, гуманитарии считают, что триггерным может быть любой компонент события, в том числе коммуникативного, как и само событие в целом. Это дает нам основание перейти к осмыслению понятия «триггер» применительно к языку и речи, тем более что в гуманитарной литературе можно встретить словосочетания *триггерные слова, триггерные фразы, триггерные письма*.

Заметим, что за последние годы в лингвистике наблюдается рост частотности употребления понятия «триггер», но, как правило, без его научного определения. Триггерами называют:

- факторы, способствующие возникновению у языковой/речевой единицы какого-либо значения (это значение прослеживается в таком контексте: «...особенности менталитета определенного лингво-социума <...> послужили триггером для возникновения сходной или различной кон-

нотации у языковых единиц-эквивалентов, принадлежащих разным языкам» (Kislitsyna, 2022: 9); само это значение (в работе осуществляется компонентный анализ языковой единицы «с целью установления сем-триггеров коннотативного значения» (Там же: 168);

– смысловые образования, определяющие развитие событий в произведении – сказке, художественном фильме (Karasik, 2015);

– визуальные образы и сообщения провоцирующего типа (Terskikh, Zaitseva, 2023: 229), что ставит вопрос о соотношении триггерных и провокационных высказываний;

– ментальные образования, основанные на эмоциях, объединяющих людей, и репрезентированные в «языке события» («Триггер – это “спусковой крючок”» для организации эмоций. Страх, тревожность, стресс, объединившие людей, можно отнести к числу ментальных (экзистенциально-социальных) триггеров пандемического дискурса» (Sinelnikova, Selezneva, 2022: 103); «В резонансном дискурсе <...> триггер конвертируется в событие, а событие в результате множественных интерпретаций “сворачивается” в слово» (Там же: 102); например, маркерами триггера страха в пандемийном дискурсе выступают слова *ковид-истерия*, *ковидопаника*, *ковидопсихоз*, *вирусобесие* и мн. другие (Там же: 103);

– высказывания, порождающие общественную негативную реакцию «по отношению как к автору слов, так и к конструируемой им реальности», например реплика Павла Астахова *как поплавали?*, обращенная при посещении больницы к детям, выжившим после трагедии на Сямозере (Kornienko, 2022: 154).

Широкая референциальная соотносительность понятия «триггер» и многозначность соответствующего термина обусловлены разными исследовательскими подходами и направлениями. Тем не менее этот факт не снимает проблемные вопросы о критериях идентификации триггерных высказываний (высказываний-триггеров), которые используются в различных коммуникатив-

ных сферах и являются объектом нашего исследования, и о разработке эффективных методик их изучения и описания. На данном этапе лингвистами охарактеризован лишь один вид триггерного высказывания – это высказывания-триггеры представителей власти, вызывающие «острую негативную реакцию», репрезентированную в СМИ, и имеющие «четкую прагматическую организацию» (Ruzhentseva et al., 2022: 99).

Постановка проблемы

Проблема научного дефинирования и выявления критериев идентификации триггерных высказываний вытекает из следующих научных лакун и противоречий:

– отсутствие в гуманитарной науке, включая лингвистику, общепринятого определения понятия «триггер» (метафора «спусковой крючок» дает лишь общее представление, не проясняя механизм воздействия);

– преимущественное внимание к триггерным высказываниям, вызывающим негативный общественный резонанс, то есть к триггерам только одного типа (и по масштабности реакции, и по ее оцениванию), в то время как замечено, что триггер «в зависимости от контекста может вызывать как позитивные, так и негативные эмоции» (Skalaban et al., 2022: 71);

– нерешенность вопроса о лингвистическом статусе триггерных высказываний в их соотношении с высказываниями другого типа (манипулятивными, провокационными и др.);

– недостаточная лингвистическая охарактеризованность триггерных высказываний (можно предположить, что система маркеров триггерности различается в разных типах высказываний-триггеров);

– недостаточная разработанность методики их лингвистического исследования.

Концептологические основания исследования

Если признать, что триггерные высказывания вызывают индивидуальный и(или) общественный отклик в виде оценочных реакций, то хотелось бы для начала найти

ответ на вопрос, почему эти реакции возникают, или каков психолингвистический механизм воздействия высказываний-триггеров. С целью поиска ответа на этот вопрос, от которого зависит уточнение дефиниции понятия триггерного высказывания, мы обратились к работам в области психологии и психолингвистики, выявив следующие значимые для нашего исследования концептологические основания.

1. В соответствии с психолингвистической моделью вербального воздействия любое воздействие имеет целенаправленный характер, то есть любое речевое воздействие на объект осуществляется с целью повлиять на его поведение в нужном для инициатора направлении, что предполагает поиск уязвимых «точек» у адресата и избирательное воздействие на них. Это означает, что в сферу наших интересов не входят так называемые непреднамеренные, или случайные (Katermina et al., 2021: 97), триггеры.

2. По данным психолингвистики, «психическая природа оценивания определяется учеными как врожденность оценочного смысла, который фиксирует выделение в психической сфере лица положительных и отрицательных эмоций» (Prikhodko, 2009). Согласно психологической теории мотивационных эмоций, «эмоция наравне с потребностями участвует в побуждении поведения человека» (Pugiev, 2019: 48). Она «появляется намного быстрее когнитивной оценки стимула» (Там же: 50), следует «за актуализацией мотива и до рациональной оценки адекватности деятельности субъекта» (Leontiev, 1971). Эмоция определенным образом настраивает мышление, восприятие, влияя на принятие решений и тем самым побуждая не только непреднамеренные, но и сознательные действия (Pugiev, 2019: 51–52). Доказано, что эмоции организуют деятельность, стимулируют ее и влияют на нее, а значит, они могут способствовать вербальной оценочной реакции. Это дает нам основание одним из признаков триггерных высказываний считать их способность вызывать эмоции (в широком понимании, включая чувства). Такой подход

не противоречит наблюдениям целого ряда психологов о том, что «триггер всегда продуцирует эмоции, хотя степень и формы их проявления могут быть разными» (Skalaban et al., 2022: 71).

Триггер в психологической интерпретации не всегда «активизирует поведенческие изменения» (он является лишь стимулом невербальных действий): человек может просто публично выразить эмоцию, например в социальных сетях, местной прессе, но может и от эмоции перейти к действиям (Там же). Фиксация эмоций, эмоционального и/или оценочного отношения к информации в виде какого-либо текста, на наш взгляд, есть уже коммуникативное действие. «Триггерные точки» (темы, привлекающие наибольшее внимание) в обществе исследователи выявляют по количеству комментариев, лайков и дизлайков (см., например, (Mamonova, 2021: 542), хотя это количество может быть вполне контролируемым («заказным»). Фиксация эмоций может быть получена экспериментальным путем: проведение психолингвистического эксперимента – один из методов получения материала и его изучения.

3. В современной психологии «на первый план выходит когнитивная модель возникновения эмоций», в которой признается, что эмоциональные переживания возникают «не только при непосредственных воздействиях внешней среды, но могут быть вызваны словами, мыслями» (Kuzmin, 2022: 52), они зависят от когнитивных факторов (опыта (памяти) человека, его потребностей и интересов) и меняются в соответствии с новой полученной информацией. Следовательно, следующим признаком триггерных высказываний можно считать наличие в них таких слов или их сочетаний, которые выступают своего рода «раздражителями» (особенность плана выражения), и личностно значимого смысла, соотносимого с актуальными нравственными, эстетическими и другими ценностями (особенность плана содержания).

С опорой на сформулированные концептуальные постулаты и осуществлялся сбор **материала исследования**. На данном

(начальном) этапе он составил свыше 150 высказываний разного объема (в контексте их употребления и с учетом ответных реакций), источником получения которых послужили как социальные сети и мессенджеры, так и новостные медийные платформы в сети Интернет.

Методология

Методика исследования триггерных высказываний зависит от материала, точнее – от того, в каком жанре используются эти высказывания или какой жанр они представляют. Применительно к диалогическим формам коммуникации более или менее продуктивной является предложенная нами ранее методика декодирования речевого триггера. На первом этапе определяется фрагмент коммуникативного взаимодействия: высказывание/текст плюс вербализованная на него реакция, выражающая те или иные эмоции, чувства, оценку (например, пост в социальной сети и комментарий к нему, публикация в СМИ и комментарии к ней, диалогическое единство в форуме, интервью, диалог в комментариях и т.д.). На втором этапе анализируется тематическое содержание, связанное с возникновением триггерного коммуникативного события, определяются типы используемых собеседниками речевых актов/жанров и эксплицитно и/или имплицитно воплощенные в них интенции. На третьем этапе вычленяются различные знаки, реализующие механизм «запуска» эмоционального переживания у собеседника (катализаторы реакции или ее маркеры), анализируется их прагматическая направленность и делается вывод о смысловой структуре триггерного высказывания, специфике его речевого оформления (Zabrodina, Koptina, 2023: 110–111). Вербальная реакция на высказывание-триггер может вычленяться путем мониторинга массмедийного пространства с целью выявления свидетельствующих о ней информационных следов или путем лингвистического эксперимента, детальное описание которого не входит в задачи данной статьи (поэтому примеры реакций, полученных

экспериментальным путем, далее не приводятся, оставим их для следующей публикации). Другими словами, триггерность высказывания исследования определяется по его перлокутивному эффекту, который зависит от целого ряда факторов (конситуации, модели мира адресата, его опыта и т.д.).

Возможно, выявление и систематизация лингвистических маркеров триггерности в дальнейшем будут способствовать решению проблемы автоматизированного распознавания речевых триггеров.

Результаты исследования, их обсуждение

Известно, что критерии идентификации любого явления должны отражать типичные (наиболее характерные) свойства, быть объективными (независимыми от субъективных данных исследователя) и проверяемыми (при повторных независимых проверках должны быть получены те же самые или близкие к ним результаты). Применительно к триггерным высказываниям такими критериями их идентификации являются следующие.

1. Наличие ответных реакций на высказывание, указывающих на возникшие эмоции/чувства и на оценочное отношение адресата к сообщаемой информации

Этот критерий триггерности является наиболее проверяемым в том случае, если реакции носят ярко выраженный вербальный характер. Так, 29.03.2018 в программе «Жить здорово» Елена Малышева при обсуждении проблемы бродячих животных и ситуации, когда собаки загрызли человека, сказала: «...Поэтому этих собак надо *отстреливать*». Данное высказывание-триггер вызвало бурную реакцию общественности, следы которой нашли отражение в СМИ, например: Алеся Ключко назвала Елену Малышеву «бездушной твариной» (<https://www.dom2.ru>. 04.04.2023); Краснодарская зоозащитница Татьяна Пантина разместила петицию на сайте

Change.org, а также обратилась в МВД России с просьбой привлечь Елену Малышеву к ответственности (<https://russian.rt.com/russia/news/499633-malysheva-otstrel-sobaki>); петицию, по данным СМИ, подписали 21 000 человек (<https://www.kp.ru/daily/26816.7/3852199/>).

Обратим внимание, что оценочные или эмоционально-оценочные реакции на триггерные высказывания аксиологически могут быть прямо противоположными, что говорит о поляризованности общества по затронутой в передаче теме, например: *Это же надо, сколько злобы, ненависти в этой глупой очкастой старухе!!!* (<https://medialeaks.ru/0204xsh-zhit-zdorovo-bez-sobak/>); *Овца драная эта Малышева. Какая она врач? Призывает к убийству. Видеть эту рожу, а тем более слышать ее надоедо!* (<https://sm24.info/news/7739>); *ну наконец услышал от Малышевой что-то нормальное* (<https://www.yaplakal.com/forum1/st/250/topic1766424.html>); *Она выросла в моих глазах. Я еще помню, как милиция по утрам этим занималась...* (Там же). Яркие выраженные (в плане и языкового оформления, и частотности) реакции от адресатов разного типа (простых пользователей, представителей общественности, медийных персон и т.д.) свидетельствуют о высокой степени триггерности высказывания Елены Малышевой.

Реакции адресата определяют контекстом (в его широком понимании) и ситуацией общения. Например, на высказывания-триггеры о введении новых санкций, апеллирующих к страху, в современных условиях российские пользователи дают комментарии, показывающие во многих случаях его отсутствие, например: *Побольше санкций..., в России хоть заработает собственное производство, а то весь рынок занят был иностранцами; Эти санкции работают против Европы. Европа будет нищей; Пойду уши отморожу назло маме; Такие санкции курам на смех; Серёга глянь нам пакет какой то прислали, глянь чё там. Да там опять мусор какой-то* (<https://www.youtube.com/watch?v=YqvTJ3IK6dA>).

2. Наличие в смысловой структуре высказывания компонентов, которые основаны на оценке значимости какого-либо объекта, относятся к историко-культурным, нравственным и другим ценностям или отсылают к ним

Критерий обусловлен взаимосвязью ценностей и эмоций (ценности вызывают эмоции; в эмоциях раскрываются ценностные качества объектов и явлений действительности; сами эмоции выступают в роли ценности) и тем, что «ценности притягивают человека», «без осознания ценностей невозможно принятие решений» (Langle, 2004). Не случайно логос (апелляция к рассудку), этос (отсыл к ценностному компоненту), пафос (возбуждение эмоций) задают триаду убедительности текста.

Степень актуальности ценностей определяет, наряду с другими факторами (например, каналом распространения), триггерный эффект (тип, количество и качество реакций). «Притягивающее» свойство ценностей позволяет высказываниям-триггерам выполнять функцию переключения внимания на отраженную в них тематику/проблему. Поэтому переключение внимания – это функциональный критерий-следствие.

В течение суток ленты крупнейших информационных агентств (ТАСС, Интерфакс, РБК, РИА Новости, Ведомости и др.) облетела новость о сносе в Болгарии памятника Советской армии, она озвучивалась и в эфире ведущих радиостанций страны (Радио России, Вести FM и др.), комментировалась на телевизионных каналах (Россия 24, Первый канал, НТВ и др.). 12.12.2023 снос памятника на брифинге прокомментировала официальный представитель МИД России Мария Захарова: *«Болгария вновь, как уже не раз случалось, выбирает не ту сторону истории»*. К активному обсуждению новости подключились пользователи информационных платформ и социальных сетей. В частности, в Телеграм-канале «Артамонов: Оборона России» 14.12.2023 было опубликовано сообщение со ссылкой на Lenta.RU о том, что в столице Болгарии Софии «начался демонтаж

памятника Советской армии» (<https://t.me/nationaldef/6060>). Под новостью оставили реакции (преимущественно в виде эмодзи – иконического способа выражения эмоций) 1194 человека. Некоторые вербальные реакции одной тональности: «*Братушки*»... *Сколько раз спасали их шкуры?*; *Предавши один раз...*; *Подлость не прощается – будут отвечать конкретно, как и остальные, кто сносил памятники Освободителям; Вернём. И рядом второй поставим. А куда ж нам деваться?* Для российского народа победа в Великой Отечественной войне является непреложной ценностью: трепетное отношение к событиям военного времени «вшиты» в потомков героев в качестве «базовых настроек»; для того, в ком жива генетическая память о войне, само сочетание слов *снос/демонтаж* и *памятник Советской армии* представляет своего рода «ценностный алогизм».

3. Наличие лингвистических маркеров триггерности – тех языковых/речевых средств, которые обусловлены целенаправленностью высказывания оказать речевое воздействие на эмоции, т.е. моделированием реакции адресата

Триггерные высказывания могут принимать формы различных речевых актов/жанров, однако в зависимости от их типа, связанного с мишенью воздействия, под которой мы понимаем тот или иной тип вызываемой у адресата эмоции, адресант использует определенные языковые/речевые средства. Например, в медийных высказываниях-триггерах страха частотно использование слов *санкции, изоляция, сочетаний типа «грязная» бомба, рука Кремля, экстренная вакцинация, новая война* и т.п., что не осталось незамеченным журналистами: *Microsoft пугает пользователей «санкциями» за удаление браузера Edge с компьютера и переход на другой обозреватель. Она внушает им мысль о том, что это приведет к поломке ряда востребованных функций ПК...* (https://www.cnews.ru/news/top/2023-10-17_microsoft_zapugivaet_polzovatelej); *Запад и ЕС пугают Рос-*

сию изоляцией (https://gudok.ru/content2/arkhivnye_rubriki/sujet/sanktsii-protiv-rossii/1147278/). Выявление, систематизация и описание лингвистических маркеров триггерности – одна из важных задач, которую предстоит решить.

4. Функциональный потенциал триггерных высказываний как дополнительный критерий

Поскольку триггерные высказывания имеют ценностно-эмоциональную направленность, они способны влиять на картину мира адресата и принятие им решений, связанных с совершением тех или иных действий или поступков. Например, после начала спецоперации на Украине публичные признания-триггеры в чувстве стыда за свою страну, в том числе медийных персон, вызвали противоположные комментарии. Для примера приведем высказывание *Большинству россиян стыдно за свою страну*, основанное на приеме генерализации и стоящее в заголовке (триггеры часто выносятся в сильные позиции текста), оно вызвало различные комментарии: от «*Да, ресурсов много, а народ нищий*» (согласие и принятие позиции) до «*А почему за страну должно быть стыдно? Международная политика госу-ва великолепная. Мы всегда приходим на помощь и защищаем слабых. На спортивной арене показываем великолепный результат. Наше государство готовится к проведению саммита и олимпиады, на подходе чм по футболу*» (несогласие и приведение контраргументации) (<http://www.vlkrpf.ru/info/16672>).

Предвосхищая дальнейшие исследования, выскажем гипотезу о том, что триггерные высказывания, политически поляризующие общество, могут быть способом его дестабилизации, и в этом аспекте их изучение особенно актуально в условиях когнитивных войн.

Заключение

В качестве вывода, опираясь на сформулированные выше теоретические положения, триггерное высказывание определим следующим образом: это вы-

сказывание, идентифицируемое с учетом оценочной реакции адресата, вызывающее у него в определенной конситуации такие ценностные ассоциации и эмоциональные переживания, которые могут способствовать переосмыслению им того или иного события/явления и тем самым мотивировать на совершение какого-либо действия, поступка.

Предложенная дефиниция включает такие основные критерии идентификации триггерных высказываний, как направленность на эмоции в качестве основной мишени воздействия, заключенный в них ценностный компонент или посыл, оценочный

характер реакции адресата и ее ситуативно-контекстуальная обусловленность, а также функциональный потенциал, связанный с влиянием на картину мира и поведение адресата.

Благодарность

Выражаем благодарность Российскому научному фонду за финансовую поддержку проекта № 24–28–01350 (<https://rscf.ru/project/24–28–01350/>), в рамках которого выполняется исследование, а также рецензентам научной статьи за ценные замечания, устранение которых позволило улучшить ее текст.

Список литературы / References

Gerasimov S. V. Special'noe sobytie v sovremennom sociokul'turnom kontekste [A special event in the modern socio-cultural context], *Human. Culture. Education*. 2022. 2. 68–84.

Karasik V. I. Izmenenie vneshnosti kak lingvokul'turnyj syuzhetnyj trigger [Appearance change as a linguistic and cultural plot trigger], *Communication research*. 2015. 2(4). 16–30.

Katermina V. V., Ryabchenko N. A., Malysheva O. P., Gnedash A. A. Lingvisticheskie modeli social'no-politicheskoy kommunikacii v onlajn-prostranstve [Linguistic models of socio-political communication in the online space], *Bulletin of the RFBR. Humanities and social sciences*. 2021. 4. 87–100.

Kislitsyna N. N. Konceptiya lingvisticheskoy konnotologii (kognitivno-diskursivnyj aspekt) [The concept of linguistic connotology (cognitive-discursive aspect)], Simferopol: LLC "Antiqua", 2022, 328.

Kleiberg Yu. A. Provokativnoe povedenie: psihologo-deviantologicheskij diskurs [Provocative behavior: psychological and deviantological discourse], *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2020. 9. 1A. 269–277. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.032

Kornienko A. V. Rechevaya agressiya v vyskazyvaniyah vlasti (na materialah konkursov «Slovo goda») [Speech aggression in the statements of the authorities (based on the materials of the "Word of the Year" contests)], *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. 4. 143–159.

Kuzmin I. A. Teoreticheskij analiz problemy proiskhozhdeniya emocij v psihologii [Theoretical analysis of the problem of the origin of emotions in psychology], *Social Research Digest*. 2022. 1(5). 42–53.

Lasy E. V., Novodvorskaya M. V., Evsegneev R. A. Analiz predsmertnyh zapisok i protokolov rassledovaniya po faktu suicida: svyaz' fakta upotrebleniya alkogolya i anamneza zloupotrebleniya alkogolem s triggerami i motivami suicida [Analysis of suicide notes and investigation protocols: the relationship of alcohol consumption and anamnesis of alcohol abuse with triggers and motives of suicide], *Social and clinical psychiatry*. 2012. 22. 4. 57–62.

Leontiev A. N. Potrebnosti, motivy i emocii [Needs, motives and emotions]. M.: Moscow University Publishing House, 41. 1971. URL: <http://flogiston.ru/library/leontev> (date of application: 01/15/2024)

Langle A. Vvedenie v ekzistencial'no-analiticheskuyu teoriyu emocij: prikosnovenie k cennosti [An introduction to the existential-analytical theory of emotions: Touching value], *Questions of psychology*. 2004. 4. 3–21. https://laengle.info/downloads/Wertberuhrung_Russian%20In%20Waprosi%20psichologii%20ijul-avgust,%204,%203–212004.pdf

Mammadov A. K. Dekonstrukciya kul'turnogo prostranstva: smert' teksta [Deconstruction of cultural space: the death of the text], *Bulletin of Moscow University, Ser. 18. Sociology and Political Science*. 2021. 27(3). 151–165. DOI: 10.24290/1029–3736–2021–27–3–151–165

Mamonova N. V. Internet-komentarij v global'nom mediadiskurse [Internet commentary in the global media discourse], *Journalism*. 2021. 541–544. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/273331/1/541-544.pdf> (accessed 01.15.2024)

Prikladko A. I. Teoriya rechevoj deyatel'nosti v kontekste psiholingvistiki [Theory of speech activity in the context of psycholinguistics.]. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-rechevoy-deyatelnosti-v-kontekste-psiholingvistiki> (accessed 10.01.2024)

Pyriev E. A. Motivacionnaya funkciya emocij: teoreticheskij podhod k izucheniyu [Motivational function of emotions: a theoretical approach to the study], *Bulletin of practical psychology of education*. 2019. 2(2). 47–55. DOI: 10.17759/bppe.2019160207

Ruzhentseva N. B., Koshkarova N. N., Chudinov A. P. Triggery v diskurse vlasti i ih otrazhenie v SMI [Triggers in the discourse of power and their reflection in the media], *Language and culture*. 2020. 50. 99–114. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000723860> (accessed 01.15.2024)

Sinelnikova L. N., Selezneva L. V. Triggery rezonansnosti i formirovanie pandemicheskogo koronavirusnogo diskursa [Resonance triggers and the formation of pandemic coronavirus discourse], *Criticism and semiotics*. 2022. 2. 91–113. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-91-113.

Skalaban I. A., Sergeeva Z. N., Lobanov Y. S., Volchenko S. Yu. Kurok konflikta. Trigger: opyt konceptualizacii i kategorizacii [The trigger of the conflict. Trigger: the experience of conceptualization and categorization], *Society and Security Insights*. 2022. 5(3). 66–86. DOI 10.14258/ssi(2022)3-05.

Startsev Ya. Yu. Fenomenologiya irracional'nogo v politicheskom myshlenii i raznoobrazie logik politicheskogo dejstviya [The phenomenology of the irrational in political thinking and the variety of logics of political action], *Scientific Yearbook of the IFiP Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2015. 15(4). 67–106.

Terskikh M. V., Zaitseva O. A. Ideologicheskie i kul'turnye kody v aspekte formirovaniya provokativnogo reklamnogo kontenta (na primere reklamy Benetton) [Ideological and cultural codes in the aspect of the formation of provocative advertising content (using the example of Benetton advertising)], *Actual problems of philology and linguistics*. 2023. 1. 225–237. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-225-237>.

Ustinov I. Yu., Karavanov A. A. Issledovanie potentsiala sredstv massovoj kommunikacii v sisteme informacionnoj bezopasnosti gosudarstva [Research of the potential of mass communication media in the information security system of the state], *Humanitarian problems of military affairs*. 2018. 2(15). 190–195.

Zabrodina A. N., Kopnina G. A. Rechevye triggery v internet-kommunikatsii (na materiale sotsial'noy internet-seti "VKontakte"): nauchnoe izdanie [Speech triggers in Internet communication (the case of the VKontakte social network site)]. *Human. Image and Essense*. 2023. 2. 101–122.

EDN: QPMNTW
УДК 81,42

Peculiarities of Negative Evaluation in Conflict Polycode Texts

Maxim N. Latu*

*Research and Educational Center “Applied Linguistics,
Terminology Studies and Linguocognitive Technologies”
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russian Federation*

Received 06.04.2023, received in revised form 17.10.2023, accepted 08.04.2024

Abstract. The article discusses the peculiarities of negative evaluation representation in polycode texts of conflict nature. The Internet memes and demotivators devoted to the war of the sexes, as well as xenophobic ones are in focus. It argues that the negative evaluation of the concepts (related by the author of the conflict texts to the “foe” pole within the “friend-foe” dichotomy) manifests in these texts by the implementation of sense components belonging to such categories as “subject”, “characteristic”, “action” and “situation”. Verbal and iconic means that are used to express the sense components and form a negative image of the subject of the “foe” pole are identified and analyzed with the help of semantic and semiotic methods. Such means include offensive nominations of subjects, their qualities, actions with a negative connotation, facial expressions of a negative mood, etc. The results substantiate the dependence of evaluation expression by means of certain iconic elements on the roles assigned by the author of the conflict text to the subjects of the dichotomy. The paper also describes the ways of expressing condemnation and negative evaluation of actions associated with the subject of the “foe” pole represented by verbal and non-verbal reactions of the subject of the opposite pole of the dichotomy. Thereafter it considers the features of the implementation of negative stereotypes, as well as the discrediting of social events on the basis of conflict situations constructed by the author of these texts. Finally, the study puts into context the identified methods of negative evaluation intensification that include the use of expressive lexical means, stylistic means, caricatures, comparison and contrast.

Keywords: polycode text, conflict, “friend-foe” dichotomy, negative evaluation, representation, sense component, verbal, iconic.

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, research project No. 22–18–20091, <https://rscf.ru/project/22–18–20091/>

Research area: social structure, social institutions and processes; philology.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: laatuu@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6313-5637

Citation: Latu M. N. Peculiarities of negative evaluation in conflict polycode texts. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 926–937. EDN: QPMNTW

Особенности репрезентации негативной оценки в поликодовых текстах конфликтного характера

М.Н. Лату

НОЦ «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии»

*Пятигорский государственный университет
Российская Федерация, Пятигорск*

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению особенностей репрезентации негативной оценки в поликодовых текстах конфликтного характера. В фокусе внимания находятся мемы и демотиваторы, посвященные войне полов, а также ксенофобской направленности. Устанавливается, что негативная оценка в отношении понятий, соотносимых автором с полюсом «Чужой», в данных текстах может выражаться посредством актуализации смысловых компонентов содержания, относящихся к категориям «субъект», «характеристика», «действие», «ситуация». На основе семантического и семиотического методов анализа выделяются и анализируются вербальные и иконические средства их выражения при формировании негативного образа субъекта полюса «Чужой», к которым, в частности, относятся номинации субъектов, их качеств, действий с отрицательной коннотацией, мимика лица, выражающая негативный настрой и др. Обосновывается зависимость выражения оценки посредством отдельных иконических средств от ролей, отводимых автором субъектам дихотомии. Описываются актуализируемые в текстах способы выражения осуждения и негативной оценки действий, соотносимых с субъектом полюса «Чужой», к которым относятся репрезентируемые вербальные и невербальные реакции субъекта противоположного полюса дихотомии. Анализируются особенности актуализации стереотипов негативного характера, а также дискредитации социальных событий на основе конструируемых автором конфликтных ситуаций. Приводятся выявленные приемы интенсификации выражения негативной оценки, среди которых использование экспрессивных лексических средств, стилистических средств, карикатур, сравнения, контраста.

Ключевые слова: поликодовый текст, конфликт, дихотомия «Свой-Чужой», негативная оценка, репрезентация, смысловой компонент, вербальный, иконический.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–20091, <https://rscf.ru/project/22-18-20091/> в Пятигорском государственном университете.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 10.00.00 – филологические науки.

Цитирование: Лату М. Н. Особенности репрезентации негативной оценки в поликодовых текстах конфликтного характера. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 926–937. EDN: QPMNTW

Введение

Категоризация и интерпретация являются значимыми процессами в аспектах осмысления и восприятия окружающей действительности. Как справедливо отмечает Н. Н. Болдырев, «в своей языковой деятельности каждый человек не только воспроизводит структуру мира», но также «конструирует его в сознании, формирует собственное видение мира, являющееся, по существу, его определенной интерпретацией» (Болдырев, Блохина, 2022: 1715). Результатом такой интерпретативной деятельности является дискурс, тем самым представляющий собой особое конструируемое пространство (Магировская, 2020). В процессе осмысления уже существующих знаний о реальности в рамках разных концепций и мнений, их вторичной интерпретации индивид может сравнивать элементы окружающей действительности (Болдырев, Блохина, 2022), устанавливать наличие близких черт, отождествлять или, указывая на несходство, противопоставлять их.

С. Т. Нефедов указывает, что сравнение находится в корреляции с оценкой, а «непосредственные носители оценочных значений – оценочные лексемы, обнаруживают с ним в своих речемыслительных основаниях на уровне значения глубинные семантические связи» (Нефедов, 2022: 1700). Очевидно, что в разных видах дискурса, ввиду их специфики и отличий, как положительная, так и негативная оценка может выражаться разными способами и средствами, которые могут быть эксплицитными и имплицитными. При этом в основе использования данных средств лежат прагматические цели, связанные с реализуемыми автором текста определенными коммуникативными стратегиями и тактиками. Так, например, для политического дискурса при выражении негативной оценки характерно использование зоометафор, поскольку, как и метафоры в целом, они реализуют оценочно-экспрессивную функцию (Линь, 2018), тогда как для текстов научных рецензий, относящихся к научному дискурсу, свойственны иные средства ее выражения,

среди которых вводные конструкции с семантикой сомнения и др., где «критика сопровождается разного рода языковыми деинтенсификаторами оценки, снижающими степень ее категоричности и прямоты» (Чернявская, 2022: 1695). Сама же по себе оценочная деятельность является естественной для сознания, коррелирует с потребностями индивида и влияет на его деятельность (Телия, 1988).

Согласно А. А. Матвеевой, «оценка является одним из наиболее значимых маркеров категорий в рамках дихотомии «Свой-Чужой» (Матвеева, 2007: 134). При этом понятия полюса «Свой» получают положительную оценку, а смыслы и понятия полюса «Чужой» – негативную (Жданова, 2004), интерпретируются как враждебные, несущие потенциальную угрозу (Кислякова, Соломина, 2011). Оппозиция «Свой-Чужой» реализуется в разных социальных сферах и видах дискурса (Соломина, 2014), в том числе и в виртуальном пространстве сети Интернет, где широкое распространение получили поликодовые тексты и наблюдается «сосуществование многообразия различных точек зрения, часто диаметрально противоположных» (Селютин, 2010: 63), в том числе деструктивного характера, репрезентируемых в конфликтных мемах и демотиваторах (Ворошилова, 2019; Тагильцева, Бабикина, 2019; Гукосьянц, Алимуратов, Горжая, 2022). В связи с этим интерес представляет исследование особенности и средств вербальной и невербальной репрезентации негативной оценки смыслов полюса «Чужой» в конфликтных поликодовых текстах, что является целью настоящей статьи. При этом изучение данного феномена также может способствовать пониманию их специфики и повышению уровня критичности восприятия транслируемой информации. Материалом исследования послужили мемы и демотиваторы, посвященные войне полов, а также ксенофобской направленности, полученные методом сплошной выборки со страниц социальных сетей в Интернете. Объем выборки составил 400 поликодовых текстов.

Оценка и конфликтные поликодовые тексты как объект анализа

Конфликтные поликодовые тексты могут не только иллюстрировать конструируемую ситуацию конфликта, но также отсылать к системе ценностей конфликтного характера, оказывать деструктивное воздействие, моделируя негативное восприятие. В рамках когнитивного подхода содержательное пространство любого поликодового текста потенциально делимо на составляющие, представляющие собой его смысловые компоненты, относящиеся к разным категориям, среди которых «субъект», «характеристика», «действие», «место», «ситуация», «феномен» и т.д. (Князев, 2022). При этом в нем также находят выражение результаты вторичной интерпретации мира оценочного характера.

Как показывает анализ, в рассматриваемых текстах оценка может выражаться в отношении представителей определенных социальных групп, которых автор приписывает одному из полюсов когнитивной матрицы «Свой-Чужой», а также соотносимых с ними характеристиками и ценностями, действиями и событиями. При этом репрезентация автором соответствующего восприятия последних в конечном итоге опять-таки может косвенным образом моделировать систему отношений к репрезентируемым представителям групп посредством ассоциативных связей. Из вышесказанного следует, что в анализируемых текстах в фокусе могут находиться смысловые компоненты разных категорий, мишенью же при выражении негативной оценки прямо или косвенно выступают представители группы, соотносимые с полюсом «Чужой», а также действия, события, феномены, которые автор, так или иначе, связывает с ним и/или которые не соответствуют системе ценностей группы, которую он представляет.

Таким образом, с позиций лингвистической методологии в рамках настоящего исследования посредством смыслового анализа и контент-анализа было изучено содержательное пространство текстов выборки, установлены лексические средства и эле-

менты изображения, репрезентирующие смысловые компоненты, соотносимые с полюсом «Чужой», осуществлена их систематизация в соответствии с установленными категориями («субъект», «характеристика», «действие» и др.). Затем посредством компонентно-семантического анализа были выделены и изучены вербальные средства выражения негативной оценки и языковые средства репрезентации смыслов, на которые она направлена. В рамках данного шага были проанализированы оценочные лексемы с отрицательной коннотацией, лексемы с метафорическим значением, словосочетания, выражающие несогласие и осуждение автора, а также указывающие на приписываемые субъекту качества и действия негативного характера, изучены особенности выражения негативной оценки при их реализации в данных текстах. Семиотический анализ иконического компонента поликодовых текстов при этом позволил установить элементы изображения, используемые при конструировании автором негативных образов субъекта полюса «Чужой», иллюстрации приписываемых ему осуждаемых качеств и особенностей поведения, а также невербальных реакций представителей противоположного полюса дихотомии. Обращение к данному методу исследования наряду с методом контекстуального анализа также позволило выявить изобразительные и стилистические приемы интенсификации негативной оценки, реализуемые в составе иконического и вербального компонентов рассматриваемых поликодовых текстов.

Как показывают семантический и семиотический методы анализа, негативная оценка в данных текстах может выражаться их авторами разными способами. Необходимо сразу отметить, что, согласно полученным результатам, анализируемые далее особенности и способы репрезентации негативной оценки справедливы как для поликодовых текстов, посвященных войне полов, так и текстов ксенофобской направленности, при этом различия наблюдаются на вербальном уровне в отношении отдельных языковых средств, среди которых номинации субъектов, ценностей, событий.

**Репрезентация негативной оценки
в отношении представителя полюса
«Чужой»**

Негативная оценка непосредственно в отношении представителя определенной группы, которую автор соотносит с полюсом «Чужой», может выражаться посредством актуализации автором в тексте определенных смысловых компонентов, в первую очередь принадлежащих к таким категориям, как «субъект», «характеристика», «действие», репрезентация которых характеризуется рядом особенностей. При этом данные смысловые компоненты могут находить выражение в вербальной и/или иконической части поликодового текста.

**1. Выражение негативной оценки
при актуализации смысловых компонентов
категории «субъект»**

Так, в составе вербального компонента для выражения негативной оценки при репрезентации субъекта, соотносимого с полюсом «Чужой», автором используются номинации, представляющие собой единицы инвективной, оскорбительной и бранной лексики, а также лексики разговорного характера с отрицательной коннотацией. Данные номинации, с одной стороны, могут являться языковыми единицами широкой семантики, например, *мразь, тварь, стерва* и др., а с другой стороны, быть соотносимыми с определенной группой, например, *баба, икура, бабораб, чернильница, жидяра, русак* и др. В качестве таковых могут выступать и непосредственно единицы табуированной лексики, а также образованные от них сложные по структуре неологизмы. В качестве номинаций представителей полюса «Чужой» нередко используются метафоры, в частности анималистические, которые отсылают к определенным негативно воспринимаемым в обществе образам, а также связанным с ними стереотипам, например, *кобель, курица, свинья, макака* и др.

В иконической части текста смысловые компоненты содержания категории «субъект» могут выражаться посредством различных образов, среди которых изображения людей, животных, персонажей

фильмов и мультфильмов и т.д., что, бесспорно, характерно для жанров мемов и демотиваторов в целом. В контексте рассматриваемой выборки значимыми являются намеренно актуализируемые автором детали данного (иногда трансформированного) образа. Последние, с одной стороны, отсылают к определенной группе по расовому, национальному, половому или другому социальному признаку, а с другой стороны, указывают на его характеристики и особенности, которые в случае представителей полюса «Чужой» могут носить ярко выраженный негативный характер. Репрезентируемый субъект при этом, по замыслу автора, выступает усредненным, обобщенным образом представителя группы, с целью сформировать представление, что изображаемые негативные черты и особенности характерны для каждого, кто к ней относится. Последнее, в частности, достигается посредством изображения человека без лица, рисованных персонажей и фигур людей.

Как показывает анализ, в рассматриваемых конфликтных текстах используемый метафорический образ может изначально иметь негативную коннотацию. С одной стороны, представитель полюса «Чужой» или соотносимый с ним феномен может изображаться в виде нечистой силы, мифического чудовища, образа, выступающего олицетворением зла, например, изображение оскаленной пасти существа полной острых зубов на черном фоне, согласно автору, олицетворяющего патриархат, лицо представителей мужского пола (рис. 1.). С другой стороны, субъект полюса «Чужой» может быть метафорически или метафтонимически представлен образом животного или персонажа, сравнение с которым в языковой картине мира носит порицающий, бранный или ироничный характер, например, изображение *свиньи* (как образное переосмысление неряшливого или некультурного человека) в отношении представителей мужского пола, *курицы, обезьяны* в отношении представителей женского пола (рис. 2.) и др. В основе данных интерпретаций лежит ассоциативная связь, соответствующая семантическому отношению тождества, которую автор

Рис. 1
Fig. 1

Рис. 2
Fig. 2

целенаправленно устанавливает, выражая свое негативное видение субъекта и стремясь вызвать у адресата текста чувства страха, неприятия или презрения.

Заметим, что, как отмечалось выше, при репрезентации субъекта в иконической части текста автор также может дополнять и трансформировать иллюстрируемый образ, приписывая ему определенные черты в соответствии со своими установками посредством актуализации смысловых компонентов категории «характеристика».

2. Выражение негативной оценки при актуализации смысловых компонентов категории «характеристика»

Смысловые компоненты содержания текстов, относящиеся к категории «характеристика», отражают черты, качества, навыки, которыми автор наделяет актуализируемого субъекта посредством атрибутивной семантической связи. Тем самым он конструирует и дополняет его образ, в частности, выражая негативную оценку в отношении представителей группы, которую он соотносит с полюсом «Чужой», моделируя тем самым и соответствующее восприятие адресата. Смысловые компоненты данной категории также могут находить выражение вербально и/или иконически. Так, в составе вербального компонента используются языковые единицы, представляющие собой прилагательные с негативным оценочным компонентом в своей семантической струк-

туре, которые могут относиться как к общеупотребительной, так и к разговорной, инвективной и табуированной лексике. При этом негативная оценка дается чертам характера и личностным качествам субъекта, его умственным способностям, внешнему облику, а в случае табуированной лексики она может носить субъективный экспрессивный характер. К таковым относятся *глупый, тупой, ленивый, слабый, уродливый* и др. Например, в составе вербального компонента «*тупая баба сказала: “тебе не понять”*», сопровождаемое мемным изображением Tony Stark face (Роберт Дауни закатывает глаза, скрестив руки на груди).

Характеристики субъекта также иллюстрируются в иконической части посредством деталей внешнего облика, поз, жестов и мимики. Как показывает анализ, для репрезентации негативной оценки и моделирования соответствующего восприятия субъекта, соотносимого с полюсом «Чужой», автор конструирует нелицеприятный образ, которому, с одной стороны, может отводиться роль агрессора, а с другой – ничтожного или наказанного человека. При этом в фокусе внимания также находятся внешность, характер и способности субъекта, а качества, представленные в вербальной части текста, могут дублировать или дополнять те, которые иллюстрируются иконически. Как показывают результаты анализа, данный образ может отражать такие характеристики, как *злой, страшный,*

опасный, агрессивный, подлый/коварный, которые, как уже отмечалось выше, репрезентируются такими невербальными средствами, как мимика, позы, жесты, особенности внешности, среди которых *нахмуренные брови, перекошенное в гневе лицо, коварный или злобный оскал, демонстрация кулака* (а также другие *позы демонстрации угрозы*) и др. Также к актуализируемым смысловым компонентам данной категории относятся *жалкий, трусливый, слабый, уродливый, неряшливый, глупый, пьяный, распутный* и др., которые репрезентируются посредством поз подчинения (*нахождение на коленях*), защиты (*прикрытие лица рукой*), карикатурных непропорциональных черт лица, дефектов фигуры (*ожирение*), грязной одежды, мимики, характерной для отрицательных эмоций страха, депрессии, неустойчивой позы/походки, следов физического воздействия и т.д.

Так, например, на рис. 3 в иконической части текста изображен субъект полюса «Чужой», которому автором приписываются такие отрицательные характеристики, как *неряшливый* (в грязной майке), *некрасивый, обрюзглый и разжиревший*. При этом вербальный компонент, представленный фразой «*мне нужна красивая, стройная... жена*» выделяет и усиливает их на контрасте, ставя в фокус внимания необоснованность данного желания. Как, видно, в рассматриваемых текстах автор может намеренно не выражать приписываемые субъекту отрицательные характеристики вербально, репрезентируя их только в иконической части.

Здесь, однако, все же необходимо отдельно отметить, что некоторые невербальные элементы, характерные для отводимой субъекту полюса «Чужой» роли наказанного, среди которых *позы подчинения, мимика, выражающая страдание, слезы, следы физического воздействия (кровь, синяк)* и др., также могут использоваться автором для создания образа субъекта полюса «Свой», когда он отводит ему роль жертвы в намеренно конструируемой несправедливой ситуации. Целью последнего является моделирование у адресата текста чувства жалости и сострадания к субъекту полюса

«Свой» в роли жертвы (в отличие от субъекта полюса «Чужой», которому отводится роль справедливо, по мнению автора, наказанного), что вызывает или усиливает негативную оценку субъекта противоположного полюса, поскольку наличие жертвы, соответственно, подразумевает и наличие агрессора. Как показывает анализ, при актуализации упоминаемых выше иконических средств в визуальной части поликодового текста именно вербальный компонент или контекст в целом указывают на отводимые репрезентируемым субъектам роли и их принадлежность к конкретному полюсу дихотомии «Свой-Чужой», а следовательно, и специфику выражаемой оценки.

Также о наличии приписываемых изображаемому субъекту качеств и характеристик могут свидетельствовать представленные в вербальной части реплики данного персонажа, а также авторские комментарии к изображению, например, текст «*Берегись, женщина!*», сопровождающий изображение оскаленной пасти существа (см. рис. 1), которого автор тем самым характеризует как опасного. Таким образом, репрезентируя отрицательные черты и качества, автор тем самым пытается представить иллюстрируемого субъекта, соотносимого с полюсом «Чужой», с одной стороны, опасным и несущим угрозу, кажущимся страшным, но, с другой стороны, в действительности являющимся жалким, ничтожным, глупым, вызывающим иронию, презрение и неприязнь, что прослеживается в разных поликодовых текстах выборки.

3. Выражение негативной оценки при актуализации смысловых компонентов категории «действие»

Актуализируемые характеристики субъекта могут быть тесно связаны с его действиями, например, смысловые компоненты *хитрый/лживый* и *обманывать*. При этом отрицательный образ представителя полюса «Чужой» также формируется автором на основе приписываемых ему особенностей поведения и намеренно моделируемых ситуаций, отражающих плохое/несправедливое его отношение к субъектам

Рис. 3
Fig. 3

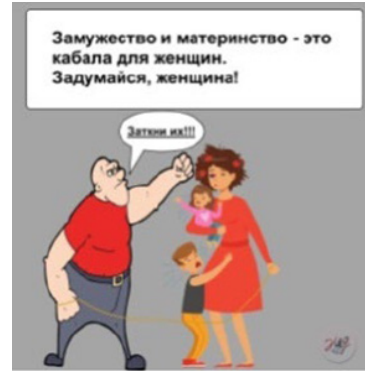

Рис. 4
Fig. 4

полюса «Свой». В анализируемых текстах таковыми в первую очередь являются действия, соотносимые с ситуацией конфликта. Так, в составе вербального компонента последние репрезентируются глаголами, выражающими физическое воздействие (например, *избивать*), физическое устранение (например, *убивать, жечь, вешать*), исчезновение (например, *утонуть, выбросить*, а также разговорные и табуированные лексические единицы и выражения со значением «убираться», используемые в повелительном наклонении) и др. Данные смысловые компоненты также могут иллюстрироваться и невербально посредством изображения поз нанесения удара или угрозы (например, *боевая стойка, демонстрация кулака, замах, удар рукой, удар ногой*) (см. рис. 4), а также предметов, с помощью которых совершается действие (например, *бита*) и т.д. При этом отметим, что, как и в случае с актуализацией смысловых компонентов категории «характеристика», данные иконические средства используются для иллюстрации действий, приписываемых субъекту полюса «Чужой», которому автор отводит роль агрессора в рамках конструируемой им несправедливой ситуации.

В вербальной и/или иконической части поликодового текста также могут репрезентироваться и другие действия, в целом оцениваемые негативно, которые автор приписывает представителю полюса «Чужой», среди которых *бросать в беде, выпивать*

(алкоголь) и др. При этом акцент делается на их соотносительности с конкретной группой, представляющей полюс «Чужой».

Осуждение и негативная оценка действий субъекта полюса «Чужой»

Как показывает анализ, в рассматриваемых конфликтных текстах автором репрезентируются действия, которые соответствуют или не соответствуют системе ценностей группы, которую он представляет. В последнем случае выражается осуждение и негативная оценка таких действий, среди которых *вступление в брак* (в текстах феминистского характера) (см. рис. 4), *вступление в интимные отношения с представителем другой национальности* (в текстах ксенофобской направленности) и др. В составе вербального компонента негативная оценка данных действий может репрезентироваться посредством актуализации отрицательной частицы «не» с глаголами. В данном случае в фокусе внимания находятся те действия, которые, с одной стороны, согласно автору, не совершает субъект полюса «Чужой», а с другой стороны, действия, которые не должен совершать субъект полюса «Свой», при этом в последнем случае используются глаголы в повелительном наклонении. Например, представленное в иконической части текста изображение девушки и мужчины разных национальностей, испытывающих очевидный интерес друг к другу, где мужчина, которого автор соотносит с по-

люсом «Чужой», протягивает девушке, соотносимой с полюсом «Свой», гриб мухомор, сопровождается вербальной частью, в которой представлено обращение к девушке с указанием ее национальности, за которым следует фраза «...не верь в любовь...», завершающаяся номинацией национальности мужчины. При этом метафоричность иллюстрируемого действия и образ черта, в котором представлен данный субъект полюса «Чужой», подразумевают лживость его намерений, приписываемое ему автором действие *обманывать*, а также наличие качеств *лживый* и *хитрый*. Непосредственная авторская негативная оценка репрезентируемых действий может выражаться и посредством авторских комментариев к изображению ироничного характера, а также вербальных реакций персонажей, например, использование мемной реплики «не надо так» из «Настенькиных комиксов» в отношении репрезентируемого действия.

В составе иконического компонента негативная оценка действий субъекта полюса «Чужой», в том числе его вербальных реакций, может выражаться с помощью насмешки как средства выражения отрицательного отношения. Последнее репрезентируется посредством ироничной мимики лица изображаемого субъекта полюса «Свой», например, *ухмылки, закатывания глаз, смеха, хохота*, соответствующих поз, например, *откинувшись назад или согнувшись вперед с руками на животе, давящегося от хохота*, что отражает насмешливое, несерьезное или язвительное отношение изображаемого персонажа и автора к сказанному или сделанному.

Также отрицательная оценка действий субъекта полюса «Чужой» может выражаться при актуализации причинно-следственных связей в иконической части текста посредством иллюстрации последствий негативного характера, ответных действий изображаемого субъекта полюса «Свой» в отношении субъекта полюса «Чужой». К таковым, например, относится изображение физического воздействия на последнего в намеренно моделируемой автором ситуации несправедливости, где субъекту полюса «Чужой» отводится роль

«наказанного». При этом в данном случае автор представляет действия, соотносимые с полюсом «Чужой» и не соответствующие его системе ценностей, как поступки, заслуживающие наказания.

Актуализация стереотипов негативного характера и попытка дискредитации социального поведения и феноменов

Как показывает анализ, репрезентация тех или иных отрицательных качеств или поступков, приписываемых создаваемому образу субъекта полюса «Чужой», в анализируемых конфликтных поликодовых текстах может быть связана с актуализацией автором стереотипов негативного характера, связанных с социальной группой, выделяемой по гендерному, этническому и др. признакам. При этом, конструируя конфликтные ситуации и поведение в них, автор, с одной стороны, может актуализировать существующие стереотипы негативного характера, а с другой стороны, моделировать подобные представления у адресата. Например, в одном из рассмотренных текстов автор актуализирует стереотип о наличии характеристики *жадный* у представителей определенной национальности. В данном поликодовом тексте иконическая часть представлена последовательностью картинок, где происходит диалог между субъектами 1 и 2 данной национальности, соотносимых автором с полюсом «Чужой», когда субъект 1 пришел освобождать субъекта 2, запертого в газовой камере: «На помощь!»; «Я пришел вас спасти!»; «Ура!»; «Это будет стоить 100\$»; «Пошел на...!». Последняя картинка иллюстрирует, как субъект 1 разворачивается и уходит, при этом субъект 3 другой национальности, которого автор соотносит с полюсом «Свой», громко хохочет, держась за живот.

Содержание анализируемых поликодовых текстов также может предполагать дискредитацию конкретных социальных событий, феноменов и связанного с ними поведения, которые соотносятся автором с полюсом «Чужой» или не соответствуют

системе ценностей полюса «Свой», а также трансформации сложившихся представлений о них у адресата текста. При этом в составе вербального компонента, как и в случае с уже рассмотренной актуализацией субъектов, реализуется субъективная интерпретация автором репрезентируемых событий и феноменов, соотносимых с полюсом «Чужой», на основе отождествления их с событиями и феноменами негативного характера, а также их толкования. При этом в данном случае автор также кратко выражает свое осмысление феномена или события (например, представленный на рис. 4 комментарий автора «*замужество и материнство – это кабала для женщин*») или приводит для них собственное развернутое толкование, содержащее негативную оценку, уподобляя его словарному определению.

В иконической части негативная оценка определенных событий или явлений выражается посредством конструирования и репрезентации приписываемых им ситуаций (в том числе диалоговых) ироничного или конфликтного характера с использованием рассмотренных ранее особенностей репрезентации субъектов, характеристик, действий. Иными словами, событие получает вторичную интерпретацию в визуальной части через отождествление с ним конструируемых автором ситуаций ироничного или конфликтного характера, нередко основывающихся на дихотомии «справедливость/несправедливость». При этом данные ситуации могут не отражать или существенно искажать действительность, в том числе на основе гиперболизации. При этом также в вербальной части поликодового текста возможна (если это не очевидно из контекста) репрезентация названий событий, с которым автор их соотносит. Примером, в частности, является упоминание и вторичная интерпретация праздника *8 Марта* в конфликтных поликодовых текстах, посвященных войне полов.

Реализуемые приемы интенсификации негативной оценки

При репрезентации субъектов, характеристик, действий, ситуаций и феноменов,

соотносимых с полюсом «Чужой», также нередко используются приемы и средства, часть из которых может интенсифицировать выражаемую автором негативную оценку. Особую значимость в связи с этим представляет сам поликодовый характер рассматриваемых текстов. Так, транслируемая в вербальной части информация усиливается посредством наличия визуальной составляющей, дублирования отдельных элементов содержания в составе вербального и иконического компонентов.

Как показывает анализ, в составе вербального компонента к таким приемам и средствам интенсификации относится использование языковых средств экспрессивного характера, например, табуированной лексики высокой степени конфликтности с ярко выраженной отрицательной коннотацией в отношении актуализируемых субъектов; представление транслируемой информации в формате поэтического текста, в том числе в виде авторских или частично измененных известных стихов и песен. В составе как вербального, так и иконического компонентов используются такие стилистические средства, как гипербола, метафора, ирония, сарказм, черный юмор. Актуализируемые в невербальной части негативные смыслы также интенсифицируются посредством карикатурности репрезентируемого образа, гротескной иллюстрации его негативных черт и гиперболизации изображаемого эмоционального состояния субъекта. В данном случае не последнюю роль играет и цветовая гамма, когда в иконической части для выражения негативной оценки используются темные тона, черный цвет.

Интенсификация негативных черт образа также происходит при реализации приема сравнения с подчеркиванием неравного статуса субъектов, актуализируемых одновременно в рамках одного контекста. Последнее находит выражение в текстах при присвоении автором неравностатусных ролей актуализируемым субъектам, а также иллюстрации ситуаций доминирования и подчинения. Внимания также заслуживает использование приема

контраста, когда автор одновременно актуализирует образы представителей обоих полюсов дихотомии, приписываемые им характеристики в составе вербального и/или иконического компонентов конфликтного поликодового текста, противопоставляя их друг другу.

Заключение

Таким образом, анализируемые конфликтные поликодовые тексты характеризуются различными особенностями, способами и средствами выражения негативной оценки, которые реализуются как в мемах конфликтного содержания, посвященных войне полов, так и ксенофобской направленности. Мишенью при этом в первую очередь выступают непосредственно представители группы, соотносимые автором с полюсом «Чужой», а также коррелирующие, по его мнению, с ними понятия (поступки, события, феномены). Согласно полученным результатам, негативная оценка в отношении представителей полюса «Чужой» может выражаться средствами вербальной и/или иконической репрезентации смысловых компонентов содержания текста, относящихся к категориям «субъект», «характеристика», «действие». При этом субъект данного полюса дихотомии, репрезентируется посредством номинаций, представляющих собой единицы инвективной, бранной и табуированной лексики с отрицательной коннотацией, анималистических метафор и образов негативного характера. Как показывает анализ, негативный образ субъекта полюса «Чужой» также формируется на основе актуализации приписываемых ему автором негативно оцениваемых и осуждаемых качеств и поступков. В составе вербального компонента они выражаются посредством прилагательных и глаголов, которые содержат негативный оценочный

компонент в своей семантической структуре и относятся как к общеупотребительной, так и инвективной лексике, а в иконической части иллюстрируются посредством деталей внешнего облика, поз, жестов и мимики, отражающих агрессивное поведение, негативный настрой или эмоции.

Отрицательная оценка иллюстрируемых действий субъекта полюса «Чужой» также выражается посредством вербальных и невербальных реакций субъекта полюса «Свой», к которым относятся отрицательные конструкции с частицей «не», мимика лица, выражающая иронию, смех, а также иллюстрации негативных последствий (наказания). Репрезентация отрицательных качеств и поступков может коррелировать с актуализацией существующих стереотипов негативного характера, а также использоваться при дискредитации социальных событий, феноменов, не соответствующих системе ценностей автора. Негативная оценка интенсифицируется посредством использования экспрессивных языковых единиц, стилистических средств (среди которых ирония, сарказм, гипербола и др.), визуализации элементов содержания, карикатурности образа, приемов сравнения с подчеркиванием неравного статуса и контраста. Заметим, что в рамках одного конфликтного поликодового текста могут одновременно репрезентироваться разные установленные вербальные и иконические средства выражения и интенсификации негативной оценки полюса «Чужой». При этом особо отметим, что ее репрезентация отдельными иконическими средствами тесно связана и зависит от ролей, отводимых автором субъектам дихотомии, подробное рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи и представляет собой направление для дальнейших исследований.

Список литературы / References

Boldyrev N.N., Blokhina H.D. Sravnitel'nye konstruksii kak mekhanizm vtorichnoi interpretatsii znaniia o mire [Comparative constructions as a mechanism for secondary interpretation of world knowledge]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2022, 15(11), 1713–1722.

Chernyavskaya V. E. Negativnaia otsenka v rossiiskoi nauchnoi retsenzii: mezhdru kriticheskoi refleksiei i ritual'nym zhanrom (na materiale retsenzii na monografii po sotsiologii 2015–2022 gg.) [Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022)]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnie nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 2022, 15(11), 1680–1698.

Gukos'yants O.YU., Alimuradov O. A., Gorzhaya A. A. Rol' tsveta i tsvetonominatsii v polikodovom tekste [The role of color and color nominations in polycode text]. In: *Nauchnii dialog* [Academic Dialogue], 2022, 11(10), 140–155.

Zhdanova V. V. Poslovitsy i pogovorki kak istochnik izucheniia russkogo kul'turno-iazykovogo soznaniia [Proverbs and sayings as a source for the study of Russian cultural and linguistic consciousness]. In: *Kul'turnie sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh. Otvetstvennyi redaktor V. N. Teliia* [Cultural layers in phraseological units and discursive practices. Managing editor V. N. Teliia], Moskva, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 151–160.

Kislyakova YE.YU., Solomina V. V. Kontseptual'nai triada "Svoi-Chuzhoi-Inoi" v angliiskom i russkom iazykakh: teoretiko-metodologicheskii aspekt [The conceptual triad "Friend-Alien-Other" in English and Russian: theoretical and methodological aspect]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2011, 3(10), 72–76.

Knyazev N. A. Lingvopragmaticheskie osobennosti tsitat v konfliktogennykh polikodovykh tekstakh [Linguistic and pragmatic features of citations in conflictogenic polycode texts]. In: *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical education], 2022, 12, 302–305.

Lin' S. Zoometafora kak sredstvo vyrazheniia negativnoi otsenki v politicheskom diskurse (na materiale kitaiskogo i russkogo iazykov) [Animal metaphor as a means of expressing a negative assessment in political discourse (on the material of the Chinese and Russian languages)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnie nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 2018, 14(809), 173–186.

Magirovskaya, O. V. Mental'no-iazykovoe konstruirovaniie mira v diskurse [Mental-Linguistic Construction of the World in Discourse]. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive Language Studies], 2020, 4(43), 242–266.

Matveyeva A. A. Rol' otsenki v vyivlenii mnogourovnevnykh otnoshenii vnutri kategorii "Svoi-Chuzhoi" [The role of evaluation in identifying multi-level relationships within the category "Friend or Foe"]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism], 2007, 4–2, 134–139.

Nefedov S. T. Katalizatory otsenki: kak raspoznat' otsenochnye smysly [Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnie nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 2022, 15(11), 1699–1712.

Selyutin A. A. Oppozitsii "Svoi-Inoi", "Svoi-Chuzhoi" v internet-kommunikatsii [Oppositions "Friend-Other", "Friend-Alien" in Internet Communication]. In: *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural'skii region* [News of Higher Educational Institutions. Ural region], 2010, 1, 63–67.

Solomina V. V. Osobennosti realizatsii oppozitsii "Svoi-Chuzhoi" v razlichnykh vidakh diskursov [Features of the implementation of the opposition "Friend or Foe" in various types of discourses]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2014, 3, 176–182.

Tagil'tseva YU.R., Babikova M. R. Kommunikativnye strategii i taktiki kak odin iz faktorov formirovaniia uiazvimogo polozheniia molodezhi v seti [Communication strategies and tactics as one of the factors in the formation of the vulnerable position of young people in the network]. In: *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics], 2019, 5(77), 171–176.

Teliia V. N. (1988). *Metafora v iazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moskva, Nauka, 171.

Voroshilova M. B. «Deistvui»: interpretatsiia kreolizovannykh tekstov v praktike sudebnoi ekspertizy [“Act”: Interpretation of Creolized Texts in the Practice of Forensics]. In: *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2019, 6(2), 242–250.

EDN: ODFQEO
УДК 81'42

Destructive Texts in Mass Media: Identification and Parameterization Issues

Iana A. Volkova*

*Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation*

Received 22.01.2024, received in revised form 17.02.2023, accepted 08.04.2024

Abstract. Destructiveness is considered as a content category of the text; an attempt is made to identify the parameters of the destructive text in the media discourse. The relevance is determined by several factors, among which are the erosion of genre and ethical norms in communication and the need to develop and implement norms of respectful communication in the media. The subject is the ways and means of expressing the destructive component in media texts of different genres. To achieve this, the place of destructiveness among the related concepts of aggression / aggressiveness, hostility and conflict is determined. It is shown that hostile emotions trigger the use of linguistic means of expressing aggression in texts, thus implementing the destructive intention of the author/addressee. Of the five dimensions of destructive communication previously defined for discourse, three – intentional, emotional, and situational – are found applicable to the destructive text. The method of qualitative contextual text analysis was chosen as the main methodological tool of the study. It was applied for journalistic texts, texts of notes and blogs, as well as initiating texts and commentary texts in social media with a total of 300 units. It is revealed that the intentional and emotional-semantic focuses of the text can help identify its destructive component. The analyzed material showed that the destructiveness in texts may be defined through an intention to humiliate the object (which may be different from the addresser) and/or to assert themselves by humiliating the object. The destructive intention is embodied in the content components of the text, which include obscene, negatively colored emotional and evaluative, and substandard vocabulary. The destructive component can also be expressed through the imperative, thus initiating a psychological pattern for the physical destruction of the object. The third parameter involves a violation of the text axiological structure, with anti-values presented as predominant.

Keywords: destructiveness, destructive text, intention, content category, axiological dominant.

Research area: social structure, social institutions and processes; media communications and journalism.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: y.a.v@list.ru

Citation: Volkova Ia. A. Destructive texts in mass media: Identification and parameterization. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 938–949. EDN: ODFQEO

Деструктивные тексты в массмедиа: проблемы выделения и параметризации

Я.А. Волкова

*Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Рассматривается деструктивность как содержательная категория текста, а также предпринимается попытка выделить параметры деструктивного текста в медийном дискурсе. Размывание жанровых и этических норм в общении, а также практическая целесообразность разработки и внедрения норм уважительного общения в медиа определяют актуальность проведенного исследования. Предметом исследования являются способы и средства выражения деструктивного компонента в медийных текстах разных жанров. Для этого определяется место деструктивности в ряду смежных понятий агрессии/агрессивности, враждебности и конфликтности. Показано, что враждебные эмоции актуализируют использование языковых средств выражения агрессии в текстах, реализуя деструктивную интенцию автора/адресата текста. Из пяти параметров деструктивного общения, определяемых для дискурса, три, а именно интенциональный, эмоциональный и ситуативный, применимы для деструктивного текста. Основным методологическим инструментом исследования выбрана методика качественного контекстуального анализа текста, использованная при анализе публицистических текстов, текстов заметок и блогов, а также иницирующих текстов и комментариев в социальных медиа общим количеством 300 единиц. Установлено, что выделенные в результате контекстуального анализа интенциональные и эмоционально-смысловые доминанты текста позволяют определять в тексте деструктивный компонент. Показано, что деструктивность текстов обусловлена наличием интенции унижить объект (который может не совпадать с адресатом текста) и/или утвердиться/возвыситься за счет унижения объекта. Деструктивная интенция воплощается в содержательных компонентах текста, выраженных с помощью обценной лексики, негативно окрашенной эмоционально-оценочной лексики, а также стилистически сниженной лексики. Деструктивный компонент может быть также выражен через побуждение, посредством чего реализуется установка на физическое уничтожение объекта. Третьим параметром деструктивного текста является нарушение аксиологической структуры текста: в качестве доминантных представлены анти-ценности – нарушение принципов кооперативности общения, преобладание деструктивных эмоций, стремление понизить статус адресата текста или объекта деструктивности, обозначенного в тексте.

Ключевые слова: деструктивность, деструктивный текст, интенция, содержательная категория, аксиологическая доминанта.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Цитирование: Волкова Я. А. Деструктивные тексты в массмедиа: проблемы выделения и параметризации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 938–949. EDN: ODFQEO

Введение

и постановка проблемы

Понятие текста в современной лингвистике трактуется необычайно широко – по сути дела, оно включает «визуализированные произведения, произвольно организованные речевые высказывания (например, естественная письменная речь), транслируемые по разным каналам восприятия и направленные на обслуживание разных сфер современной жизни» (Ionova, 2018). По мнению С. В. Ионовой, лингвистика сегодня успешно примиряет спор сторонников узкого и широкого подходов к трактовке текста (Ibid.), ибо текст являет собой некое всеобщее свойство (весь мир – это текст, в теории постмодернизма) и «конденсатор культурной памяти» в теории Ю. Лотмана (Lotman, 1996: 10). Столь широкое понимание текста позволяет говорить о расширении набора его содержательных категорий, подходы к которым также существенно разнятся. Традиционный подход к выделению и классификации текстовых категорий содержится в работе И. Р. Гальперина (1981) (Gal'perin, 2020), и за последние десятилетия он был существенно уточнен, расширен и дополнен десятками исследователей, ряд которых рассматривает в качестве содержательных категории текста, «связанные с отражательной способностью человеческого мышления, базовыми координатами когнитивной деятельности – человек, пространство и время» (Belyaeva, 1998: 6). Посредством данных содержательных категорий реализуются базовые текстовые категории информативности и модальности, которые образуют важнейшую категорию текста – категорию коммуникативности. Очевидно, что человек, занимая центральное положение в содержательных категориях текста, являет собой средоточие значений,

смыслов, оценок и отношений, что делает изучение текстов задачей не только первостепенной важности, но и первостепенной значимости для лингвиста, особенно с учетом междисциплинарного характера современных исследований. Противоречивая природа человека отражается как в его действиях, так и в их языковой проекции – текстах. Особый интерес в этом плане представляет поиск тех элементов и компонентов, которые выводят текст за границы «нормальности» в когнитивном и эмоциональном плане.

Последние годы в лингвистике текста появился ряд публикаций о так называемых текстах деструктивной направленности (Zlokazov, 2015; Gostiunina, 2019; 2021), под которыми понимаются тексты, «констатирующие, иллюстрирующие агрессивные и насильственные действия или призывающие к их совершению» (Zlokazov, 2015: 25). Данное понятие зачастую ассоциируется с так называемыми экстремистскими текстами – термином, ставшим чрезвычайно широко употребляемым в настоящее время. Однако очевидно, что понятия деструктивности и экстремизма являются соотносимыми, но не равноположенными, и подменять одно другим представляется неверным. Подобного рода тексты стали одним из объектов лингвистики информационно-психологической войны – нового научного направления, изучающего речевые технологии информационно-психологической агрессии и разрабатывающего пути противодействия ей (см., например, (Skovorodnikov et al., 2019; Kornina et al., 2021)). Ввиду растущей агрессивности и нетерпимости общества можно говорить о высокой актуальности проблемы деструктивности в коммуникации, что, несомненно, находит отражение и в текстах. Однако что считать деструктивным текстом? Для ответа на этот вопрос полагаем необходимым рассмотреть

место деструктивности в ряду смежных понятий агрессивности/агрессии, враждебности и конфликтности, а также попытаться выделить параметры деструктивного текста.

Концептологические основания исследования

Проблема деструктивности в человеческом обществе не нова, попытки дать определение и объяснить природу этого явления, предложить классификации деструктивных действий и выработать методы противодействия им неоднократно предпринимались как в философии (включая такие течения, как философская антропология (см. труды М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена), русская религиозная философия (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Л.И. Шестов), экзистенциализм (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер), постмодернизм (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида), так и в биологии (в частности, в этологии), нейрофизиологии и психологии. Большинство философских определений подчеркивает двойственную природу деструктивности и выделяет ее созидательное начало: несмотря на то, что содержание деструктивной деятельности есть разрушение объектов и систем, и самой личности (например, суицид), деструктивность в конечном итоге способствует конструктивной деятельности и имеет «созидательную цель» (Lysak, 2007: 5).

В среде биологов и нейрофизиологов также нет единства по поводу природы деструктивности: так, например, исследования этологов по агрессии животных подтверждают отсутствие деструктивных проявлений среди братьев наших меньших. Считается, что причина этого заключается в так называемом популяционном инстинкте, который отсутствует у человека, но запрещает животным уничтожать себя (см. напр. (D'iusberi, 1981; Lorents, 1998; Shoven, 2009). Что касается нейрофизиологических факторов деструктивности, то, несмотря на то, что существует ряд исследований, доказывающих связь деструктивных действий с повреждениями мозга, влияние

последних на немотивированную агрессию и деструкцию изучено недостаточно для подтверждения прямой зависимости между ними. Здесь уместно вспомнить слова физиолога Ч. Шеррингтона, сказанные более ста лет назад, об отсутствии у исследователей научного права увязывать опыт разума с физиологическим началом.

Идея Ч. Шеррингтона о двух разных началах – физиологического и психического, лежащих в основе личности (Sherrington, 1969), перекликается с концепцией человеческой деструктивности, разработанной Э. Фроммом. По сути дела, эта концепция до сих пор остается единственной попыткой проникнуть в природу деструктивных действий и объяснить ее реальными причинами. Именно Э. Фромму принадлежит идея о том, что деструктивность и агрессия представляют собой разные явления, при этом деструктивность является свойством исключительно человеческой психики и не связана с агрессивными животными инстинктами. По Э. Фромму, деструктивность, или злокачественная агрессия, – это результат взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека, к которым Э. Фромм относит стремление к любви, добру, правде и справедливости. Если человек не может по каким-либо причинам удовлетворить эти потребности, то появляется ненависть, садизм и другие формы деструктивности (Fromm, 2017).

Мы позволили себе столь обширный экскурс в лингвистическую историю вопроса для того, чтобы показать всю сложность проблемы определения понятия деструктивности и, соответственно, невозможность свести его к простому определению типа разрушения объектов или систем. Деструктивность является уникальным свойством человеческой психики и находит свое выражение не только в физических действиях (ударил или убил), но и в языковых произведениях – текстах и дискурсах. В лингвистике термин «деструктивное общение» впервые был определен в учебнике В.Н. Куницыной и др. как «формы и особенности контактов, которые пагубно

сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» (Kunitsyna et al., 2001: 271). В своих исследованиях проблем деструктивности в коммуникации мы попытались уточнить данное понятие, проанализировать концептуальное пространство деструктивности, а также описать коммуникативное поведение деструктивной коммуникативной личности в дискурсе (Volkova, 2014), не обращаясь при этом к понятию и параметризации деструктивного текста. Для деструктивного типа общения были выделены следующие параметры: 1) интенциональный – намерение причинить объекту физический или моральный вред; 2) эмоциональный – стимулом деструктивного общения выступают эмоции гнева, отвращения и презрения («триада враждебности» по К. Изарду) и их производные (ненависть, зависть, ревность, и др.); 3) ситуативный – деструктивная интенция реализуется в коммуникативных ситуациях, в которых присутствуют показатели проявлений прямой или косвенной агрессии (вербальные и/или невербальные); 4) прагматический – негативная эмоциональная реакция адресата определяется посредством оценки его отрицательных вербальных и/или невербальных реакций на коммуникативное поведение субъекта деструктивного общения; 5) оценочный – адресант оценивает себя и свои вербальные / невербальные действия, не сочувствуя адресату и не раскаиваясь в своих действиях (Volkova, 2014: 70). Представляется очевидным, что данные параметры возможно отследить в дискурсе с помощью методик и приемов дискурс-анализа, однако для текста не все они оказываются релевантными и требуют уточнения.

Описание методики исследования

Для определения места деструктивности в ряду смежных понятий использовался дефиниционный и семантический анализ. Репрезентация деструктивности в тексте рассматривается с помощью метода контекстуального / контекстологического анализа, основанного на допущении, что любое высказывание является функ-

цией контекста и его значение выводится из конкретной ситуации общения так же, как и из звуков, составляющих данное высказывание (Firth, 1935). Контекст при этом понимается в широком смысле, а именно как контекст ситуации, т.е. связанный текст, взятый в совокупности с прагматическими, психолингвистическими, социолингвистическими, культурологическими и иными экстралингвистическими факторами, хотя значение имеет и анализ непосредственно окружения слова (микрконтекста).

Данный метод относится к качественным методам анализа и предполагает определенную «чувствительность к контексту» (термин О.И. Щербаковой), т.е. понимание ситуации, в первую очередь конфликтной, и умение рассматривать ее исходя из возможных последствий (Shcherbakova, 2009: 72).

Попытки применить методы сентимент-анализа или анализа тональности текста для определения плотности отрицательных эмотивов (термин В.И. Шаховского) и выявления лексики, отражающей деструктивные эмоции, пока не дали ощутимого результата. В качестве пилотного исследования идентификация ключевых слов была проведена на материале 20 текстов с помощью программ AntConc и InfraNodus. Компьютерная программа достаточно успешно идентифицирует отдельные слова и распознает некоторые языковые модели, однако не способна адекватно интерпретировать эмоциональную тональность контекста без помощи человека. Таким образом, количественные методы контекстного анализа при работе с материалом данной статьи не использовались.

Материалом исследования послужили медийные тексты различных жанров, включая публицистические тексты, тексты заметок и блогов, а также иницирующие тексты и тексты комментариев в социальных медиа общим количеством 300 единиц. Критерием отбора явилась тематика (актуальные, «эмоциогенные», проблемы общественной жизни), наличие в текстах признаков агрессии – отрицательных эмотивов, грубой лексики, средств эмоциональной

оценки, эмфатических конструкций, а также средств речевого манипулирования. Таким образом, охват текстов по содержанию был максимально широким. Далее текст подвергался процедуре контекстуального анализа на предмет поиска дополнительных смыслов, валентностей, интертекстуальных связей и эмоциональной доминанты.

Выделенные в результате контекстуального анализа интенциональные и эмоционально-смысловые доминанты текста позволяют интерпретировать тексты с точки зрения наличия/отсутствия в них деструктивного компонента, а также охарактеризовать некоторые критерии отнесения текста к деструктивному типу.

Анализ материала

и результаты исследования

Решая первую задачу настоящего исследования, а именно отграничение деструктивности от смежных понятий агрессии/агрессивности, враждебности и конфликтности, еще раз обратим внимание на то, что деструктивность понимается в терминах концепции Э. Фромма, которая выходит за рамки толкования данного термина как «разрушительности/стремления к разрушению объектов и систем». Вслед за Э. Фроммом мы разделяем агрессию как биологически адаптивную функцию, поведенческую реакцию нападения в ответ на угрозу витальным интересам человека, и деструктивность – злокачественную разновидность агрессии, намеренное совершение агрессивных действий (как вербальных, так и невербальных) с целью причинить физические и душевные страдания другому человеку. Агрессивность рассматривается как склонность индивида к агрессивным действиям. Деструктивность, таким образом, отличается от агрессии интенциональной составляющей, а также наличием эмоционального стимула, который и «запускает» деструктивность в дискурсе или тексте. Враждебность представляет собой когнитивную функцию, желание причинить объекту вред, сопровождающееся различными взаимодействующими эмоциями

(Izard, 1980: 302). Конфликт представляет собой, в широком смысле слова, любое столкновение интересов, точек зрения, мнений и пр. Несмотря на то что в бытовом понимании конфликт в основном нежелателен и связан с отрицательными эмоциями и агрессивным поведением, психологи усматривают в нем и позитивный аспект, который заключается в возможности его конструктивного разрешения и, соответственно, дальнейшего развития личности и социума (Mogoz, 2011). Более того, в педагогике рассматривается необходимость формирования конфликтологической компетентности как интегрального качества личности, необходимого для нравственного развития человека (Dzaraeva, 2017). Таким образом, конфликтность подразумевает возможность конструктивного разрешения противоречий, в то время как деструктивность актуализирует негативные эмоции и стремление возвыситься за счет унижения другой стороны, подавить ее эмоционально и психологически. При этом негативная эмоциональная реакция другой стороны либо игнорируется, либо приносит удовлетворение «агрессору».

Анализируемый материал представлен тремя группами текстов. Первую группу составляют тексты интервью и выступлений публичных персон и/или соответствующие контексты рефлексии этих выступлений, содержащие деструктивный компонент либо рефлексии на него; во второй группе представлены тексты заметок или блогов, содержащие лингвистическое отражение (номинацию, дескрипцию или экспрессию) деструктивных эмоций; третья группа представлена иницирующими текстами (содержащими деструктивный либо потенциально деструктивный компонент) и текстами-комментариями пользователей, спровоцированными иницирующим текстом.

В текстах первой группы широко представлена прямая вербальная агрессия (как правило, речевые действия угрозы и оскорбления без использования табуированной лексики), с интенцией оскорбить, унижить, дискредитировать адресата.

Приведем примеры из контекстов рефлексии (серии статей в изданиях «KazanFirst» и «Коммерсант»), описывающих коммуникативное поведение телеведущего В.Р. Соловьева в некоторых конфликтных коммуникативных ситуациях: в первом примере журналист оскорбляет в прямом эфире (01.10.2019) жителя Татарстана, давшего ему в письме нелестную характеристику:

(1) *Журналист Владимир Соловьев в программе «Полный контакт» на радиостанции «Вести ФМ» обозвал жителя Татарстана «мразью». Так он отреагировал на характеристику, данную ему слушателем.<...> «Некто Хасанов из Татарстана... Ты мразь! Ты, мразь, за кого? Не позорь Татарстан, мразь! Лакей, путиноид... Ты кто чей? Отдам твой телефон, проверять таких, как ты, надо! А потом они в ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) всплывают!» – заявил Соловьев* (<https://kazanfirst.ru/news/500961>).

Во втором примере В.Р. Соловьев отвечает на просьбу губернатора Свердловской области Е.В. Куйвашева «следить за языком». Напомним, что конфликт разразился после того, как журналист выразил резко отрицательную оценку Ельцин-центра в Екатеринбурге в интервью с полномочным представителем президента в УрФО В.В. Якушевым в апреле 2022 года (<https://www.youtube.com/watch?v=7PvwxlhVc3s>).

(2) *Это ты мне по понятиям пытаешься что ли предъявить, я должен говорить, как с губернатором? Или следить за базаром? Это ты стрелку забиваешь, губернатор? Уралмашевское прошлое сказывается? Сильный, смелый стал. Я хочу понять, господин губернатор, или как я должен называть – губернатор в законе? Кстати, если Куйвашев маечку снимет, у него там воровские звезды не запылают?* (<https://www.kommersant.ru/doc/5329801>)

Таким образом, деструктивный компонент в данных текстах представлен оскорбительной лексикой, стилистически сниженной и жаргонной лексикой, ты-обращением, обращением в третьем лице.

Лингвистический статус оскорбления определен в рамках юрислингвистики, процедура лингвистической экспертизы четко прописана (см. например, Brinev, 2014; Ivanishcheva, 2016; Kusov, 2011), поэтому мы не будем останавливаться на этом моменте подробно. В первом случае объектом деструктивного воздействия оказался житель Татарстана, во втором – губернатор Свердловской области. Извинений со стороны телеведущего за оскорбления не последовало, что позволяет отнести данный текст к деструктивным по наличию деструктивной интенции, содержательного компонента и позитивной реакции адресанта.

Интересно отметить, что за последние полгода количество текстов, в которых публичные персоны допускают оскорбительные высказывания в адрес других публичных персон, существенно выросло. В текстах комментариев пользователей присутствуют как порицание, так и одобрение такого коммуникативного поведения. Однако, на наш взгляд, использование средств прямого деструктивного воздействия в выступлениях публичных персон активирует так называемое латентное обучение деструктивной коммуникации, при этом фактор безнаказанности делает данную стратегию особенно привлекательной для различных слоев общества.

Во второй группе текстов прослеживается разделение по объектам деструктивного воздействия: деструктивность в тексте может быть направлена на самого автора (аутодеструктивность), на другой конкретный объект и на множество объектов (класс людей, человечество в целом). Аутодеструктивные тексты включают в себя и суицидальные тексты, где искренность авторской интенции не поддается оценке. Данный тип текстов представляет собой отдельный предмет для изучения (см.: Novikova, 2009). Анализируя такие тексты, приходится исходить из допущения, что намерение непосредственно выражается в действии, если это действие совершено добровольно (Taylor, 1979).

(3) *Через месяц мне будет 26 лет, отношений нет, из родителей осталась толь-*

ко пьющая мать, каждый день напьется и начинает скандалить, либо звонит через каждые полчаса на работу. Недавно умер человек который меня любил и поддерживал. Каждый день мне становится психологически все труднее и труднее, мне кажется что в этой жизни что-то упущено и у меня никогда не было и уже не будет того что было у других. Я не могу никого полюбить и принять. Мне тоскливо и одиноко, кажется что лучше умереть думаю покончить собой в свой день рождения, поставит точку в тот день когда все началось (<https://www.woman.ru/health/psychology/thread/5581067/>)¹.

Данный фрагмент насыщен отрицательными словоформами (*нет, не будет, не было, не могу*), негативно-оценочной лексикой (*пьющая мать, напьется, скандалить, умер, упущено, тоскливо, одиноко, поставить точку* (в жизни)). Использование синонимов «покончить с собой», «поставить точку» и «в день рождения» – «в день, когда всё началось» в антитезе иллюстрирует использование стилистических приемов для выражения деструктивного компонента текста.

(4) *Эти жуткие складки, дряблая кожа, усталое лицо. Как я устала подходить к зеркалу и видеть не свое отражение. Я очень зла на свое тело. Оно совсем не похоже на то, какой я хочу быть. И почему целая жизнь, волшебная, может быть, единственная, омрачается тем, что эта грудка мяса и костей ни в какую не хочет быть красивой?*

Мне хочется стать невидимой. Когда я ловлю на себе взгляды красивых людей, то сжимаюсь в точку. Успокаивает то, что всегда есть кто-то хуже меня, да еще фотографии состарившихся знаменитых красавиц.

Мне 22 года (https://vk.com/wall-40916132_188917).

В данном примере аутодеструктивность выражена путем описания автором своего тела и своего глубоко отрицательного отношения к нему. Особенно эффективен прием антиклимакса, когда автор называет

свой возраст после описания «старческой» внешности.

В сети Интернет активно продуцируются и распространяются деструктивные тексты, написанные с использованием так называемого языка вражды, прежде всего на «сайтах ненависти», в блогах, посвященных пропаганде или разжиганию ненависти, а также на форумах и в коммуникации в социальных сетях, в рамках онлайн-игр, предназначенных для подстрекательства к ненависти и розни (см., например, <https://hatewall.su/> <https://antiwomen.ru/>). «Группы ненависти» стремятся формировать сообщества, в которых люди разделяют общую идеологию ненависти. Эти группы также активно привлекают новых членов и распространяют свои взгляды через различные средства электронного общения. Нередко они поощряют и поддерживают преступные действия, основанные на ненависти. Личные блоги ненависти, в свою очередь, становятся площадкой для выражения взглядов и жестких негативных комментариев, создавая напряженную атмосферу в онлайн-пространстве. В примере (5), кроме четкого выражения позиции автора с помощью прямой номинации (*ненавижу*) и указаний на то, что нужно сделать с теми, кто попадает в разряд ненавидимых, может использоваться ненормативная и табуированная лексика (в примере опущена), указывающая на степень проявления деструктивной эмоции.

Я ненавижу мужчин. За то, что они равнодушны, за то, что я не понимаю того, что там – в их головах. Я ненавижу мужчин за то, что они не способны принимать решения, не способны любить, не способны думать. Они самцы – биологический вид, сохранившийся только в силу какой-то эволюционной нелепости. Мужиков – в резервации. Женщины!!!!!! В резервации – мужиков. (<https://proza.ru/2002/05/28-81>)

Наконец, третья группа текстов, имеющих содержательный деструктивный компонент, представляет собой так называемые инициирующие тексты на злободневную тематику и следующие за ними комментарии пользователей, которые, как правило,

¹ Здесь и далее по тексту сохранены авторские орфография и пунктуация (Я.В.)

актуализируют деструктивность самого инициирующего текста. Например, в статье, озаглавленной «Мигрантов из Таджикистана осудят за «хулиганку», но по мотивам национальной ненависти», рассказывается об инциденте в Хабаровске, произошедшем в марте 2023 года возле торгового центра «Южный парк», где уроженцы Таджикистана избили 19-летнего парня после замечания о курении. Особый акцент делается на том, что действия обвиняемых квалифицированы как хулиганство, совершенное группой лиц с применением насилия к гражданам по мотивам национальной ненависти и вражды (<https://dzen.ru/a/ZOATAJZQFwG8eJqH>). Данный текст нельзя отнести к деструктивным по интенциональному признаку. Основная интенция автора – проинформировать читателей и дать официальную оценку произошедшему. Однако в текстах некоторых из комментариев (всего 21 комментарий к этому событию) дается не только однозначная эмоциональная оценка событию, но и содержатся призывы к жестокому наказанию обидчиков, что уже можно расценивать как наличие деструктивного компонента. В примерах комментариев ниже используются эфемизированные призывы к насилию («*надо помочь нашим правоохранителям*», «*пора заканчивать этот беспредел*», «*надо нашим мужчинам защищать своих жен и показать им, кто в России хозяин*»); в отношении представителей Таджикистана используются отрицательные эмотивы «звери-убийцы», дерогативы «точики» и «мастурбеки», обладающие большим деструктивным потенциалом.

(5) *Всё нормально ребята. Процесс пошёл. Собирайтесь в русские общины. Надо помочь нашим правоохранителям. Пора заканчивать этот разгулявшейся беспредел.*

(6) *... азиатские стаи зверей-убийц, совсем озверели. Надо нашим мужчинам защищать своих жён, детей и показать им кто в России хозяин.*

(7) *До 7 лет по этой статье. Мало. Почему бы ещё по ст. 282 мастурбеков не привлечь!? Теперь, главное, чтобы суд не стал на сторону точиков, диаспоры то «работают».*

Специфика репрезентации деструктивности в текстах третьей группы заключается в том, что деструктивность не обязательна в инициирующем тексте, но всегда – в текстах рефлексии, т.е. в комментариях пользователей. При этом деструктивность текстов рефлексии актуализирует либо усиливает (потенциальную) деструктивность исходного текста.

В результате соотнесения понятий агрессии и деструктивности были установлены конститутивные признаки деструктивности как характеристики исключительно человеческой деятельности: интенциональность, эмоциональность, ситуативность, оценочность. Именно связь с человеком как основной точкой отсчета в тексте, интенциональная база и наличие средств языковой репрезентации позволяют рассматривать деструктивность как содержательную категорию текста. Было также показано, что деструктивность текстов обусловлена наличием соответствующей интенции, суть которой – в стремлении унижить / уничтожить объект (который не всегда совпадает с адресатом текста) и/или утвердиться / возвыситься за счет унижения объекта деструктивного воздействия. Именно наличие деструктивной интенции рассматривается как первый и основной параметр деструктивного текста. Деструктивная интенция не является некой абстрактной категорией, оторванной от текста: она воплощается в содержательных компонентах текста. В трех проанализированных группах текстов деструктивный содержательный компонент представлен обцененной лексикой, негативной эмоционально-оценочной лексикой, различными стилистическими приемами (например, повтора и антитезы), а также лексикой со сниженной стилистической окраской. Во многих случаях деструктивный компонент принимает форму побуждения, реализуя установку на физическое уничтожение объекта.

Таким образом, третьим параметром деструктивного текста является нарушение аксиологической структуры текста: в качестве доминантных представлены антиценности – нарушение принципов ко-

оперативности общения, преобладание деструктивных эмоций, стремление понизить статус адресата текста или объекта деструктивности, обозначенного в тексте.

Выводы

Деструктивность как характеристика личности стоит особняком в ряду смежных понятий агрессивности, враждебности и конфликтности. Деструктивность не может быть определена только через разрушение существующих систем и объектов, данное понятие включает в себя намеренное причинение эмоционального и/или физического вреда объекту воздействия, стремление возвыситься за счет унижения/уничтожения объекта и отсутствия эмпатии к объекту.

Деструктивность может рассматриваться как содержательная категория текста, ибо она характеризует человека как точку отсчета в системе координат текста и имеет соответствующее языковое вы-

ражение. Деструктивный текст должен иметь деструктивную интенцию, выраженную языковыми средствами, а также отсутствие сочувствия к объекту деструктивного воздействия, что находит выражение в нарушении аксиологической структуры текста.

Вне поля нашего внимания остались тексты, в которых деструктивный содержательный компонент представлен не оценочной и стилистически сниженной лексикой, а стилистическими приемами иронии и сарказма. Это особый тип деструктивного текста, в котором адресат должен совпадать с адресантом по образованию, воспитанию и в некотором роде по мировоззрению. Диагностика иронии как средства деструктивного воздействия может существенно отличаться в зависимости от подготовки и квалификации «экспертов» и идеологических установок социума. Поэтому анализ такого рода текстов должен стать предметом отдельного исследования.

Список литературы / References

Belyaeva N. I. *Soderzhatel'nye kategorii hudozhestvennogo teksta i ih yazykovaya eksplikatsiya: na materiale proizvedenij YU. M. Nagibina [Meaningful categories of literary text and their language explanation: based on the works of Yu. M. Nagibin]*. Dissertatsia kandidata filologicheskikh nauk [PhD Thesis], Sankt-Peterburg, 1998, 149.

Brinev K. I. *Sudebnaia lingvisticheskaia ekspertiza metodologiya i metodika [Forensic linguistic expertise: methodology and technique]*. Moscow: Flinta, 2014, 300.

D'iusberi D. *Povedenie zhivotnykh. Sravnitel'nye aspekty [Animal behavior. Comparative aspects]*, Moscow: Mir, 1981, 480.

Dzaraeva N. A. *Konfliktologicheskaya kompetentnost' kak odno iz uslovii vospitaniia npravstvennosti v protsesse professional'noi podgotovki [Conflictological competence as one of the conditions for the education of morality in the process of professional training]*. In: *Vestnik PGGPU. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki [Bulletin of PGGPU. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences]*, 2017, 2(2), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktologicheskaya-kompetentnost-kak-odno-iz-usloviy-vozpitanija-npravstvennosti-v-protsesse-professionalnoy-podgotovki> (accessed 10.01.2024)

Firth J. R. *The Technique of Semantics*, 1935. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-968X.1935.tb01254.x>

Fromm È. *Anatomiia chelovecheskoï destruktivnosti [The anatomy of human destructiveness]*, Moscow: Izd-vo AST, 2017, 736.

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia. Seriya: Lingvisticheskoe nasledie XX veka [Text as an object of linguistic research. Series: Linguistic heritage of the XX century]*, Moscow: URSS, 2020, 144.

Gostiunina V. A. *Metod i algoritmy klassifikatsii tekstovoi informatsii po indikatoram destruktivnoi napravlenosti [Method and algorithms for classifying textual information by indicators of destructive orientation]*, Dissertatsia kandidata tekhnicheskikh nauk [PhD Thesis]. Astrakhan', 2021, 146.

Gostyunina V. A., Davidyuk N. V. The combined method of textual information analysis for the content of destructive indicators. In: *Journal of Physics: Conference Series: International Scientific Conference "Conference on Applied Physics, Information Technologies and Engineering – APITECH-2019"*, Krasnoyarsk, 25–27 September 2019, Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations; Polytechnical Institute of Siberian Federal University. 2019, 1399. Krasnoyarsk: Institute of Physics and IOP Publishing Limited, 33109. DOI 10.1088/1742-6596/1399/3/033109.

Ionova S. V. Lingvistika teksta v stremlenii k tochnosti i shirote [Linguistics of the text in the pursuit of accuracy and volume]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Iazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2018, 17, 2, 6–14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.1>

Ivanishcheva O. Lingvisticheskaia ekspertiza po delu ob oskorblenii (na materiale sobstvennoi lingvoèkspertnoi deiatel'nosti) [Linguistic expertise in the case of insult (on the basis of our own linguistic expertise)]. In: *IUrislingvistika [Legal Linguistics]*, 2016, 5(16), 132–140. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2016\)513](https://doi.org/10.14258/leglin(2016)513)

Izard K. *Èmotsii cheloveka [Human emotions]*, Moscow: Izd-vo MGU, 1980, 440.

Kopnina G. A., Koshkarova N. N., Skovorodnikov A. P. IAzykovye posledstviia sovremennykh informatsionno-psikhologicheskikh voïn v russkoiazychnykh massmedia: postanovka problemy [Language consequences of modern information-psychological wars in Russian-language mass media: statement of the problem]. In: *Rusistika [Russian Language Studies]*, 2021, 19, 4, 383–400. DOI 10.22363/2618–8163–2021–19–4–383–400.

Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. *Mezhlichnostnoe obshchenie. Uchebnik dlia vuzov [Interpersonal communication. Textbook for higher school]*, SPb.: Piter6 2001, 544.

Kusov G. V. Obshchie i chastnye zadachi kriminalisticheskogo obespecheniia lingvisticheskoi èkspertizy [General and particular tasks of forensic support of linguistic expertise]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]*, 2011, 5–3, 84–89.

Lorents K. *Oborotnaia storona zerkala [The reverse side of the mirror]*. Moscow: Respublika, 1998, 393.

Lotman I. U. M. *Vnutri mysliazhchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]*. Moscow: Shkola «IAzyki ruskoï kul'tury», 1996, 464.

Lysak I. V. *Filosofsko-antropologicheskii analiz destruktivnoi deiatel'nosti sovremennogo cheloveka [Philosophical-anthropological analysis of the destructive activity of modern man]*, Discertatsiia doktora filosofskikh nauk [Doctor's degree dissertation], Rostov-na-Donu, 2007, 326.

Moroz S. A. Pozitivnaia rol' konflikta [The positive role of conflict]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2011, 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-rol-konflikta> (accessed: 10.01.2024)

Novikova A. P. *Russkoiazychnye internet-teksty suitsidal'noi tematiki: sistema rechevykh zhanrov i parametry iazykovogo vozdeïstviia [Russian-language Internet texts on suicidal topics: a system of speech genres and parameters of language impact]*, Dissertatsiia kandidata filologicheskikh nauk [PhD Thesis]. Krasnoïarsk, 2009, 199.

Shcherbakova O. I. *Konteksty v konfliktologii [Contexts in conflictology]*, Moscow: MGGU im. M. A. Sholokhova, 2006, 78.

Sherrington Ch. *Integrativnaia deiatel'nost' nervnoi sistemy [Integrative activity of the nervous system]*, Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969, 390.

Shoven R. *Povedenie zhivotnykh [Animal Behavior]*, 2nd ed., Moscow: Librokom, 2009, 488.

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A., Kolmogorova A. V. Information and Psychological War Linguistics as a Research Project at the Siberian Federal University: Problems and Achievements. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, 12, 10, 1904–1921. DOI 10.17516/1997–1370–0495.

Taylor Ch. Action as Expression. In Diamond, Cora & Teichman, Jenny (eds.) *Intention and Intentionality: Essays in Honour of G. E. M. Anscombe*, Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1979, 73–89.

Volkova Ya. A. *Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte [Destructive communication in the cognitive-discursive aspect]*, Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena» 2014, 304.

Zlokazov K. V. Kontent-analiz tekstov destruktivnoi napravlenosti [Content analysis of texts of a destructive orientation]. In: *Politicheskaia lingvistika [Political Linguistics]*, 2015, 1(51), 244–251.

EDN: WCHGNA
УДК 811.111'373:32

Intertextuality as a Driver of Multimodal Creativity in Political Advertising

Maria I. Baranova*^a and Svetlana Yu. Pavlina^b

^a*Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

^b*HSE University
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Received 15.01.2024, received in revised form 12.02.2024, accepted 08.04.2024

Abstract. This article is concerned with the creative use of intertextual elements in multimodal discourse. Specifically, it explores the way intertextuality is employed in political posters to shape the meaning and transmit the desired message. The material includes British and American campaign posters viewed as semiotically complex texts in which verbal and non-verbal modes build some links with prior texts. The purpose of this research is to reveal the way the pre-existing verbal texts and images are modified to build a new meaning. The study is set in the integrated framework of multimodal discourse analysis, intertextual analysis and cognitive stylistics. The research establishes the types of transformations prior texts undergo in the process of recontextualization. It offers a new perspective on the mapping of pre-existing texts' modifications and reveals patterns typical of visual political advertising that encompass not only verbal but also non-verbal modes. The findings show that intertextualization triggers the employment of rhetorical means which include verbal and visual metaphor and metonymy, irony, parody and word play. The research opens avenues for investigation of intertextuality and creativity in other forms of visual communication, namely static and dynamic promotional texts.

Keywords: political advertising, creativity, multimodal texts, intertextuality, transformations, recontextualization.

Research area: social structure, social institutions and processes; media communications and journalism.

Citation: Baranova M. I., Pavlina S. Yu. Intertextuality as a driver of multimodal creativity in political advertising. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 950–962. EDN: WCHGNA

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: baranovamarria@gmail.com; spavlina@hse.ru

ORCID: 0000-0003-1062-2033 (Baranova); 0000-0002-8304-795X (Pavlina)

Scopus Author: ID 57222713920 (Baranova); 57223936963 (Pavlina)

Интертекстуальность как драйвер поликодовой креативности в текстах политической рекламы

М.И. Баранова^а, С.Ю. Павлина^б

^аНижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Российская Федерация, Нижний Новгород

^бНациональный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Нижний Новгород

Аннотация. Статья посвящена креативному использованию интертекстуальных компонентов в мультимодальном дискурсе. В частности, исследуется применение интертекстуальности в процессе создания авторского посыла в тексте политического плаката. Материалом послужили англоязычные тексты предвыборной рекламы, которые рассматриваются как семиотически сложенные тексты, вербальные и невербальные компоненты которых содержат отсылки к созданным ранее текстам. Цель заключается в выявлении специфики креативного использования вербальных и изобразительных интертекстуальных элементов в текстах статической политической рекламы. Работа выполнена в рамках интегративного подхода к анализу поликодовых текстов с применением мультимодального дискурс-анализа, интертекстуального анализа и когнитивно-стилистического анализа. В результате определяются типы трансформаций созданных ранее вербальных и изобразительных текстов в процессе их реконтекстуализации в рамках англоязычных политических плакатов. Новизна заключается в том, что трансформационные модели выявляются как в вербальных, так и невербальных интертекстуальных компонентах текста. Исследование показывает, что интертекстуализация лежит в основе поликодовой креативности, манифестацией которой служат такие средства выразительности, как вербальная и визуальная метафора и метонимия, языковая игра, пародия и ирония. Применяемая в работе методика открывает новые перспективы в исследовании креативности и интертекстуальности в других жанрах визуальной коммуникации, включающих статические и динамические продвигающие тексты.

Ключевые слова: политическая реклама, креативность, поликодовый текст, интертекстуальность, трансформации, реконтекстуализация.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Цитирование: Баранова М. И., Павлина С. Ю. Интертекстуальность как драйвер поликодовой креативности в текстах политической рекламы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 950–962. EDN: WCHGNA

Introduction

Modern scholarship on intertextuality viewed as the ability of texts to draw on pre-

existing texts reveals its great rhetorical potential (Peterson 2005; Li 2019). It becomes instrumental in advertising discourse due to its power to

organize and orient the recipients' attitude and behavior, resorting to their prior experiences (Kelly-Holmes 2000). The employment of intertextual elements in promotional texts helps to attract attention and affect the viewers emotionally enhancing the pragmatic effect of advertisements. Intertextuality is appealing and fascinating for the recipients because intertextualization combines the focus on their prior knowledge and its reference to modern issues: pre-existing texts are taken out of context or in other words decontextualised and then transplanted to a new context or recontextualised (Bauman, 2004; Höllerer et al., 2019). The process of recontextualization involves creative usage of prior texts when something traditional acquires a new meaning after being placed in a new context. The elements bearing some reference to prior texts or in other words precedence-setting tokens (Malyuga, Akopova, 2021) are imbued with several layers of meaning which are intriguing for the viewers to decode.

Intertextuality serves a useful stylistic means in various types of promotional texts including commercials, social ads and political advertising. Research on commercial advertising elucidates the importance of intertextuality focusing on its persuasive power and the ability to camouflage the appearance of the ads' commercial nature (Li 2019; Meân et al., 2010). The Russian scholars Khriplya and Issers explore intertextuality as a means to shape ideological messages in social advertisement (Khriplya, Issers, 2023).

The investigation of intertextuality in visual political communication has been fragmented and to-date it obviously lacks sustained attention. The research in this field encompasses the examination of visual intertextuality in political memes (Gearhart et al., 2020) and campaign yard signage (Pandey, 2017). However, the mobilization of intertextual elements to shape politically relevant messages in such a firmly established type of visual political communication as campaign posters remains an understudied area.

Though modern studies on political posters do not normally use the term *intertextuality*, they consider cases that are indicative of creative modifications of elements borrowed from

some prior texts. Discussing the visual design of posters, Seidman (2008) observes that images such as the Statue of Liberty, which epitomises the American democracy or the USA, are employed by political designers in different countries. It shows that visual political communication uses a universal language of images crossing linguistic and cultural boundaries. The way it is achieved deserves thorough consideration. In our research we try to fill the gap in scholarship on intertextuality exploring its rhetorical power in political still visuals in the light of multimodal creativity.

The present paper has the following structure. The Theoretical Background section provides an overview of current scholarship on intertextuality and multimodal creativity. It is followed by the Statement of the Problem. The Methodology and Material section elaborates on research design and process. The Results and Discussion section details and interprets the findings. The Concluding Remarks provide an outline of the implications of the study.

Theoretical Background

The intertextual dimension of a text analysis

The treatment of text and textuality changed dramatically in the last decades of the 20th century due to the development of post-structural paradigm. As opposed to structuralists' perception of the text as a closed-off, discrete entity, which presupposes the analysis of its constituent elements only within the boundaries of a given text, poststructuralists and postmodernists viewed a text in the light of intertextuality, examining the multiple links it builds with pre-existing texts.

The phenomenon of interrelation of texts was analyzed before the term *intertextuality* was coined by Julia Kristeva in the 1960s and further refined in the 1980s (Kristeva, 1986). The idea of intertextuality can be traced to Mikhail Bakhtin's book *Problems of Dostoevsky's Poetics* (1984, originally published in 1963). To describe the interplay between writers, their texts and other texts, Bakhtin (1984) used the term *dialogism*, treating it as an inherent property of any text. Developing Bakhtin's

ideas, Kristeva observed that no text is independent of other pre-existing texts, thus a text is seen as a point of intersection of countless other texts. Any text is a mosaic of citations, as it absorbs and transforms other texts (Moi, 1996). Thinking along the same lines, Roland Barthes (1988) argues that a text is not a set of words conveying a certain meaning; it is a much more complex thing that can be described as a multidimensional space, a result of blending and clashing of prior texts.

The notion of intertextuality has been subject to multiple interpretations, it has been constantly evolving, so the approaches to its treatment are multifold. In its broad sense intertextuality is understood as a coexistence of two or more texts within one text (Bauman, 2004; Farrelly, 2020). Thus, such a treatment highlights the most essential property of intertextuality – the interconnection of texts, their “dialogue”. In linguacultural research the interrelation of language, cognition and culture is explored, in that intertextuality takes centre stage being a manifestation of cultural phenomena in the language (Matiová & Navrátil, 2019).

Studies based on literary theoretical approaches explore different modes of intertextual representation, which include quotations, allusion, reminiscences, parody among others (Culler, 2001). Various intertextual references are categorized as direct and implied (Fairclough, 1992), obligatory and optional (Cruz, 2019). We find these intertextual practices instrumental not only for literary studies but also for advertising discourse analysis.

A separate strand of research considers intertextuality from the standpoint of its reception which means that intertextuality is treated not only as an intentional product of the author, but also as a result of its interpretation (Van Zoonen, 2017; Tsakona, 2018). This approach is relevant for the present research as for political advertisement to be effective it should employ prior texts that are recognizable and easy for the majority of viewers to interpret.

Another approach to the analysis of intertextualization concerns the unravelling of its mechanisms. In his seminal work on intertextuality, Bazerman (2004) explores the

techniques the authors use to recontextualize some pre-existing resources and proposes the following strategies for the intertextual analysis of a text: 1) the creation of a list of instances of intertextuality in the text, 2) the evaluation of the way intertextuality is expressed, 3) establishing the source of intertextuality, 4) the interpretation of the intertextuality from the pragmatic perspective (Bazerman, 2004: 92). This framework was developed for monomodal texts, that is the ones based on natural language only. The exploration of intertextuality in multimodal texts presupposes attention to various semiotic resources encompassing verbal, pictorial, colour, graphical and acoustic ones. Modern scholarship on intertextuality in multimodal texts tends to focus on static and dynamic commercial advertisements, considering their audial intertextuality (Terskikh, 2019), exploring the persuasive power of intertextualization (Feng, Weignell, 2011; Xing, Feng, 2023), mapping intertextual practices typical of advertising discourse (Opran, 2022).

Modern studies devoted to intertextuality employed in various discourses show that recontextualization of pre-existing texts always generates new meanings playing on the recipients’ prior knowledge and bringing about some element of surprise. Therefore, the usage of intertext in political advertising texts calls for their analysis in the light of creativity.

Approaches to multimodal creativity

Considering creative processes in the framework of cognitive science, Boden (2004) introduces three types of creativity: combinational, exploratory and transformational. The combinational creativity means making unfamiliar combinations of familiar ideas that engenders surprise. Two other types involve the exploration and transformation of conceptual spaces in people’s minds. It resonates with the ways intertextualization works. Becker (1995) views it as taking some prior texts and reshaping them into new contexts. Since this process involves certain variations of the original text, it entails the creation of the so-called intertextual gap (Briggs and Bauman, 1992). The scholars posit that such a gap can be maxi-

mized and foregrounded revealing creativity and innovation (Briggs and Bauman, 1992: 149). Building on it, Hodges examines parodies as transformations of prior texts based on intertextual “play” seen as a manifestation of artistic creativity (Hodges, 2015: 47).

The exploration of creativity is developed in the studies devoted to visual metaphors and metonymies used in such multimodal texts as cartoons (El Refaie, 2003) and commercial ads (Forceville, 2016). The scholars assume that in semiotically complex texts verbal and visual metaphors build an intricate mosaic of meanings that viewers are expected to decipher. The examination of cartoons carried out by Marín-Arrese (2019) shows that creativity stems from innovation and recontextualization which involve the interaction of “cognitive mechanisms, such as metaphor and blending, and semiotic resources” (Marín-Arrese, 2019: 119). Moreover, the researcher traces recontextualization and intertextuality to the use of irony, allusions and parody as well as to the employment of quotations from historical and literary sources.

Another advancement in the exploration of creative power of intertextuality in multimodal texts is made by the Russian scholars Radbil and Pomazov whose research focuses on the universities’ websites containing some intertextual elements (Radbil, Pomazov, 2020). The scholars posit that modifications of prior texts in the course of their recontextualization make the recipient text exceptionally attractive for the viewers. The modified intertextual elements are semantically complex: the cultural information of the prior text is complemented by a new layer of information which is relevant for a specific context (Radbil, 1999). The mapping of transformations of precedence-setting tokens in the multimodal texts of universities’ websites encompasses semantic, lexico-semantic, structural and syntactic modifications, allowing for creation of some rhetorical means, such as word play, irony and the literal reading of an original metaphorical text (Radbil, Pomazov, 2020).

We assume that the way intertextuality is used in multimodal texts is genre and discourse related. Baring on the modern research in the fields of multimodal creativity and intertextu-

ality we aim at uncovering the way intertextual elements are employed in political still visuals.

Statement of the problem

The analysis of research on intertextuality and multimodal creativity shows that these lines of investigation have never been extended to political advertising. Based on our interest in how intertextuality affects meaning building in campaign posters this article addresses the following research questions (RQs):

- What types of sources do still visuals draw upon? (RQ 1)
- How are the prior verbal texts augmented to create a new meaning in this form of visual political communication? (RQ 2)
- What types of transformations of prior visual texts are employed in political posters? (RQ 3)
- How does multimodal creativity work in political advertising? (RQ 4)

We hypothesize that the creative application of intertextuality in political advertising will have specificity because unlike commercial advertisements aiming to create a positive image of a product political ads attack as well as acclaim. These pragmatic functions are bound to affect the creative employment of intertextual elements in the sample texts.

Methodology and Material

To carry out the analysis of the ways intertextuality works in still visuals we chose to explore British and American campaign posters as a well-established means of visual political communication, a ubiquitous campaigning tool, which has been in use for more than two centuries. The research employs *multimodal critical discourse analysis* (MCDA) which aims at studying social interaction and meaning making as multimodal, in other words, based on the usage of several modes. The multimodal critical discourse analysis allows for identification of modes within the text and establishing their interrelation which is essential for meaning-making (Fairclough, 2013).

We proceed from the assumption that meanings are derived from immediate context, created by a combination of semiotically diverse elements in a multimodal text, and

from past experiences of prior texts that manifest themselves as intertextually linked textual items. It calls for the employment of *intertextual analysis*, which reveals what types of relationships exist between the texts and the culture in which they are embedded. It aims at establishing resources which political, cultural and social contexts provide for the new texts' creation. Bearing on the model of intertextual analysis introduced by Bazerman (2004) we establish the types of intertextual elements embedded in the sample texts, trace their sources and reveal the transformations pre-existing textual units undergo to fit the pragmatic purposes of visual electoral advertising.

Recontextualization of pre-existing verbal and pictorial elements results in the emergence of new associations and their chains. We find the framework of *cognitive stylistics* (Stockwell, 2002; Naciscione, 2020) instrumental for uncovering figurative meanings created in multimodal texts that adopt intertextual fragments. The transformations of precedence-setting tokens entail the creation of new figurative meanings, which we analyse from the stylistic perspective establishing tropes that make the advertising texts expressive. To highlight this stylistic aspect of analysis, we do a case study of creativity employment in a political poster.

The sample chosen for intertextual and stylistic analyses includes 86 British political posters and 103 US presidential campaign posters spanning 1970–2023. The material for this research is based on the collection published in the book *Words to Win By: The Slogans, Logos, and Designs of America's Presidential Elections* (Kaplan, 2020). The British sample is selected from the Conservative Party Archive: Poster Collection. This material is augmented by digital images of political posters used in British and American mass media covering electoral campaigns. The selected posters have some reference to prior texts, which means that they incorporate at least one intertextual element, be it a verbal precedence-setting token or an image with some links to a pre-existing text.

Results and Discussion

One of the key features of campaign posters is quite laconic usage of verbal and visual

resources. They should express their message in a few words and avoid being overloaded with visual signs as posters are expected to be easily discerned from afar by pedestrians or drivers. The best campaign posters are those whose elements, though simple and limited in number, manage to be emotion-laden and expressive. The employment of intertextuality is one of the means to achieve it. The analysis of sample texts revealed that they fall into three groups: 1) the posters that contain only verbal elements, 2) the posters that have only pictorial elements, 3) the posters that incorporate both verbal and pictorial elements.

The first group, that is devoid of pictorial elements, contains a limited number of texts, which aligns with the image-centred approach to visual communication. For example, the 2020 poster in support of Michael Bloomberg employs no iconic elements and relies only on the verbal mode to reach the voters. It contains the line *I like Mike Bloomberg*, which is a modification of *I Like Ike* slogan used in the 1952 presidential campaign commercial for Dwight D. Eisenhower.

The second group contains semiotically heterogeneous texts that shape their political messages building on prior visual images refraining from the usage of natural language. One of such posters is produced by Ron English to promote Obama in the 2008 presidential campaign. The Democratic candidate's facial features are blended with those of the outstanding President of the US Abraham Lincoln. Seidman (2008) observes that this fusion created an image that happened to be appealing to young voters, which generated excitement for Obama's campaign.

The third group of posters comprises multimodal texts that build their meaning using both pictorial and linguistic modes and employing visual intertextual elements and/or verbal precedence-setting tokens. More than half of the sample posters of this type contain visual intertextual elements, while their verbal dimension does not have precedence-setting tokens. About one third of sample texts contain intertextual components both in the pictorial and verbal strata of multimodal texts. Only 12 % of campaign posters, in-

corporating both verbal and pictorial modes, reveal links with prior verbal texts. It proves that pictorial elements play a dominant role in terms of appealing to culture relevant information shared by the electors.

It is quite evident that for the poster to stand out, its appeal should be enhanced by some creative **modifications** of pre-existing texts that are familiar to recipients. The examination of precedence-setting tokens allows for some mapping of such transformations.

Patterns of recontextualization of verbal resources

The first stage of analysis involves the examination of patterns of recontextualization of verbal intertextual elements. The findings reveal the main patterns which include *blending, substitution, contraction, and expansion.*

Blending presupposes the amalgamation of parts of two prior texts to build a new linguistic element, which is the case with VATMAN in the 1992 Labour’s poster, attacking Tory’s fiscal policy: *VATMAN. Vote Conservative and you’re voting for 22 % VAT* (Fig. 1). The abbreviation VAT, that stands for *value added tax*, blends with the proper name Batman, one of the most iconic fictional characters. The new coinage VATMAN is quite ironic since raising VAT to 22 % seems incongruous with the noble mission traditionally associated with Batman. The ironic effect is enhanced in the pictorial mode which contains the image of a purse in a yellow circle creating associations with taxation and replacing the picture of a bat in the original Batman image.

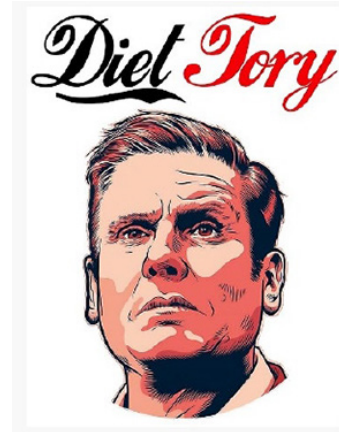

Fig. 2. The Diet Tory poster

Substitution is a modification of the pre-existing verbal text by way of removing one item to use a new one in its place. The poster attacking Leader of the Labour party Keir Starmer has recognizable graphic and colouristic features of the Diet Coke logo (Fig. 2). The word *Coke* of the brand name is substituted for *Tory*, which alludes to the right-wing agenda allegedly supported by Starmer. Importantly, the choice of colour for the verbal part of the poster signifies the ambiguous nature of Starmer’s politics: the colour red is traditionally associated with the Labour party, while *Tory* is linked with the blue colour. On the one hand, the red colour complies with that of the Diet Coke brand, on the other hand, it signals the left-wing agenda, which stands in striking contrast to the politics advocated by Tories. Playing on it and using very limited linguistic and graphical resources,

Fig. 1. The VATMAN 1992 poster

the designers manage to create multiple associations and stimulate the viewers' interest.

Expansion takes place when some new elements are added to the prior text specifying it or altering the initial message completely. It can be found in the modification of the slogan found with the Tide commercial *Removes Stubborn Stains*, which was extended to *Vote. Removes Stubborn Orange Stains* in the anti-Trump campaign poster. The element *Vote* is a direct call to go to the polling places, while *Orange* alludes to Trump's hair colour. Therefore, by adding two lexemes to the Tide slogan the designers shape their message attacking the presidential hopeful in an implicit way and mobilizing the electorate.

Contraction means reduction of the source text constituent elements when some parts are cut off. Since linguistic components of posters tend to be quite laconic, the cases of contraction of a message which is originally brief are not numerous. Running for reelection in 2020 Trump used a modification of his MAGA slogan tailoring it to the purposes of a new presidential campaign: *Keep America Great*. The element *Again* was contracted, while *Make* was changed for *Keep* to convey the message that the retention of power as a result of Trump's reelection might be beneficial for society. In this slogan contraction was combined with substitution.

The creative recontextualization of prior visual texts

Prior texts' transformations encompass not only the verbal elements of posters, but they

are also mirrored in the iconic segment, which conforms to the idea that in a multimodal construct various semiotic modes work in unison to shape a desired message. The sample campaign posters reveal the employment of *pictorial blending, substitution, contraction and expansion*, some cases being underpinned by a combination of such modifications.

Pictorial blending is understood as the merger of two unrelated graphical images, photographs, portraits. This type of transformation is used in the 2008 campaign Abraham Obama poster by Ron English (Fig. 3). It is executed with very limited resources refraining from any verbalization of the message, however, blending the image of Obama with the picture of one of the most prominent US presidents of the past acquires salience and allows for various associations, which helps to shape a powerful message in a very concise way. The amalgamation of Jeremy Corbyn's portrait with that of Che Guevara's builds the ideological stance in the Che Corbyn poster, pictorial blending highlights the affinity of the leftist Corbyn with the Latin American revolutionary spirit.

Pictorial substitution presupposes the change of an element of a pre-existing visual image for a new one. It can be exemplified by the modification of the graphical representation of the queue first used to attack Labour in the 1978 *Labour Isn't Working* poster (Fig. 5). The long queue of people outside an unemployment office snaking into the distance is reproduced in the 2005 poster issued by Labourists to criticize Tory's health care policy. The layout of the

Fig. 3. Abraham Obama and Che Corbyn posters

Fig. 4. Labour Isn't Working poster and its modification

queue is preserved, however, some of its elements are altered: the young people depicted in the foreground of the original poster are substituted for older ones, some of them moving in wheelchairs.

Pictorial expansion means the modification of a prior visual image by adding some element to it. The 2020 election campaign poster targets Trump's immigration policy using the Burger King logo adding to it the picture of smiling Trump who shows his appreciation with a thumb-up gesture (Fig. 5). This expansion of the recognizable logo sets the poster at the intersection of commercial advertising and political discourse. The smiling picture of Trump may symbolize the consumer's approval of the product associated with the famous brand. However, the substitution of *Burger* for *Border* in the logo alludes to Trump's support for the construction of the wall at the Mexican border. The pictorial expansion is aligned with the substitution in the original verbal text which takes the shape of paronymy as the words *burger* and

border are similar phonetically. Such modifications are designed to attack the presidential candidate triggering a chain of associations and creating a satirical undercurrent.

Pictorial contraction is understood as a removal of some parts of the prior image and placing it in a new context in a reduced form. For example, the registered trademark symbol ® of the Burger King logo was omitted in the Border King poster (Fig. 5). In some sample political advertising texts, contraction takes the shape of visual metonymy when a part stands for a whole, as is the case when Uncle Sam's top hat is used in the posters instead of the whole pictorial image which traditionally personifies the US federal government or the country in general.

Creativity in multimodal advertising texts:

A case study

The way prior texts are employed creatively both in linguistic and pictorial components of political advertisements is revealed in *The*

Fig. 5. Border King poster and its prior text

Sound of mEUsic poster targeting the leader of British Labourists Jeremy Corbin. The designers used the poster for the musical *The Sound of Music* (1965) as a prototype because being one of the key elements of modern cinematic culture it is recognizable and imbued with various associations (Fig. 6).

The political poster also bears references to a more recent prior text – the musical about the life of Jeremy Corbin, staged in London in 2016. The text in the top left-hand corner of the poster *Jeremy Corbin, The Musical* serves as a precedence-setting token. The element that unites the cinematic text produced in 1965 and the performance staged in 2016 is their appurtenance to the genre of musical. Using grotesque the designers depict the British politician as a female character of the film dancing to the music. The picture of a dancing girl central to the *Sound of Music* film poster undergoes some modification acquiring recognizable features of Corbin, which can be classified as *pictorial blending*. The figures of children and adults depicted in the middle ground in the film poster are not included in the political poster as a result of *pictorial contraction*. The original images of a bag and a violin case are also modified: the addition of the inscriptions EUROSCPTIC BAGGAGE and I'VE CHANGED MY TUNE are the markers of *pictorial expansion*.

Placing the text of the original film poster in the contemporary political landscape, the designers modify the linguistic elements of the prior text. To express their critical attitude to

Corbin's inconsistent policy on Brexit, they alter the film's title adding the letter *E* to the word *music*. This expansion is supported graphically making EU the prominent part of the title: *The Sounds of mEUsic*. As a result, the play on word based on expansion acquires prominence and rivets the viewers' attention.

Interestingly, the designers substitute the depiction of keynotes, that complements the original title, for a circle of gold stars serving as symbols of the European Union. In line with it, the colour of the film title is changed into blue, which is also indicative of the EU. It is possible to conclude that the *substitution* encompasses both pictorial and colour modes of the multimodal text.

Apart from the alterations found with the title *The Sounds of mEUsic*, the creative modifications of linguistic elements are revealed in the sentence *I've changed my tune* added to the picture of a violin case. The designers use the idiom *to change one's tune* as a prior text, playing on its literal meaning and its metaphoric one *to alter one's attitude*. They create two layers of meaning to expose Jeremy Corbin's indecisiveness and lack of a clear agenda. Another phrase *Euroscptic Baggage* added to the original picture of a bag, carried by the main character, is a metaphor that alludes to Corbin's pro-Brexit stance. Importantly, the inscription on the bag, characterised by metaphoricity, attributes some figurative meaning to the picture itself, therefore, the usage of a metaphorical linguistic element

Fig. 6. The Sound of mEUsic poster and its prototype

generates a pictorial metaphor. The recontextualisation of components connected with two musicals – *The Sounds of Music* and *Corbyn the Musical* – creates a number of multimodal tropes. Specifically, it allows for combining a linguistic metaphor, a pictorial grotesque, a pictorial metaphor and a play on word in the frame of one poster to enhance the pragmatic effect of the advertising text. The transtextualisation of linguistic and non-verbal components of the prior texts is achieved by way of creative modifications encompassing verbal, pictorial, graphical and colour modes, attributing more than one meaning to all elements of the text. All semiotically heterogeneous elements of the poster are united by cohesive ties, which helps to shape the message playing on the semantic complexity of intertextual components.

Concluding remarks

This research extended the study of intertextuality used in political advertising to campaign posters that serve as a reliable and well-established visual communication form. The exploratory analysis of verbal and non-verbal elements employed in posters shows that they build a tightly interwoven texture of components that belong to diverse semiotic modes. They encompass verbal and non-verbal ones, the latter incorporating iconic, graphical and colour modes.

Being deeply rooted in political, cultural and social contexts, campaign posters build intertextual ties with various prior texts. It is revealed that each mode of a poster has the capacity to create such links. The verbal intertextual elements of the sample multimodal texts mainly build on prior slogans, citations and familiar sayings. The pictorial intertextual

components refer to traditional political symbols, prior political posters, or pop art texts.

The research reveals that in campaign posters the verbal mode plays a minor role in terms of intertextualization, it is the pictorial mode supported by the colour and graphical ones that is employed more readily to shape the meaning establishing some ties with prior texts.

Recontextualization of prior texts entails certain modifications of verbal and pictorial components, which allows for establishing basic types of transformations of pre-existing elements that can be described as blending, contraction, substitution, and expansion. Blending tends to be quite common in the linguistic mode when two prior verbal texts merge to build a new entity, while pictorial blending seen as an amalgamation of some unrelated graphical images proves to have quite limited application. The findings show similarity of transformation patterns in linguistic and pictorial intertextual elements.

The apt application of different types of prior units helps to elucidate some underlying meanings, providing surprising stimuli for the recipients, which enhances the pragmatic effect of the still visuals. The findings confirm the hypothesis that the functional pragmatics affects the multimodal creativity engendered by intertextualization in political advertising. Along with linguistic metaphor and metonymy which are also found in commercial ads, political advertising reveals such forms of satire as irony and parody produced by the interaction of verbal and non-verbal modes.

Our study can have implications for the investigation of the creative potential of intertextualization in other types of multimodal texts used in visual communication.

References

- Bakhtin M. *Problems of Dostoevsky's poetics*. University of Minnesota Press, 1984. 378.
 Barthes R. *The semiotic challenge*. New York: Hill and Wang, 1988. 293.
 Bauman R. A. *World of others' words: Cross-cultural perspectives on intertextuality*. Massachusetts: Blackwell Publishing, 2004. 200.
 Bazerman C. *Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts*. In: C. Bazerman and P. A. Prior (eds) *What Writing Does and How It Does It: An Introduction to Analyzing Texts and Textual Practices*, Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2004, 83–96.

- Becker Howard S. 'Visual sociology, documentary photography, and photojournalism: It's (almost) all a matter of context'. In: *Visual Studies*, 1995, 10: 1, 5–14 DOI: 10.1080/14725869508583745
- Boden M. A. *The Creative Mind: Myths and Mechanisms*, 2nd ed. London: Routledge, 2004. 360.
- Briggs Ch., Bauman R. Genre, intertextuality, and social power. In: *Journal of Linguistic Anthropology*, 1992, 2(2), 131–172.
- Cruz E. C. Memories and mindscapes: An intertextual study of Haruki Murakami's Norwegian Wood. In: *IAFOR Journal of Arts & Humanities*, 2019, 6(1), 75–86. DOI: 10.22492/ijah.6.1.07
- Culler J. *The Pursuit of Signs: Semiotics, Literature, Deconstruction*. London and New York: Routledge, 2001, 299.
- El Refaie E. *Understanding Visual Metaphor: The Example of Newspaper Cartoons*. *Visual Communication*, 2003, 2, 75–95. DOI: 10.1177/1470357203002001755
- Farrelly M. Rethinking intertextuality in CDA. In: *Critical Discourse Studies*, 2020, 17(4), 359–376. DOI:10.1080/17405904.2019.1609538
- Fairclough N. Intertextuality in critical discourse analysis. In: *Linguistics and Education*, 1992, 4(3), 269–293.
- Fairclough, N. Critical discourse analysis and critical policy studies. In: *Critical Policy Studies*, 2013, 7(3), 177–197. <https://doi.org/10.1080/19460171.2013.798239>
- Feng D., & Wignell P. Intertextual voices and engagement in TV advertisements. In: *Visual Communication*, 2011, 10(4), 565–588. DOI: 10.1177/1470357211415788
- Forceville C. Pictorial and multimodal metaphor. In: *Klug, N-M, Stöckl, H (eds) Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*, Berlin: Mouton de Gruyter, 2016, 241–260. DOI:10.1515/9783110296099
- Gearhart S., Zhang B., Perlmutter D. D., & Lazić G. Visual intertextuality theory: Exploring political communication and visual intertextuality through meme wars. In: *Handbook of Visual Communication*, Routledge, 2020, 367–379. DOI:10.4324/9780429491115-34
- Hodges A. Intertextuality in discourse. In: *D. Tannen, H. E. Hamilton, & D. Schiffrin (Eds.), The handbook of discourse analysis*, Malden, MA: John Wiley, 2015, 42–60.
- Höllerer M. A., van Leeuwen T., Jancsary D., Meyer R. E., Andersen, T. H., & Vaara, E. *Visual and multimodal research in organization and management studies*. Routledge, 2019. 244.
- Kaplan M. *Words to Win By: The Slogans, Logos, and Designs of America's Presidential Elections*. Apollo Publishers, 2020. 416.
- Kelly-Holmes H. Strong words softly spoken: Advertising and the intertextual construction of Irishness. In: *Ulrike H. Meinhof & Jonathan Smith (eds.) Intertextuality and the media from genre to everyday life*, Manchester: Manchester University Press, 2000, 18–42.
- Khriplya T. S., Issers O. S. The national idea of the “Chinese dream” in the polycode texts of public service announcements of the people's Republic of China. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(6), 973–990.
- Li S. Intertextuality as a strategy of glocalization: A comparative study of Nike's and Adidas's 2008 advertising campaigns in China. In: *Semiotica*, 2019, 230, 495–513. DOI:10.1515/sem-2017-0134
- Malyuga E. N., Akopova E. N. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. In: *Training, Language and Culture*, 2021, 5(4), 65–76. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76
- Marín-Arrese J. I. Political Cartoon Discourse: Creativity, Critique and Persuasion. In: *Cultura, Lengua y Representación*, 2019, 22, 117–134. DOI: 10.6035/CLR.2019.22.7
- Matiová M. & Navrátil M. (eds). *A Reflection of Man and Culture in Language and Literature*. Peter Lang, 2019. 314.
- Meân Lindsey J., Jeffrey W. Kassing & Jimmy Sanderson. The making of an epic (American) hero fighting for justice: Commodification, consumption, and intertextuality in the Floyd Landis defense campaign. In: *American Behavioral Scientist*, 2010, 53, 1590–1609.
- Moi T. (Ed.). *The Kristeva Reader*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 1996. 336.
- Naciscione A. Multimodal creativity in figurative use. In: *Hidalgo-Downing, Laura and Blanca Kraljević Mujic (Eds.). Performing Creativity across Modes and Contexts*, 2020, 249–280. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. DOI:10.1075/ftl.7.11nac

Opran E. Elements of intertextuality in advertising discourse. *In: Social Sciences and Education Research Review*, 2022, 9(1), 200–203. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6795785>

Pandey A. “When size matters”: Multimodality, material ethnography and signage in Trump’s race to the White House. *In: Linguistic Landscape*, 2017, 3(1), 25–55. DOI: 10.1075/ll.3.1.02pan

Peterson Mark A. Performing media: Towards an ethnography of intertextuality. *In: Eric W. Rothenbuhler & Mihai Coman (eds.) Media anthropology*, London: SAGE, 2005, 129–138.

Radbil T. B. Precedentnye teksty v yazykovoj kartine mira [Precedent Texts in the linguistic world-image]. *In: Yazykovaya kartina mira v sinhronii i diahronii [Linguistic world-image in synchrony and diachrony]*. 1999, 34–41.

Radbil T. B., Pomazov A. I. Precedent Phenomena as Means of Establishing Attractiveness in Polycode Internet Text. *In: Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2020, 19(1), 140–153. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>

Seidman S. A. *Posters, Propaganda, and Persuasion in Election Campaigns around the World and Through History*. New York: Peter Lang, 2008. 327.

Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge, 2002. 256.

Terskikh M. Audio intertextuality in modern advertising text *In: SHS Web Conf*, 69, 2019. *The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDI-AH-2019)*, DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900119> available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/10/shsconf_cildiah2019_00119/shsconf_cildiah2019_00119.html (accessed 21 September, 2023)

Tsakona V. *Intertextuality and/in political jokes*. *In: Lingua*, 2018, 203, 1–15. DOI:10.1016/j.lingua.2017.09.003

Van Zoonen, Intertextuality L. *In: Rössler, P., Hoffner, C. and L. van Zoonen. (eds.) The International Encyclopedia of Media Effects*, Wiley-Blackwell, 2017, 1–12. DOI:10.1002/9781118783764

Xing C., & Feng D. (William). Multimodal intertextuality and persuasion in advertising discourse. *In: Discourse & Communication*, 2023, 17(5), 613–629. DOI: 10.1177/17504813231170579

EDN: WYNAIS
УДК 81'42:81'38:81"27

The Strategy of Legitimization of Russian Obscene Language in Public Discourse as a Realization of Destructive Ideology

Irina V. Evseeva and Inga A. Slavkina*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 05.02.2024, received in revised form 22.02.2024, accepted 08.04.2024

Abstract. The article considers the strategy of legitimizing the use of in public space as a realization of destructive ideology that undermines the national security of the Russian Federation. It shows the step-by-step action of the technology “Overton Window”, which introduces into people’s consciousness since the late twentieth century the idea that the obscenities in the Russian language is historically conditioned and is an integral part of the culture of the Russian people. The use of this technology for the purpose of systematic vulgarization of the Russian language shows that the Russian language is one of the targets of information and psychological warfare waged against the Russian Federation. One of the vivid examples of bringing the “Overton Window” technology to the final stage is the use of obscene language on consumer goods in their widespread distribution through marketplaces.

On the material of modern texts-descriptions of consumer goods with obscene inscriptions, posted in the online store Wildberries, the manipulative strategy of legitimization of Russian obscene language, realized through a number of tactics of speech impact, is revealed. The attitude of young people to consumer goods with “maternity print” is carried out by analyzing and linguistically describing the results of the conducted questionnaire survey of students. The results of the study can be applied in the educational process in the implementation of training courses of communicative orientation and disciplines reflecting the state of the modern Russian language, as well as in the linguistic examination of texts containing obscene vocabulary.

Keywords: Russian obscenities, public space, Overton Window technology, legitimization strategy, speech influence tactics, consumer goods with obscene inscriptions.

Research area: social structure, social institutions and processes; media communications and journalism.

Citation: Evseeva I. V., Slavkina I. A. The strategy of legitimization of Russian obscene language in public discourse as a realization of destructive ideology. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 963–976. EDN: WYNAIS

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: ivevseeva@yandex.ru; ingaslavkina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0495-033X (Evseeva); 0000-0001-7549-4453 (Slavkina)

Стратегия легитимации нецензурной лексики в публичном дискурсе как реализация деструктивной идеологии

И.В. Евсеева, И.А. Славкина

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Рассматривается стратегия легитимации использования нецензурной лексики в публичном пространстве как реализация деструктивной идеологии, подрывающей национальные основы РФ. Показано пошаговое действие технологии «Окно Овертона», внедряющей в сознание людей с конца XX в. мысль о том, что мат в русском языке исторически обусловлен и является неотъемлемой частью культуры русского народа. Применение этой технологии с целью планомерной вульгаризации русского языка, говорит о том, что русский язык выступает одной из мишеней информационно-психологической войны, ведущейся против РФ. Одним из ярких примеров доведения технологии «Окно Овертона» до финального этапа является использование сегодня нецензурной лексики на товарах народного потребления при их широком распространении через маркетплейсы.

На материале современных текстов-описаний к товарам народного потребления с нецензурными надписями, размещенных в интернет-магазине Wildberries, выявлена манипулятивная стратегия легитимации русского мата, реализованная посредством ряда тактик речевого воздействия. Отношение молодежи к товарам народного потребления с «матерным принтом» осуществлено посредством анализа и лингвистического описания результатов проведенного анкетирования студентов. Результаты исследования могут быть применены в образовательном процессе при реализации учебных курсов коммуникативной направленности и дисциплин, отображающих состояние современного русского языка, а также при проведении лингвистической экспертизы текстов, содержащих нецензурную лексику.

Ключевые слова: русский мат, публичное пространство, технология «Окно Овертона», стратегия легитимации, тактики речевого воздействия, товары народного потребления с нецензурными надписями.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Цитирование: Евсеева И. В., Славкина И. А. Стратегия легитимации нецензурной лексики в публичном дискурсе как реализация деструктивной идеологии. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 963–976. EDN: WYNAIS

Введение

В статье поднимается вопрос о широком использовании нецензурной лексики в публичном пространстве, в том числе на товарах народного потребления, которые открыто предлагаются интернет-

магазинами. И это несмотря на то, что публичное использование и распространение нецензурной лексики противоречит ряду законов и указов.

В 2005 г. был принят закон N 53-ФЗ «О государственном языке Российской

Федерации» (далее – РФ) – русском языке, который, как считаем, не оказал должного влияния на языковую политику в отношении публичного использования нецензурной брани, так как не были выработаны эффективные меры, которые бы урегулировали использование в публичном пространстве сквернословия. В феврале 2023 г. в этот закон внесены дополнения, запрещающие публичное использование нецензурной брани. Однако, кажется, мата в публичном пространстве стало еще больше.

Публичный мат еще 35 лет назад был неприемлем в обществе. Сейчас нецензурная лексика, включенная в масс-медийный дискурс, обращает на себя внимание, но уже не шокирует: кому-то она еще «режет слух», кого-то восхищает, а кто-то делает вид, что не замечает ее. То есть матизмы в речи начали восприниматься как факт русского языка, допустимый в публичном общении. Наблюдения за изменениями, произошедшими в языке за последние три десятилетия относительно использования мата, позволяют полагать, что в сознание людей намеренно внедрялась и продолжает внедряться мысль о том, что русский язык пронизан бранью, матерщиной, что мат для русских стал обыденным.

Цель представляемой статьи – эксплицировать стратегию легитимации использования нецензурной лексики в публичном пространстве как реализацию деструктивной идеологии, подрывающей национальную безопасность РФ.

Ведущие задачи работы:

1) анализ процесса внедрения в сознание людей с конца XX в. мысли о том, что мат в русском языке является нормой, отражающей культуру русского народа, как действие технологии «Окно Овертона»;

2) выявление тактик, реализующих манипулятивную стратегию легитимации русского мата, посредством анализа нецензурной лексики, функционирующей в публичном пространстве в виде надписей на товарах народного потребления и, как следствие, нарушающей действующее в РФ законодательство;

3) анализ отношения молодежи к товарам народного потребления с «матерным принтом».

Поставленные задачи решаются посредством привлечения ряда лингвистических и междисциплинарных **методов и приемов исследования**.

Так, расшатывание речевого узуса, сложившегося в русском языке в советский период, и внедрение в сознание людей с конца XX в. мысли о культурной обусловленности русского мата описаны с привлечением технологии «Окно Овертона», которую сегодня применяют, среди прочего, в ведении информационной войны. Данная технология позволяет показать, как постепенно факт использования мата, оцениваемый в конце XX в. как «немыслимо», стал восприниматься как «действующая норма» современной публичной речи.

Реализацию манипулятивной стратегии легитимации русского мата через использование нецензурной лексики на товарах народного потребления показываем посредством установления тактико-стратегического репертуара легитимации, выработанного в политической лингвистике (Dijk van, 1998).

Отношение молодежи к товарам народного потребления с «матерным принтом» осуществлено посредством лингвистического описания результатов проведенного анкетирования студентов.

Материалом исследования задачи (1) выступили научные и публицистические статьи, рассматривающие проблему бранной лексики в русском языке, а также лексикографические источники, описывающие единицы русского мата. Для решения задачи (2) привлечены скриншоты товаров народного потребления с надписями, содержащими матизмы (всего 55 скриншотов со страниц интернет-магазина Wildberries), а также тексты-описания, сопровождающие эти товары. Основу реализации задачи (3) составили результаты анкетирования, полученные от респондентов – студентов гуманитарного и технического профилей Сибирского федерального университета (всего 58 анкет).

Теоретические основы исследования

Работа выполнена в русле коммуникативно-прагматических исследований с опорой на теоретические изыскания таких междисциплинарных научных направлений, как «лингвистическая экология», «эмотивная лингвоэкология», «лингвистика информационной войны» и «лингвистическая прагматика».

Предметом «лингвистической экологии» (или «лингвоэкологии»), среди прочего, А.П. Сковородников определяет «факторы, влияющие (негативно или позитивно) на состояние и развитие языка, языкового сознания социума и его речевой культуры; пути и способы защиты языка от негативных влияний, в т.ч. от немотивированных социальными и культурными потребностями внешних и внутренних заимствований, вульгаризации речи, лексической и фразеологической эрозии (обеднения) и т.д., а также нахождение способов обогащения языка и условий его оптимального развития» (Skovorodnikov, 2017: 113).

Одним из негативных факторов, вульгаризирующих речь, является немотивированное использование мата. Ведущая функция матерной лексики, как известно, – выражение эмоций, «диапазон его значений практически безграничен для выражения личных эмоциональных смыслов» (Shahovskij, 2011: 7). При этом мат «оскорбителен, груб, вульгарен, а значит, неэтичен, нетактичен, некорректен, нетолерантен, невежлив, неприличен, т.е. неэкологичен, по крайней мере, для адресата / наблюдателя» (Там же). Широта использования нецензурной лексики в публичном общении дала основание для ее рассмотрения в аспекте эмотивной лингвоэкологии – направления, которое «в качестве методологической основы использует понятийно-терминологический аппарат лингвоэкологии, а также теоретические положения лингвистики эмоций» (Shahovskij, 2014: 13).

Мы признаем, что матизмы в любом языке – неоднозначное языковое явление. С одной стороны, использование нецензурных слов и выражений обществом не при-

ветствуется, с другой – в языке, в частности – русском, выделились самостоятельные речевые жанры (например, анекдот), где, по мнению ряда лингвистов, эстетически нагруженная обценная лексика коммуникативно допустима (Skovorodnikov, 2013 и др.), как допустима и в художественных текстах, когда «без нее теряется содержательность и образность произведения» (Kovalev, 2021: 181). Кроме того, есть жизненные обстоятельства (чрезвычайные ситуации: разного рода аварии, катастрофы, войны и под.), в которых использование сквернословия часто не осуждается, а оценивается, среди прочего, как защитная реакция организма на ситуацию. Однако, несмотря на своего рода «оправдание мата», сегодня даже в такой сфере, как военная служба, специалисты обращают внимание на его негативное влияние на воинский дискурс и служебно-боевую деятельность (Zverev, 2022).

Использование нецензурной лексики в речи как острая социальная проблема была обозначена уже в самом начале XXI в. (Zhel'vis, 2001). Сегодня особое беспокойство вызывает сквернословие молодежи, которое оценивается «то как вьезшаяся привычка, то как речевая агрессия, то как эпатаж, то как мода. Однако главный разрыв, который ощущается самыми разными говорящими, заключается в отношениях «хочу и могу», в невозможности управлять своим речевым поведением, даже если намерение изменить его осознается явным образом» (Maksimova, Vysockaya, 2023: 247). В этой связи привитие языкового вкуса (понятие, предложенное В.Г. Костомаровым) современным школьникам и студентам становится одной из ведущих задач филологов, так как именно «коллективный языковой вкус социума является одним из важнейших факторов формирования речевого узуса» (Klobukova, 2021), узуса, который переформатирован за последние три десятилетия. Процесс внедрения в сознание людей идеи о том, что матерное слово – это часть русской культуры, это то, чего не нужно стесняться, что мат в речи – это нормально, показан в работе с опорой на технологию

«Окно Овертона», созданную политологом Дж. Овертоном для формирования общественного мнения и используемую сейчас, в том числе для ведения информационных войн. Подробно об этой технологии см. в работе (Volodenkov, Fedorchenko, 2015). Каждый этап реализации этой технологии может быть раскрыт через планируемые действия – коммуникативные стратегии и тактики, обоснованные лингвистической прагматикой (Issers, 2020). Процесс нормализации русского мата в публичном пространстве показан через дискурсивные механизмы легитимации (Dijk van, 1998). Легитимация – «процесс применения дискурсивных практик и технологий, обеспечивающих одобрение института и его деятельности в обществе» (Romashova, 2020: 367). «Одобрение» в исследовании оценивается как положительная реакция общества на использование нецензурной лексики в публичном пространстве.

Обсуждение результатов

1. Технология «Окно Овертона» как инструмент легитимации нецензурной лексики

Подтверждение нашей мысли о том, что нецензурная лексика намеренно приписывается русскому языку как его норма, соотносится с известной технологией «Окно Овертона», манипулятивной по своей природе, которая сегодня активно изучается политологами (Volodenkov, Fedorchenko, 2015), философами (Ovsyannikova, Vyl'eva, 2018), социологами (Yakoba, 2019), лингвистами (Bernatskaia i dr., 2019: 261–286), психологами (Kuz'michev, 2015), юристами (Nikishin, 2022).

«Окно Овертона» предусматривает 5 технологических этапов (стадий, шагов) перехода от одного элемента шкалы, оценивающей какое-либо социальное явление, к другому: немисливо – радикально – приемлемо – разумно – стандартно – действующая норма. Продемонстрируем механизм «Окна Овертона» как инструмент легитимации нецензурной лексики, отображающий постепенное внедрение в массовое

сознание запретного ранее в публичной среде матерного слова, которое сейчас стало оцениваться как допустимое в массовой коммуникации.

Первый этап направлен на расшатывание оценки «немыслимо» до «радикально». На этом этапе задача манипуляторов – привлечь внимание ученых к проблеме, заставить говорить о ней.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова прилагательное *радикальный* толкуется как «придерживающийся крайних, решительных взглядов» (см. 2 значение слова). Такие «крайние взгляды» относительно проблемы бранной лексики в русском языке начали активно обсуждаться в конце XX века на научных конференциях, в специальных научных исследованиях. Одни усмотрели в русском мате языковую системность (Dreizin, Priestly, 1982), потребность в его описании (Koscinskij, 1980), другие анализировали его семантику и прагматику, устанавливали мифологические основания и исторические корни (P'yasov, 1990; Levin, 1996; Uspenskij, 1996; и мн. др.). Здесь не важно мнение ученых относительно функционирования обценной лексики, их оценка по шкале «хорошо – плохо», важно вызвать у ученого сообщества интерес к проблемному вопросу, заговорить, например, о нецензурной лексике, о которой раньше не принято было говорить публично.

Второй этап действия «Окна Овертона» связан с переходом от оценки «радикально» к «приемлемо». «Это один из ключевых, центровых этапов: если у политтехнологов получится ее [вторую стадию – примечание наше] осуществить, то, скорее всего, манипулятивные процессы по трансмутации общественного сознания примут необратимый характер» (Volodenkov, Fedorchenko, 2015: 85). На этом этапе идет создание эвфемизмов для преобразования терминологии, поиск исторических фактов, объясняющих существование того или иного явления в обществе. Так, до XIV века на Руси все неприличные слова назывались «нелепыми глаголами», теперь же названий много, среди них це-

лый ряд терминологических образований: обценная лексика, ненормативная лексика, матизмы.

Механизм обсуждения проблемы запущен. Ученые и журналисты массово обращаются к вопросам, связанным с особенностями русского мата и его глубинной историей, уходящей корнями в древнерусский язык. Сравните названия статей, опубликованных в самом конце XX – начале XXI вв. в научных журналах («Ненормативный анекдот как моделирующая система» (Yakovenko, 2000), «Русский мат как мужской обценный код...» (Mihajlin, 2000), «Русский мат как феномен культуры» (Ermaikova, 2001) и др.) и одной из самых читаемых газет того времени «Аргументы и факты» («Мат – слова священные» (1999), «Мат в искусстве: ну и фуй с ним...» (2002), «Эдуард Лимонов: «Да положил я на читателя!»» (2004) и др.). Заголовки статей маркируют мат как факт русского языка, как одну из его ведущих специфических черт, как феномен русской культуры, как явление, уже проникшее в литературу, в сферы, относящиеся к духовному творчеству, к интеллектуальной деятельности, отражающие и транслирующие ценности, идеи и историю народа. Положительные коннотации переносят мат в категорию «приемлемое» в языке и культуре. Такое отношение к мату стало бытовать в перестроечный период, когда была отменена внешняя цензура, что породило утрату многими представителями социума цензуры внутренней. Провозглашенная М.С. Горбачевым в политике гласности «свобода слова» стала пониматься как вседозволенность, в том числе и при выборе средств выражения.

Третий этап – переход от оценки «приемлемо» к «разумно». Табуированные темы переводятся в дискурс «общества потребления». Так, если мат признан специфическим пластом лексики русского языка и феноменом русской культуры, то разумным будет его лексикографически описать и предоставить эти труды (в нашем случае – словари) широкому кругу потребителей. И вот уже не обыватели, а ученые взялись за создание словарей матерных слов русского языка,

профессионально решая проблемы обценной лексики.

В конце XX в. в Англии и США были изданы лексикографические справочники (Flegon, 1973; Drummond, Perkins, 1980). В России первое подобное издание появляется в 1994 г. – «Русский мат (Антология)» (Pi'uzov, 1994), владельцем оригинала которого является Мичиганский университет. Это издание авторы называют «толковым словарем вторичного мата», т.е. мата «для связки слов», когда он «употребляется не в качестве ругательства как такового, а служит для передачи вполне «мирных» идей и намерений» (Там же: 2). В 1996 г. выходят в свет «Русский мат. Толковый словарь» (Ahmetova, 1996) и «Поле русской брани» (Kolesnikov, Kornilov, 1996), в 2005 г. – 2 тома «Большого словаря мата» (Plucer-Sarno, 2005), а в 2010 г. – «Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь» (Mokienko, Nikitina, 2010).

В.И. Шаховский, иронично оценивая столь пристальное внимание ученых к фиксации мата в словарях, отмечает, что «поскольку словари зачастую воспринимаются носителями языка не только в качестве изданий, имеющих регистрирующую функцию, но и как нормативные издания с предписывающей функцией, то получается, что они автоматически являются для многих пользователей языка своеобразным руководством к действию» (Shahovskij, 2011: 3).

Четвертый этап – переход от оценки «разумно» к «стандартно». Исходя из понимания слова *стандарт* как «то, что не включает в себе ничего оригинального, своеобразного; шаблон, трафарет» (3 лексема) (см. «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова), матерная лексика, становясь обычным фактом речи и лишившись табуированности, становится стандартным речевым явлением. Данный этап реализуется посредством персонализации – отсылки к известным личностям, использующим в речи мат. Так, любители острого словца, оправдывая свои речевые действия, часто ссылаются на слова знаменитостей. Например, в Интернете «гуляет» фраза Фаины Раневской: «Лучше быть

хорошим человеком, ругающимся матом, чем тихой воспитанной тварью». А быть хорошим человеком в лице окружающих – это то, что многие готовы «примерить». «Из стола», были вынуты и опубликованы сочинения классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского и др.), содержащие матерную лексику. Эти тексты, созданные авторами не для широкой публики, начали открыто смаковать, восхищаясь «высоким слогом», и использовать с целью привлечь внимание к мату.

Наличие словарей нецензурной лексики, их открытая представленность в сети, отсутствие со стороны общества активного порицания матерных словоупотреблений, особенно распространившихся в сетевом дискурсе, публичное употребление мата представителями властных структур – все это переводит мат из категории «запрещено», что наблюдалось в советский период (тогда мат был запрещен по соображениям религиозным, мистическим, моральным, политическим), в категорию «разрешено».

Пятый этап – переход от стандарта к действующей норме – хочется верить, не станет нормой русского языка как государственного. Однако мат уже становится нормой в разных публичных коммуникативных сферах, особенно в сетевом пространстве. Случаи использования матизмов фиксируются даже со стороны педагогов. Например, сразу после новогодних праздников 2024 г. молодой учитель физики красноярской школы № 153 выложила в соцсети видео, на котором нецензурно высказалась о своих учениках и о сложностях работы в школе.

Таким образом, «Окно Овертона» как «реализуемая на практике изоциренная политическая технология» (Volodenkov, Fedorchenko, 2015: 3), считаем, была применена с целью легитимации матерной лексики в русском языке. Одним из ярких примеров доведения этой технологии до финального этапа является использование сегодня обсценизмов на товарах народного потребления при их широком распространении через интернет-магазины.

2. Легитимация мата через нецензурную лексику на товарах народного потребления

В интернет-магазине Wildberries представлены линейки товаров с надписями, содержащими матизмы, в том числе «скрытые», о чем предупреждает один из продавцов такого товара: «Может иметь скрытый мат» (продавец – «СТУДИЯ ХА314», позиционирует себя как «ультрасовременное дизайн-бюро и производитель крутых подарков»). Эта «интеллектуальная продукция» представлена открыто и доступна любому пользователю сети Интернет, в том числе детям. Наличие на некоторых товарах «матерной серии» маркера возрастной классификации «18+» или фрагментарного «затушевывания» нецензурных слов не спасает ситуацию, так как мат легко прочитывается, при этом продавцы сообщают покупателям, что «цензура присутствует только на карточке товара».

Несложный поиск на сайте Wildberries позволил обнаружить надписи с матизмами на шопперах, футболках/майках, блокнотах, флаконах со средствами гигиены, шариках, посуде (преимущественно – кружках и стаканах) и др. товарах. В создании таких надписей авторы «играют» с вербальными (лексическими, морфемно-словообразовательными, фонетическими) и невербальными (графикой, шрифтом, картинками) средствами языка.

Под языковой игрой, вслед за А.П. Сквородниковым, понимаем специфическую речевую деятельность, состоящую в таком использовании стилистических приёмов, которые направлены на создание остроумных, преимущественно комических высказываний и оборотов речи (Skovorodnikov 2014: 787). Умение создавать креативные номинации, оригинальные высказывания демонстрирует высшую степень интеллекта человека. Однако такое умение может быть направлено как «во благо», так и «во вред» обществу, т.е. один инструмент – игра с языком – может приводить к полярным результатам – позитивному либо негативному. Позитивный результат связываем

с раскрытием творческого потенциала языка (в том числе невербального) в процессе создания остроумных выражений, негативный же усматриваем в таких фактах лингвокреативной деятельности, которые, будучи публично представленными, могут нести разрушительный эффект, подрывая духовно-нравственные ценности русского народа.

Ограничимся демонстрацией такого рода товаров из этических соображений и приведем один пример созданных по одному принципу текстов, размещенных на разных товарах (рис. 1). Текст (1) демонстрирует факт языковой игры в позитивном ключе, тексты (2) и (3) – в негативном.

И еще один пример. Покажем, как букву русского алфавита «Ю» стали использовать как синоним мату, с которым сочетание «буква Ю» рифмуется (рис. 2). Этот прием в лингвистике, отображающий фонетические ресурсы речевого воздействия, называется прием рифмованного эха (Иссерс, 2009).

Игры с нецензурной лексикой в публичном пространстве рассматриваем, с одной стороны, как демонстрацию безответственности и вседозволенности, как настойчивую потребность реабилитировать мат. Все это вызвано желанием запретное, табуированное сделать нормой. С другой стороны, анализ текстов-описаний товара, представленных на Wildberries, позволяет предположить, что игры с матизмами – это

не просто безответственность, это намеренное воздействие на умы граждан, манипулирование сознанием, в первую очередь молодежи. В качестве манипулятивной стратегии усматриваем легитимацию мата в российском коммуникативном пространстве, снятие запрета на мат с целью разрушения нравственных ориентиров, морального разложения общества. Здесь мы не касаемся бизнес-стратегии, связанной с привлечением внимания к товару с целью его продажи.

Рассмотрим два контекста на предмет использования в них тактик, реализующих стратегию легитимации мата.

(А) Бренд «White Sing»: *«Мат всегда будет существовать. На самом деле, мат в разговорах – это не просто функция языка, это критически важный способ выражения эмоций и настроений. И тут сколько эмоций – столько и выражений! А откуда пошло конкретно это «Х^ли нет, когда да»? Для начала, в интернете до сих пор спорят, х^ли слово «х^ли» отнесли к мату, это же просто междометие! Тем не менее, большинством все же принят матерный смысл выражения «Х^ли нет, когда да», а значит оно «почему бы и нет?» или «не вижу причин, почему нет». Если вы тоже регулярно не видите причин, почему нет, футболка с надписью «Х^ли нет, когда да» на принте – для вас. <...> Футболка подойдет людям всех возрастов. <...> В ней можно пойти на ра-*

1

2

3

Рис. 1
Fig. 1

Рис. 2
Fig. 2

боту в офис, на учебу или тренировку, на рыбалку, пляж, просто прогулку. Это идеальная и лаконичная модель для family look фотосессии всей семьи, достаточно приобрести одинаковые футболки. Футболка с мемом или приколом окажется превосходным недорогим подарком для мужа или жены, сына или дочери, брата или сестры, папы или мамы, друга, подруги, близких или родственников, соседей ...» (текст карточки товара по состоянию на 10.10.2023, <https://www.wildberries.ru/catalog/106264430/detail.aspx>).

В тексте (1) выделяем следующие тактики, реализующие стратегию легитимации мата:

Тактика лояльности: *Мат всегда будет существовать.*

Тактика псевдонаучных формулировок: *мат в разговорах – это не просто функция языка, это критически важный способ выражения эмоций и настроений;*

Х^ли слово «х^ли» отнесли к мату, это же просто междометие!

Тактика выделения преимуществ мата: *сколько эмоций – столько и выражений.*

Тактика псевдологического вывода: *а значит оно «почему бы и нет?» или «не вижу причин, почему нет».*

Тактика уникальности адресата (потенциальный покупатель противопоставляется большинству): *большинством все же принят матерный смысл выражения... Если вы тоже регулярно не видите причин, почему нет, футболка с надписью «Х^ли нет, когда да» на принте – для вас.*

Тактика назидательной рекомендации – указание на место использования товара: *В ней можно пойти на работу в офис, на учебу или тренировку, на рыбалку, пляж, просто прогулку. Это идеальная и лаконичная модель для family look фотосессии всей семьи;* указание на список адресатов – потенциальных покупателей: *для мужа или*

жены, сына или дочери, брата или сестры, папы или мамы, друга, подруги, близких или родственников, соседей.

(Б) Бренд «Каждому Своё Social»: «Футболка черная, белая от бренда «Каждому Своё Social» с эксклюзивным Матным принтом (Брань, Мат, Ругательства, Матные Слова, Пофиг, Делай Круто, Всё Вывезу, Задолбан, но не Сломлен, Ясен Фиг, Надо Работать, Зачем Думать, Надо Делать) для ваших модных образов круглый год. ...Футболка с прикольной надписью – прекрасный подарок мужчине, женщине, подростку, ребенку, девочке, мальчику и маме... Перейдя на страницу магазина, вы можете найти этот же принт на сувенирных товарах другой категории (худи, шопперы, футболки, блокноты, холсты, подарочные наборы, значки, шапки, подставки под горячее, тарелки, кепки, подушки, браслеты, компьютерные коврики, маски, картхолдеры, платья, термонаклейки, пазлы, свитшоты, детские футболки, штаны, обложки, чехлы, игрушки, манежи, костюмы)» (текст карточки товара по состоянию на 4.10.2023, <https://www.wildberries.ru/catalog/173093961/detail.aspx>).

Тактика установления ложных соответствий: *матный принт для ваших модных образов* (где *модный принт* = *матный принт*).

Тактика назидательной рекомендации – *для ваших модных образов круглый год*; указание на список адресатов – потенциальных покупателей: *прекрасный подарок мужчине, женщине, подростку, ребенку, девочке, мальчику и маме*.

Обращаем внимание на то, что продавец в тексте карточки товара дает широкий перечень продукции, которая в большей степени востребована молодежью и даже детьми: *худи, шопперы, футболки, блокноты, холсты, подарочные наборы, значки, шапки, подставки под горячее, тарелки, кепки, подушки, браслеты, компьютерные коврики, маски, картхолдеры, платья, термонаклейки, пазлы, свитшоты, детские футболки, штаны, обложки, чехлы, игрушки, манежи, костюмы*.

Анализ текстов-описаний, представленных в интернет-магазине Wildberries

к товарам с надписями, содержащими мат, составлены по типизированным моделям, соответствующим текстам (А) и (Б).

3. Отношение молодежи к продаже товаров народного потребления с нецензурными надписями

Нами был проведен эксперимент в формате анкетирования, в котором приняли участие 58 человек в возрасте от 18 до 24 лет. Всем респондентам – студентам института филологии и языковой коммуникации и института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета – была предложена анкета, в которой опрашиваемым предлагалось ответить на 4 вопроса: В интернет-магазинах открытого доступа продаются товары с матерными надписями, а также товары (бытовые предметы, украшения и др.) в виде половых органов. (1) Купили бы Вы такой товар себе? (да / нет); (2) Купили бы Вы такой товар подруге/другу? (да / нет, если купили бы, то укажите, кому – подруге/другу); (3) Стали бы Вы пользоваться этим товаром? (да / нет); (4) Нужно запретить продажу в открытом доступе такого рода товаров? (да / нет, почему?).

Отношение респондентов к предмету анкетирования разнится от резкого неприятия (не куплю себе/ не куплю другому/ не буду носить) до полного принятия (куплю себе/ куплю в качестве подарка/ надею, если подарят мне).

Первичный анализ анкет позволил разделить ответы на три условные группы по общей тональности ответов: положительное отношение – 12 человек; отрицательное отношение – 25 человек; дифференцированное отношение – 21 человек.

Рассмотрим более подробно ответы каждой группы участников.

Группа «отрицательное отношение»

На первые три вопроса в этой группе респондентов все дали реакцию «нет»: не купили бы себе/ не купили бы в качестве подарка/ не использовали, если бы стали обладателем подарка с этой символикой. Однако ответы на 4 вопрос (Нужно запретить продажу в открытом доступе такого рода

товаров?) в данной группе были различны. Так, 13 человек высказались за запрет продажи товаров этой категории, в целом подчеркивая стилистику неприязни: «это аморально», «это может навредить детской психике», «это портит нашу культуру и язык», «не самый полезный контент», «нужно запретить, так как не стоит осквернять пространство вокруг себя». Напротив, 12 человек этой группы высказались за открытую продажу такого рода товаров, поясняя выбор тем, что «есть люди, которым это нужно», «для некоторых это забавно», «кому-то это приносит радость», «каждый сам решает, что покупать и в чём ходить», «запрет стимулирует интерес». Двое опрошенных этой группы обратили внимание на необходимость предоставления права самостоятельного выбора подобного рода товаров для лиц 18+, т.е. наличия обязательной маркировки товаров.

Группа «положительное отношение» представлена 12 анкетами респондентов. На первые три вопроса ответы практически у всех односложны и единообразны: купили бы себе / рассмотрели бы в качестве подарка / стали бы использовать. В качестве единичного был ответ с подчеркнутым уточнением: «да, если речь идет именно о нецензурной лексике и однозначно нет, если речь идет об изображении гениталий».

Все респонденты негативно отнеслись к возможной цензуре на подобные товары народного потребления. Среди причин назывались следующие: «не стоит запрещать, так как это хороший способ повеселиться, разыграть человека», «это прикольно», «мат – это важный срез культуры», «любая цензура – это угроза свободы искусства», «у каждого должен быть выбор». Трое из опрошенных в этой группе высказались за наличие маркировки ограничения по возрасту (18+).

Интерес, по нашему мнению, вызывают дипластичные реакции респондентов. Их достаточно много – 21. «Дипластия по своей логической природе противоположна умственной операции дихотомии, т.е. деления надвое – на «да – нет», «или – или». Дихотомия составляет механизм функци-

онирования нервной системы животных, логического мышления, счетно-решающих машин. Операция дипластии прямо противоположна: она осуществляется по принципу «и – и», «и да, и нет», «и то, и не то». Тем самым дипластия противостоит логике и её законам. В аспекте эмоциональном дипластия отвечает амбивалентности чувств» (Porshnev, 1970: 13). Такие реакции респондентов были объединены в группу **«дифференцированное отношение»**.

Примечательно, что во всех ответах даны отрицательные реакции на первый вопрос (купили бы себе?) и третий вопрос (стали бы использовать, если бы вам подарили такую вещь?). Однако абсолютно все (21 человек) дали утвердительную реакцию на вопрос (купили бы вы в качестве подарка такую вещь?). В качестве адресата подарка назывались лучший друг/ лучшая подруга. Трое опрошенных дополнили ответ на этот вопрос уточняющими репликами «ради шутки», «для прикола».

Обозначенные реакции могут быть отражением опыта респондентов, наблюдающих частое обращение к подобным вещам в практике повседневного использования. Такое соотношение реакций лишь подтверждает действенность технологии «Окно Овертона», когда изменения инициируются и диктуются извне и человек уже принимает легитимность мата в современном мире, однако ощущает недостаток внутренней свободы, возможно, испытывает чувство некоторой «ущербности» перед прогрессивной современностью. По нашему мнению, этим и объясняется специфика ответов: куплю в качестве подарка другому, но не куплю для себя и не буду использовать сам.

Таким образом, анкетирование позволило через вербальные реакции выявить отношение молодежи к практике использования товаров народного потребления, содержащих матизмы.

Заключение

За последние 35 лет истории России произошли значительные изменения в социокультурной сфере, что способствовало

распространению разного рода ненормативностей и, как следствие, постепенному разрушению традиционных ценностей, среди которых в первую очередь выделяем общий упадок культуры, в том числе культуры речевого общения. Этому, на наш взгляд, способствовали, во-первых, языковая политика внутри РФ (снятие в период перестройки цензуры, что породило безответственность граждан, отсутствие контроля со стороны правоохранительных органов при наличии закона о государственном языке), во-вторых, внешнее манипулятивное воздействие на сознание русских людей через язык с целью их идеологического разложения. В работе с опорой на технологию «Окно Овертона» продемонстрирована реализация стратегии легитимации русского мата в публичном пространстве, что запрещено законом о государственном языке РФ, а также иными федеральными законами и нормативными актами.

Мы согласны с мнением В.И. Шаховского, что для изъятия мата из групповой

коммуникации «должна быть властная воля со стороны государства, так как без нее все попытки исправления ситуации со стороны низов, руководителей регионов, исследователей, воспитателей останутся неэффективными» (Shahovskij, 2011: 9). Язык определяет народ как нацию. Засилье русского языка матом не только разлагает наш народ духовно, нравственно, культурно, но и наносит удар по репутационному имиджу РФ, что, среди прочего, связано с проблемой национальной безопасности.

Представленные в работе размышления – это не только выражение нашего мнения, это гражданская позиция, призыв к общественным институтам, религиозным организациям, действующим на территории РФ, в первую очередь Русской православной церкви, содействовать запрету распространения товаров народного потребления, содержащих нецензурные надписи, в публичном пространстве, доступном лицам, не достигшим 18-летнего возраста.

Список литературы / References

- Ahmetova T. V. Russkij mat. Tolkovyj slovar' [Russian Obscenities. Dictionary]. Moscow, 1996, 304.
- Bernatskaia A. A., Gavrilov L. A., Zhilina V. A. [i dr.]. Lingvistika informatsyonno-psikhologicheskoi voiny [Linguistics of Information-Psychological War]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, 2019, 488.
- Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. Okno Overtona – manipulyativnaya matrica politicheskogo menedzhmenta, [Overton Window – a Manipulative Matrix of Political Management]. In: *Obozrevatel' [Observer]*, 2015, 4(303), 83–93.
- Ermakova A. V. Russkij mat kak fenomen kul'tury [Russian Obscenities as a Cultural Phenomenon]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]*, 2001, 3, 104–112.
- Zhel'vis V. I. Pole brani. Skvernoslovie kak social'naya problema [Field of Scolding. Foul Language as a Social Problem]. Moscow, 2001, 350.
- Zverev S. E. Russkij mat, bessmyslennyj i besposhchadnyj, na vojne i voennoj sluzhbe [Russian Obscenities, Senseless and Merciless, in War and Military Service]. Sankt-Peterburg, 2022, 148.
- Il'yasov F. N. Mat v tri hoda (opyt sociologicheskogo issledovaniya fenomena necenzurnoj brani) [Obscenities in Three Moves (Experience of a Sociological Study of the Phenomenon of Obscene Language)]. In: *Chelovek [Man]*, 1990, 3, 198–204.
- Il'yasov F. N. [i dr.]. Russkij mat (Antologiya) [Russian Swearing (Anthology)]. Moscow, 1994, 304, available at: <https://studfile.net/preview/8998738/page:2/>.
- Issers O. S. Bolee poluveka pod zontikom kommunikativnyh strategij [More than half a Century under the Umbrella of Communication Strategies]. In: *Kommunikativnye issledovaniya [Communication Studies]*. 2020, 7, 2, 243–256.
- Issers O. S. Rechevoe vozdejstvie [Speech Impact]. Moscow, 2009, 224.

Klobukova L. P. Yazykovoj vkus kak faktor razvitiya russkogo yazyka v nachale HKHI veka [Linguistic Taste as a Factor in the Development of the Russian Language at the Beginning of the 21st Century]. In: *Yazyk, obshchestvo, chelovek* [Language, Society, Human]. Sankt-Peterburg, 2020, 95–102.

Kovalev G. F. Russkij mat kak chast' nacional'nogo dostoyaniya [Russian Swearing as Part of the National Heritage]. In: *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Humanitarian Journal]. 2021, 10, 3, 175–196.

Kolesnikov N. P., Kornilov, E. A. Pole russkoj brani [Field of Russian Scolding]. Rostov-na-Donu, Feniks. 1996, 379.

Koscinskij K. Nenormativnaya leksika i slovari [Profanity and Dictionaries]. In: *Russian Linguistics* [Russian Linguistics]. 1980, 4, 363–396.

Kuz'michev S. A. «Okno Overtona» kak specificheskaya tekhnologiya: izderzhki i posledstviya ee primeneniya [“Overton Window” as a Specific Technology: Costs and Consequences of its Use]. In: *Social'noe partnerstvo v deyatel'nosti psihologa: teoriya i praktika* [Social Partnership in the Activities of a Psychologist: Theory and Practice]. Tol'yatti. 2015, 181–182.

Levin Yu. I. Ob obscennyh vyrazheniyah russkogo yazyka [About Obscene Expressions of the Russian Language]. In: *Anti-mir russkoj kul'tury: YAzyk. Fol'klor. Literatura* [Anti-world of Russian Culture: Language. Folklore. Literature]. Moscow, 1996, 108–121.

Maksimova N. V., Vysockaya I. V. Obscennaya rech' v sovremennoj kommunikativnoj situacii [Obscene Speech in a Modern Communicative Situation]. In: *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies]. 2023, 10, 2, 239–252.

Mihajlin V. Yu. Russkij mat kak muzhskoj obscennyj kod: problema proiskhozhdeniya i evolyuciya statusa [Russian Swearing as a Male Obscene Code: the Problem of Origin and Evolution of Status]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2000, 3(43), 347–393.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. Russkoe skvernoslovie. Kratkij, no vyrazitel'nyj slovar' [Russian Foul Language. A Short but Expressive Dictionary]. Moscow, 2010, 384.

Nikishin V. D. Vredonosnaya informaciya v internet-media: «okno Overtona» i vzaimosvyaz' destruktivnyh setevyh techenij [Malicious Information in Internet Media: the “Overton Window” and the Relationship between Destructive Network Trends]. In: *Lex russica* [Russian Law]. 2022, 75, 11, 131–148.

Plucer-Sarno A. Yu. Bol'shoj slovar' mata [Great Dictionary of Obscenities]. Sankt-Peterburg: Limbus Press. 2005, 1, 2.

Porshnev B. F. Protivopostavlenie kak komponent etnicheskogo samosoznaniya [Opposition as a Component of Ethnic Identity]. Moscow: Nauka, 1973, 13.

Romashova I. P. Strategii i taktiki legitimacii v korporativnom diskurse [Legitimation Strategies and Tactics in Corporate Discourse]. In: *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies]. 2020, 7, 2, 365–376.

Skovorodnikov A. P. Konflikt eticheskogo i esteticheskogo v hudozhestvennyh i publicisticheskikh tekstah kak problema ekolingvistiki (sub'ektivnye zametki) [The Conflict between the Ethical and the Aesthetic in Literary and Journalistic Texts as a Problem of Ecolinguistics (Subjective Notes)]. In: *Chelovek v kommunikacii: ot kategorizacii emocij k emotivnoj lingvistike: sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyj 75-letiyu professora V. I. Shahovskogo* [Man in Communication: from the Categorization of Emotions to Emotive Linguistics: a Collection of Scientific Works Dedicated to the 75th Anniversary of Professor V. I. Shakhovskiy]. Volgograd, 2013, 347–357.

Skovorodnikov A. P. Ekologiya russkogo yazyka. Slovar' lingvoekologicheskikh terminov [Ecology of the Russian Language. Dictionary of Linguistic and Ecological Terms], Moscow, FLINTA: Nauka, 2017, 384.

Skovorodnikov A. P. Yazykovaya igra [Language game]. In: *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik* [Effective Verbal Communication (basic competencies): Dictionary-reference Book], Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 2014, 787–788.

Uspenskij B. A. Mifologicheskij aspekt russkoj ekspressivnoj frazeologii [Mythological Aspect of Russian Expressive Phraseology]. In: *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow, 1996, 2, 67–161.

Flegon A. Za predelami russkikh slovarej [Beyond Russian Dictionaries]. London: Flegon Press, 1973, 408.

Shahovskij V.I. Emotivnaya lingvoekologiya: kompleksnyj podhod k izucheniyu yazyka, rechevoj deyatel'nosti i cheloveka [Emotive Linguoecology: an Integrated Approach to the Study of Language, Speech Activity and People]. In: *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2014, 19, 13–21.

Shahovskij V.I. Emotivnaya lingvoekologiya russkogo mata [Emotive Linguoecology of Russian Swearing]. In: *Mir lingvistiki i kommunikacii* [World of Linguistics and Communication]. 2011, 23, 1–12, available at: <http://tverlingua.ru/>.

Yakovenko I. G. Nenormativnyj anekdot kak modeliruyushchaya Sistema [An Obscene Joke as a Modeling System]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2000, 43(3), 335–346.

Dijk T. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, Thousand Oaks and New Delhi, Sage Publications, 1998, 36.

Dreizin F., Priestly T. A Systematic Approach to Russian Obscene Language, *In Russian Linguistics*, 1982, 6, 233–249.

Drummond D.A., Perkins G. Short Dictionary of Russian obscenities. Berkley: Berkley Slavic specialities. 1980, 79.

EDN: UVSIEE
УДК 366.636

Construction of Media Image of “Special Military Operation” in Chinese Media

Irina G. Nagibina*, Ludmila V. Kulikova
and Yu Zhang

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 12.02.2024, received in revised form 22.03.2024, accepted 08.04.2024

Abstract. In the modern information society, the political sphere is closely intertwined with the media space, and therefore contact occurs not with political reality, but with its media representation. The objective reality of many political events and processes is most often inaccessible to people due to their actual distance from direct participation in them. In each state, news is interpreted depending on the position of political leaders. China is no exception; since the beginning of the special military operation, the Chinese media have also been actively presenting the events taking place, constructing its media image as an integral part of the media reality of the current political process. The purpose of the study was to identify the main topics to cover SMO, describing it in general Chinese government information publications; identifying the frequency distribution of concepts used to describe SMO in Chinese media, and the linguistic and communicative characteristics of constructing the media image of SMO in official Chinese media and messages on forums focused on this event and posted on popular Chinese web portals.

The study of the media image of SMO in Chinese media is especially interesting in that Chinese media web portals, which allow discussions on published materials (in the form of messages on forums), are subject to little moderation by the administrations. The range of reports about this event in unofficial media provides rich empirical material to research.

Keywords: Chinese media space, official Chinese media, Chinese media web portals, media image, Russia, China, special military operation.

Research area: social structure, social institutions and processes; media communications and journalism.

The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-01172 “The study of modern China’s Media and Communication space: the specifics of political discourse and social networks” (<https://rscf.ru/project/23-28-01172>).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: irina_nagibina@mail.ru

Citation: Nagibina I. G., Kulikova L. V., Zhang Yu. Construction of media image of "Special military operation" in Chinese media. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 977–992. EDN: UVSIEE

Конструирование медиаобраза СВО в китайских массмедиа

И.Г. Нагибина, Л.В. Куликова, Ю. Чжан

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В современном информационном обществе политическая сфера тесно переплетена с медиапространством, в связи с чем соприкосновение происходит не с политической реальностью, а с ее медиарепрезентацией. Объективная реальность многих политических событий и процессов чаще всего недоступна людям ввиду их фактической дистанцированности от прямого участия в них. В каждом государстве новости интерпретируются в зависимости от позиции политических лидеров. Китай не становится исключением, с начала специальной военной операции китайские СМИ также активно излагают происходящие события, конструируя ее медиаобраз как составную часть медиареальности актуального политического процесса. Целью исследования стало выделение основных тем освещения СВО, описывающих этот процесс в общекитайских государственных информационных изданиях; выявление частотного распределения понятий, используемых для описания СВО в китайских СМИ, и лингвокоммуникативных средств конструирования медиаобраза СВО в официальных китайских СМИ и сообщениях на форумах, сфокусированных на этом событии и размещенных на популярных китайских веб-порталах. Исследование медиаобраза СВО в китайском медиапространстве особенно интересно в той связи, что китайские медийные веб-порталы, позволяющие вести дискуссии по опубликованным материалам (в форме сообщений на форумах), подвергаются незначительной модерации со стороны администраций. Спектр сообщений об этом событии в неофициальных СМИ представляет собой богатый эмпирический материал для исследования.

Ключевые слова: китайское медиапространство, официальные китайские СМИ, китайские медийные веб-порталы, медиаобраз, Россия, Китай, специальная военная операция.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01172): «Исследование медиа-коммуникативного пространства современного Китая: специфика политического дискурса и социальных сетей»

Цитирование: Нагибина И. Г., Куликова Л. В., Чжан Ю. Конструирование медиаобраза СВО в китайских массмедиа. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 977–992. EDN: UVSIEE

Введение

Значимую роль в информировании широкой общественности о различных военных конфликтах играют средства массовой коммуникации. Граждане Китайской Народной Республики не являются прямыми свидетелями специальной военной операции (СВО) и в своем восприятии происходящего ориентируются на информацию, продуцируемую китайскими массмедиа, которые представляют собой один из самых влиятельных агентов конструирования социальной реальности. СВО конструируется так же, как и другие составные части социального бытия, и знания, реакции и действия по поводу подобных конфликтов являются непосредственным результатом медийных практик социального конструирования.

Понятие «медиаобраз» тесно коррелирует с понятием «образ». В.В. Барабаш определяет «образ» как «устойчивую совокупность представлений, которые координируют и регулируют взаимодействие индивида с явлениями внешнего мира» (Барабаш, Бордюгов, Котеленец, 2011). Окружающий мир воспринимается людьми через призму образов. Следует понимать, что образы «субъективны», а значит, «необходимо обращать внимание на функционирование образов в контексте» (Горбаль, 2020: 72). С.Д. Смирнов, характеризуя функции образа, указывает, что «сам по себе образ не может ориентировать ни одного движения или действия. Ориентирует не образ, а вклад этого образа в картину мира» (Смирнов, 1981: 21).

Понятие «медиаобраз» появилось в науке для того, чтобы определить новый феномен – совокупность представлений об объекте реальной действительности, которые появляются на основе анализа не реальности, а медийной среды.

Целью работы является раскрытие и конкретизация лингвокоммуникативных инструментов создания медиаобраза СВО, которые используются в условиях кризисной ситуации при оперативном освещении конфликтного события в китайских официальных и неофициальных СМИ.

Степень изученности темы опирается на:

- теорию имиджологии, которая изучает и страновой имидж, и противоположение понятий имидж и образ, и особенности формирования медиаобраза в СМИ (Анхольт, Хильдрет, 2010; Бабаян, Юрьев, 2008; Барабаш, Бордюгов, Котеленец, 2011; Богдан, 2007; Гаджиев, 2007; Галумов, 2003; Панкрухин, 2002; Почепцов, 2000);

- теорию медиакультуры, массовой коммуникации и журналистики, где рассматриваются проблемы формирования информационного пространства в интернете и современная специфика интернет-СМИ (Бакулев, 2010; Дебре, 2010; Грабельников, 2008; Гринберг, 2008; Кастельс, 2000; Лукина, Фомичева, 2005; Маклюэн, 2011; Прохоров, 2011).

Постановка проблемы

В современном мире СМИ считаются одной из важных составляющих общественной жизни человека, им отводится роль «четвертой власти» в государстве, приписывается способность влиять на сознание широких масс. В связи с осложнением военно-политической обстановки в мире способность СМИ манипулировать массовым сознанием и задавать определенные установки все чаще используется для воздействия на политическое мировоззрение людей. Примером этому служат формируемые при помощи СМИ медиаобразы политических событий.

Чаще всего под медиаобразом подразумевают «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» (Марущак, 2012) или «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» (Богдан, 2007). В широком значении «медиаобраз» – это образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиaprостранстве (профессиональными журналистами, блогерами, интернет-пользователями и т.д.) (Ермолаева, 2017: 128). Медиаобраз часто имеет идеологическую составляющую (Линь, 2020: 185) и отражает господствующие в государстве цели и задачи по всем направлениям деятельности, в том числе военно-политической.

Как фрагмент образа социального мира в китайском медиапространстве существует и образ СВО. Он создается средствами массовой информации в сотрудничестве с разными сферами духовного творчества, представляя собой их совместный продукт. Он задается текущими обстоятельствами действительности, несет в себе ее динамику, выступает одновременно и выражением общественного сознания, и воздействием на него. Кроме того, он направляет процесс идентификации, выступая в качестве кода идентичности. Иначе говоря, у него – свои функции, своя структура, и потому он нуждается в специальном обозначении. В соответствии с тем, что порождается он медиаиндустрией, есть все основания обозначить его как медиаобраз СВО.

Медиаобраз СВО как образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в китайском медиапространстве профессиональными журналистами, блогерами, интернет-пользователями и т.д., представляет собой структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, воплощенный в медийной модели объективного бытия, запечатленной в китайских информационных носителях и общественном сознании.

Медиаобраз СВО – это совокупность образов самой специальной операции (ответных военных действий по защите Донбасса, противостоянию реальной угрозе не просто российским интересам, а самому существованию российского государства, его суверенитету), ее участников (России, Украины и ее западных партнеров, включая лидеров всех вовлеченных сторон), а также причин СВО и ее потенциальных следствий, отображенных в китайских официальных и неофициальных СМИ.

На формирование медиаобраза СВО как любого события, в том числе кризисного, влияют следующие факторы:

- лингвистический фактор – как медиаобраз представлен с помощью текста;
- тематический фактор – корреляция тематики издания и презентованным в нем медиаобразом;

- стратегический фактор – выбранная изданием или информатором риторика презентации образа события;

- политический фактор – влияние общественно-политической повестки государств на репрезентацию медиаобразов в СМИ;

- коммуникационно-методологический фактор – зависимость медиаобраза от особенностей площадки, на которой данный медиаобраз репрезентуется.

Проведение Российской Федерацией специальной военной операции на Украине приковало внимание всего мирового сообщества к России. Первоначально нацеленная на денацификацию, денационализацию и демилитаризацию Украины, специальная военная операция обернулась противостоянием всему блоку НАТО, борьбой с однополярным миром и, как результат, защитой суверенитета, безопасности и территориальной целостности России (Чистюхина, 2023). Таким образом, спустя год специальная военная операция признается войной между Россией и блоком НАТО, которая развернулась не только на поле боя, но и в информационном пространстве.

Материал и методы

Эмпирическую базу работы составил авторский реестр аутентичных материалов китайских официальных и неофициальных СМИ, в том числе:

- 中国外交部官方网站 / «официальный сайт МИД КНР» (<https://www.fmprc.gov.cn>), газеты: 人民日报 / «Жэньминь жибао» (<http://www.people.com.cn/>), 新华社 / «Синьхуашэ» (<http://www.news.cn/>), 中新社 / «Чжунсиньшэ» (<https://www.chinanews.com.cn/>), 中国日报 / «Чжунго жибао» (<https://cn.chinadaily.com.cn/>), 环球网 / «Хуаньюэван» (<https://opinion.huanqiu.com>), 澎湃新闻 / «Пэнпай Синьвэнь» (<https://www.thepaper.cn>), 新湖南 / «Синь Хунань» (<https://m.voc.com.cn>), 中国青年报 / «Чжунго Циньяньбао» (<https://zqb.cyol.com>). Выделены основные темы освещения СВО, описывающие ее в общекайтайских государственных печатных изданиях;

- веб-порталы: 知乎 / «Чжиху» (www.zhihu.com), 微博 / «Вэйбо» (m.weibo.cn) и 观

察者论坛 / «форум Гуаньчачжэ» (<https://m.guancha.cn/>).

Объем выборки исследования составил 318 статей и 1747 читательских сообщений, хронологические рамки: февраль 2022 г. – январь 2024 г.

Широкое привлечение специальной литературы по теме исследования в сочетании с указанными методами исследования позволило провести комплексный анализ дискурсивного конструирования СВО в китайских печатных и электронных СМИ. Достоверность результатов исследования достигалась путем привлечения объемного и разнопланового эмпирического материала, опорой на научные методы исследования.

Результаты

Статьи из национальных китайских СМИ на первом этапе были подвергнуты количественному анализу (выявление основных тематических блоков и частота использования наиболее значимых для описания СВО понятий). Результаты тематического контент-анализа прессы показывают, что основная доля материалов (в среднем 68 %) носит аналитический характер (т.е. исследует причины и возможности разрешения российско-украинского конфликта и окончания СВО), затрагивает проблематику действий Украины и НАТО в конфликтном контексте (13 %), посвящена исторической ретроспективе российско-украинского конфликта и начала СВО (19 %).

Что касается частотного распределения понятий, используемых для описания СВО в официальных китайских СМИ, то наиболее часто в проанализированных публикациях встречаются понятия, характеризующие Россию (俄罗斯 / «РФ», 俄方 / «Российская сторона», 俄罗斯总统 / «президент РФ», 俄罗斯国防部 / «Министерство обороны РФ», 俄罗斯外交部 / «Министерство иностранных дел РФ», 俄罗斯媒体 / «российские СМИ», 普京 / «Путин», 佩斯科夫 / «Песков», 米舒斯金 / «Мишустин», 绍伊古 / «Шойгу»), Украину (乌克兰 / «Украина», 乌克兰局势 / «Ситуация на Украине», 乌克兰危机 / «Украинский кризис»), 乌克兰国防部 / «Министерство обороны Украины», 乌克兰武装部队 /

«военные силы Украины», 亚速营 / «батальон "Азов"», 新纳粹主义 / «неонацизм», 泽林斯基 / «Зеленский»), НАТО и США (北约 / «НАТО», 美国 / «США»), 联合国 / «ООН», 海牙法庭 / «Гаагский суд», 西方 / «Запад», 霸权主义 / «гегемонизм», 甩锅 / «перекладывание вины», 推卸责任 / «снятие ответственности», 拱火递刀 / фраз. «подливать масло в огонь и подавать ножи», 制裁 / «санкции»), конфликт (特别军事行动 / «СВО», 俄乌冲突 / «российско-украинский конфликт», 俄乌战争 / «российско-украинская война», 俄乌局势 / «российско-украинская ситуация», 代理人战争 / «прокси-война», 冲突升级 / «обострение конфликта»).

Что касается частотного распределения понятий, используемых для описания СВО в сообщениях на форумах, где исходным стимулом выступает феномен СВО, то наиболее часто в проанализированных публикациях встречаются понятия, характеризующие Россию (俄罗斯 / «РФ», 俄国 / «Россия», 俄方 / «российская сторона», 俄罗斯总统 / «президент России», 俄国防部 / «Министерство обороны РФ», 俄外交部 / «Министерство иностранных дел РФ», 普京 / «Путин», 普京大帝 / «царь Путин», 大鹅 / «Большой гусь»¹), 大毛 / «старшие славяне»), Украина (新纳粹 / «неонацизм, неонацист», 乌纳² / «УкраНа», 乌贼 / «украинскиеразбойники», 二把刀军人 / «солдаты-недоучки», 泽林斯基 / «Зеленский», 司机³ / «таксист», 二毛 / «младшие славяне», 演员 / «артист», 傀儡政权 (伪政权) / «марионеточный режим», 基辅伪政权 / «киевский марионеточный режим», 草台班子 / «балаган», 无脑 / «безмозглость»), НАТО и США (北约 / «НАТО», 美国 / «США»), 美帝 / «американский империализм», 老美 / «старые америкосы», 老米⁴ / «старый рис», 漂亮国

¹ Игра слов, построенная на омонимии: 鹅 é / «гусь» созвучен знаку 俄 é / сокр. «Россия».

² Сокр. от «украинские нацисты».

³ Лексема 司机 sījī / «водитель» омонимична двум последним знакам антропонима 泽林斯基 zélínsījī «Зеленский», личность которого в китайском медиапространстве оценивается как «недалекий», «односторонний», «дуболомный», т.о. «таксистами», наделенными идентичными качествами, именуют всех последователей Зеленского и его политики.

⁴ Номинация правительства США, содержащее импликацию, что оно «мелкое», т.е. «мелочное».

/ ирон. «государство-красавчик», 联合国 / «ООН», 金主爸爸 / «папик-спонсор», 欧洲韭菜 / «европейские простофили», 不要脸 / «бесчестие», 没底线 / «беспредел», 遮羞布 / «фиговый лист»), конфликт (灭熊战争 / «война, нацеленная на уничтожение медведя», 老美的生意 / «американский бизнес», 乌克兰亡了 / «конец Украине», 老美策略 / «американская стратегия», 一箭三雕⁵ / «Один выстрел – три жертвы»).

Официальные китайские СМИ

24 февраля 2022 г. МИД КНР на своем официальном сайте и масс-медийных порталах опубликовало документ под названием «Позиция Китая в политическом решении российско-украинского конфликта». Полный текст или отдельные пункты этого документа многократно публиковались в лентах новостей и аналитических комментариях рассматриваемых нами национальных изданий. В данном документе отображены 12 основных положений, манифестирующих позицию Китая в отношении СВО:

一、尊重各国主权。公认的国际法，包括联合国宪章宗旨和原则应该得到严格遵守，各国主权、独立和领土完整都应该得到切实保障。国家不分大小、强弱、贫富一律平等，各方要共同维护国际关系基本准则，捍卫国际公平正义。国际法应当得到平等统一适用，不应采取双重标准。

二、摒弃冷战思维。一国的安全不能以损害他国安全为代价，地区安全不能以强化甚至扩张军事集团来保障。各国的合理安全利益和关切都应得到重视和妥善解决。复杂问题没有简单解决办法。应坚持共同、综合、合作、可持续的安全观，着眼世界长治久安，推动构建均衡、有效、可持续的欧洲安全架构，反对把本国安全建立在他国不安全的基础之上，防止形成阵营对抗，共同维护亚欧大陆和平稳定 (Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 2022).

Первое положение декларирует, что Китай строго соблюдает пункты устава ООН, а также международного права и уважает суверенитет каждой страны; любая страна, независимо от того, крупная

и бездушное».

⁵ Обр. стратегические цели США, достигаемые посредством ведения гибридной прокси-войны.

она или нет, сильная она или нет, богатая она или нет, обязана точно соблюдать и поддерживать основные правила международных отношений и поддерживать правосудие и справедливость. В данном положении на эксплицитном уровне Китай говорит о полном подчинении, уважении и следовании правилам, установленным международными организациями. Однако на имплицитном уровне мы обнаруживаем скрытое обвинение конкретных государств, которые являются авторами и участниками создания правил, и в то же время постоянно пытаются обойти их или же истолковать в собственных интересах, что подтверждается последним предложением. В данном предложении использовано сочинительное сочетание 平等统一 / «равенство и единство», предписывающее подчинение правилам всеми без исключения, а не совершение действий в интересах определенной страны; атрибутивное сочетание 双重标准 / «двойные стандарты» имплицитно указывает на мирового гегемона – США.

Во втором положении МИД Китая призывает западных политиков «отказаться от концепции менталитета холодной войны» – 摒弃冷战思维. В продолжении текста указанного пункта развернута аргументация: «Безопасность одной страны не должна быть реализована путем причинения вреда и ущерба другой стране, региональная безопасность не должна основываться на усилении и расширении вооруженных сил». С одной стороны, Китай дает свое видение того, как должна обеспечиваться региональная безопасность. Однако, с другой стороны, этим высказыванием Китай также обвиняет США в бесчисленных вмешательствах во внутренние дела третьих стран в целях обеспечения собственной безопасности и интересов, что продолжено также в следующей директиве: «Законные интересы, связанные с безопасностью каждой страны, должны восприниматься серьезно и должным образом учитываться». Обратим внимание, что в данном высказывании использованы такие лексемы, как 各国 / «каждая страна», 都 – обобщающая частица перед предикатом указывает на то, что

выраженное им действие распространяется на все субъекты и препозиционные обстоятельства в равной мере. В продолжение этого Китай рассуждает о более сложном по сравнению с враждой способе решения конфликта – о диалоге и сотрудничестве, реализация которых гарантирует обеспечение безопасности и интересов каждого государства ЕС и Азии.

三、停火止战。冲突战争没有赢家。各方应保持理性和克制，不拱火浇油，不激化矛盾，避免乌克兰危机进一步恶化甚至失控，支持俄乌相向而行，尽快恢复直接对话，逐步推动局势降级缓和，最终达成全面停火。

四、启动和谈。对话谈判是解决乌克兰危机的唯一可行出路。一切有利于和平解决危机的努力都应得到鼓励和支持。国际社会应坚持劝和促谈正确方向，帮助冲突各方尽快打开政治解决危机的大门，为重启谈判创造条件 and 提供平台。中方愿继续为此发挥建设性作用。

五、解决人道危机。一切有利于缓解人道危机的举措都应得到鼓励和支持。人道主义行动必须遵守中立、公正原则，防止将人道问题政治化。切实保护平民安全，为平民撤离交战区建立人道主义走廊。加大对相关地区的人道主义援助，改善人道主义状况，提供快速、安全、无障碍的人道主义准入，防止出现更大规模人道主义危机。支持联合国在对冲突地区人道援助方面发挥协调作用。

六、保护平民和战俘。冲突当事方应严格遵守国际人道法，避免袭击平民和民用设施，应保护妇女、儿童等冲突受害者，尊重战俘的基本权利。中方支持俄乌交换战俘，各方应为此创造更多有利条件。

七、维护核电站安全。反对武装攻击核电站等和平核设施。呼吁各方遵守核安全公约等国际法，坚决避免出现人为核事故。支持国际原子能机构为促进和平核设施的安全安保发挥建设性作用。

八、减少战略风险。核武器用不得，核战争打不得。应反对使用或威胁使用核武器。防止核扩散，避免出现核危机。反对任何国家在任何情况下研发、使用生化武器 (Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 2022).

Положения три – девять представляют собой четкие рекомендации, направленные странам, напрямую причастным к конфликту, и также отражают намерения Китая и говорят о дальнейших действиях,

которые следует предпринять для решения конфликта.

Так, третье положение анонсировано сочинительным сочетанием 停火止战 / «остановить огонь и прекратить военные действия», после которого Китай приводит аргумент из своей истории и опыта, говоря, что 冲突战争没有赢家 / «в конфликте и войне нет победителя». После этого Китай снова обращается к третьим странам, используя лексему 各方 / «все стороны», и настаивает на том, чтобы данные страны прекратили拱火浇油 / «подливать масло в огонь», и 激化矛盾 / «усугублять конфликт». Данное обращение с одной стороны – рекомендация, однако, с другой стороны, оно выполняет функцию имплицитного обвинения, поскольку Китай считает, что российско-украинский конфликт – конфликт, которого можно избежать: «Сегодняшняя обстановка полностью спровоцирована третьими странами, которые стремятся получить свою выгоду на экономическом и политическом уровнях». В продолжение данного положения Китай использует сочетание 支持俄乌相向而行 / «поддерживать движение России и Украины навстречу друг другу», а также выражает свое желание 尽快 / «как можно быстрее» восстановить диалог между этими государствами.

Четвертое положение – 启动和谈 / «Активизировать мирные переговоры». Здесь Китай выражает свою позицию: 对话谈判是解决乌克兰危机的唯一可行出路 / «Диалог и переговоры – единственный возможно осуществимый выход и решение российско-украинского конфликта»; 一切有利于和平解决危机的努力都应得到鼓励和支持 / «Любая попытка, способствующая мирному решению конфликта, должна поощряться и быть поддержанной». Данные выражения эксплицитно позиционируют Китай, с которой он выступает на международной арене, а именно концепцию 人类命运共同体 / «Сообщество единой судьбы человечества», реализация которой возможна только путем сотрудничества и диалога. Далее, как и в предыдущем положении, Китай дает рекомендацию третьим не причастным странам, содержащую косвенное обвинение: 国际社会应坚

持劝和促谈正确方向,帮助冲突各方尽快打开政治解决危机的大门,为重启谈判创造条件 and 提供平台 / «Международное сообщество должно направить переговоры в правильное русло, тем самым помочь конфликтующим сторонам как можно быстрее найти политическое решение конфликта и создать условия предоставления платформы перезапуска переговоров». Это выражение, несмотря на рекомендательный характер, содержит обвинение мирового сообщества в бездействии. В качестве противовеса Китай заканчивает данное положение таким выражением: 中方愿继续为此发挥建设性作用 / «Китай готов также занимать свою конструктивную позицию по данному вопросу», в котором говорит о своей стабилизирующей функции переговоров.

Пятое и шестое положения напрямую связаны с решением гуманитарных вопросов, которые возникли в результате конфликта. В пятом положении использована конструкция, параллельная фразе четвертого положения: 一切有利于缓解人道危机的举措都应得到鼓励和支持 / «Любая попытка, способствующая смягчению гуманитарного кризиса, должна поощряться и быть поддержанной». Также Китай подчёркивает, что все гуманитарные действия должны осуществляться согласно принципам 中立 / «нейтрализация» и 公正 / «справедливость». Интересным представляется следующее выражение в положении 防止将人道问题政治化 / «предотвратить политизацию гуманитарных вопросов». Употребление данной фразы обоснованно последними событиями и поведением определенных стран по отношению к Китаю, в связи с чем данная фраза выполняет функцию скрытого обвинения. Далее семантика обоих положений эксплицирует обеспечение безопасности мирного населения. В пятом положении предлагаются такие рекомендации со стороны Китая, как 建立人道主义走廊 / «создание гуманитарных коридоров», 加大人道主义援助 / «увеличение гуманитарной помощи». В шестом положении содержится риторика более жесткого высказывания, что проявлено двойным использованием модального глагола 应 / «обязаны», об-

стоятельства 严格 / «строго» и глагольно-объектного сочетания 避免袭击 / «избегать атак и нападений»: 冲突当事方应严格遵守国际人道法,避免袭击平民和民用设施,应保护妇女、儿童等冲突受害者 / «Конфликтующие стороны обязаны строго соблюдать международное гуманитарное право, избегать атак и нападений, направленных на мирное население и объекты гражданского назначения. Стороны обязаны защищать женщин, детей и других пострадавших от конфликта». В шестом положении также поднимается вопрос о военнопленных, с указанием на то, что обе стороны должны уважать их основные права. Полагаем, что два эти положения также содержат неявное обвинение в адрес украинской стороны, поскольку на протяжении всего конфликта наблюдается множество зверских случаев, совершенных украинскими военными в отношении мирного населения, а их действия в отношении военнопленных российских солдат тотально нарушают международные конвенции и право.

Седьмое и восьмое положения поднимают вопрос об атомных энергостанциях и атомном оружии. В обоих положениях Китай настаивает на том, что нанесение ударов по атомным энергостанциям или использование атомного оружия недопустимы ни при каких условиях: 反对武装攻击核电站等和平核设施. Китай пытается призывать международное общество сохранять и поддерживать Конвенцию о ядерной безопасности, а также 坚决 / «твердо и упорно» работать над тем, чтобы не произошла ядерная авария по человеческой вине. В данном случае Китай также апеллирует к Международному агентству по атомной энергии как авторитету. В восьмом положении редуцированы грамматические конструкции с отрицательной формой компонента возможности: 核武器用不得,核战争打不得 / «Ядерным оружием нельзя пользоваться, а ядерную войну нельзя начинать». После чего использовано безличное обращение с модальным глаголом 应 / «обязаны»: 应反对使用或威胁使用核武器 / «Обязаны быть против использования ядерного оружия или угрозы использования ядерного ору-

жия». Данные два положения в большей степени представляют собой обращение к конфликтующим сторонам и западным государствам не допустить эскалацию конфликта, что полностью соответствует внешней политике Китая.

九、保障粮食外运。各方应均衡全面有效执行俄罗斯、土耳其、乌克兰和联合国签署的黑海粮食运输协议，支持联合国为此发挥重要作用。中方提出的国际粮食安全合作倡议为解决全球粮食危机提供了可行方案。

十、停止单边制裁。单边制裁、极限施压不仅解决不了问题，而且会制造出新的问题。反对任何未经安理会授权的单边制裁。有关国家应停止对他国滥用单边制裁和“长臂管辖”，为乌克兰危机降温发挥作用，也为发展中国家发展经济和改善民生创造条件。

十一、确保产业链供应链稳定。各方应切实维护现有世界经济体系，反对把世界经济政治化、工具化、武器化。共同减缓危机外溢影响，防止国际能源、金融、粮贸、运输等合作受到干扰，损害全球经济复苏。

十二、推动战后重建。国际社会应采取措施支持冲突地区战后重建。中方愿为此提供协助并发挥建设性作用 (Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China, 2022).

Три финальных положения также адресованы всему мировому сообществу. Они содержат два главных ориентира. Во-первых, Китай предлагает обеспечить транспортировку зерна для решения всемирного продовольственного кризиса; прекратить односторонние санкции в целях развития экономики и улучшения жизни населения и поднять экономику страны; а также обеспечить стабилизацию цепочек производства и поставок для того, чтобы предотвратить возможные ограничения и барьеры в таких сферах международного сотрудничества, как энергия, финансы, сельское хозяйство, торговля, логистика, и избежать всех возможных ущербов в восстановлении всемирной экономики». В каждом из вышеперечисленных положений Китай приводит глобальную цель, связанную с интересами многих стран мира, призывая нейтраль-

ные страны в присоединении к китайской позиции. Во-вторых, в девятом и десятом положениях Китай осуществляет попытку побудить западные страны к нормализации ситуации, связанной с внешним санкционным давлением, направленным на Россию, по крайней мере, хотя бы в рамках крупных международных сделок. В девятом положении это маркировано фразой «各方应均衡全面有效执行俄罗斯、土耳其、乌克兰和联合国签署的黑海粮食运输协议 / «Все стороны должны эффективно и надлежащим образом выполнять соглашение по экспорту зерна через Черное море, подписанное Россией, Турцией, Украиной и ООН». В десятом положении Китай уже более явно выражает отношение к односторонним санкциям: «单边制裁、极限施压不仅解决不了问题，而且会制造出新的问题 / «Односторонние санкции и оказание сильнейшего давления не только не смогут решить вопросы, но и спровоцируют возникновение новых проблем». Данные положения выдвинуты, как мы полагаем, в соответствии с китайской философской концепцией сохранения отношений «做人留一线，事后好相见 / «букв. при общении с людьми оставляйте нить (между вами), чтобы и потом можно было общаться». Смыслы, постулированные в девятом положении, представляют собой некую «нить» между западными странами и Россией, так как однажды конфликт исчерпает себя и отношения нужно будет восстанавливать. В связи с этим в десятом положении Китай более открыто выражает свою позицию. Так, сохранение договора о перевозке зерна на Черном море, предложенное в пункте девять, играет важную роль в дальнейшем будущем, что способствует налаживанию отношений между США, странами ЕС и Россией. Одиннадцатое положение также содержит косвенное обвинение западных стран в мировой насильственной гегемонии «反对把世界经济政治化、工具化、武器化 / «выступаем против превращения мировой экономики в политическое оружие и рычаг давления».

Двенадцатое положение содержит экспрессивное побуждение мирового сообщества оказать содействие в восстановлении

постконфликтным территориям –推动战后重建。

Этим документом, обозначившим лейтмотив китайских статей, посвященных СВО за исследуемый период, Китай обозначил свою позицию в отношении к этому событию. Пул исследованного материала свидетельствует о том, что медиаобраз СВО, создаваемый китайскими официальными СМИ, – это вынужденная ответная реакция России на гибридную войну в крайней стадии ожесточения, которая также ведётся чужими руками и развязана Вашингтоном против России в рамках глобального межкультурного противоборства. Китайские официальные новостные издания указывают, что концепция прокси-войны реализуется с учётом принципа взаимодействия и взаимозависимости трёх участников вооружённого конфликта:

- государства-заказчика (США);
- государства-мишени, выступающего в роли объекта прокси-войны (Россия);
- третьей стороны – собственно прокси-агента (Украина), действиями которого во внутренней и внешнеполитической сфере манипулирует заказчик.

При этом данной прокси-войне присущ асимметричный характер в первую очередь за счёт способности гибко управлять эскалацией военного конфликта и демонстрировать противнику наличие широкого диапазона силовых и не силовых средств и методов воздействия государства-заказчика на государство-жертву.

В статье 美就中国涉俄乌冲突立场文件发出无端指责 海外网友:厚颜无耻! / «Соединенные Штаты выдвинули необоснованные обвинения в отношении документа с изложением позиции Китая по российско-украинскому конфликту. Комментарии зарубежных интернет-пользователей по этому поводу: «США, как вам не стыдно!» аспекты СВО осмысляются в сочетании с принципами фактографичности относительно информирования о действительно имевших место фактах и художественности, связанной с воздействием на аудиторию:

一年多来,乌克兰危机这场被称为“21世纪以来欧洲最大规模的军事冲突”未见和平

曙光,美国不断拱火递刀,唯恐天下不乱,还肆意抹黑积极劝和促谈的中国。据外媒报道,美国国务卿布林肯3月1日称,如中方真心实意对待《关于政治解决乌克兰危机的中国立场》文件中所提的首条原则“尊重各国主权”,就应在过去一年支持乌克兰完全恢复主权。但中方一直背道而驰,助俄进行宣传,现在正考虑向俄提供致命性军事援助。中方不能“脚踩两条船”,一边对外树立自身维护和平的形象,一边又以各种方式火上浇油。自乌克兰危机爆发以来,美国就是乌克兰战场的最大武器提供者。美国口口声声要维护和平,实际上却大发战争财,美国军工企业从乌克兰战场赚得盆满钵满。在乌克兰问题上,中国坚持客观公正立场,致力于劝和促谈,推动危机政治解决,始终站在和平一边,站在对话一边。”中国外交部发言人毛宁在2日的外交部例行记者会上表示,美国一直向乌克兰战场输送致命性武器,还四处煽风点火,散布虚假信息,中方坚决反对。美国应当反躬自省,停止混淆视听、信口开河、以己度人,切实承担起自身责任,做劝和促谈、缓和局势的事,停止对其他国家说三道四,指手画脚,污蔑抹黑 (Global Times Net, 2023).

В данном фрагменте новостной статьи отмечается, что российско-украинский конфликт является 21-м столетием Европы крупнейшим военным конфликтом на территории Европы XXI в.». Автор статьи использует метафору 曙光 / «рассвет» сразу после лексемы 和平 / «мир», указывая на то, что до мира еще очень долгий путь. Действия США автор статьи описывает такими выражениями, как 拱火递刀 / «подливает масло в огонь и подает ножи», 唯恐天下不乱 / «боится, что хаос в мире исчезнет». В статье также поднимается вопрос об оказании военной помощи. Автор цитирует выступление госсекретаря США Энтони Блинкена, где политик 指责中国“正考虑向俄提供致命性军事援助” / «обвиняет Китай в оказании России военной помощи смертельного уровня», когда фактически США являются крупнейшим поставщиком военной техники прокси-агенту – Украине. В связи с чем автор затем приводит жесткий ответ представителя пресс-службы МИД КНР Ван Вэньбиня на претензию Энтони Блинкена с использованием таких лексических комбинаций, как 没有资格 / «не

имеет никаких прав», 发号施令 / «отдавать приказы и распоряжения» и идиомы 指手画脚 / «букв. размахивать руками и ногами; обр. диктовать, приказывать». Кроме этого, такие действия США китайский политик рассматривает как угрозу и оказание давления – 胁迫施压.

В продолжение автор статьи приходит к выводу о двуличности демонстрируемой США, используя фразу 美国口口声声要维护和平, 实际上却大发战争财, 美国军工企业从乌克兰战场赚得盆满钵满 / «Америка, с одной стороны, громко кричит, что она на стороне мира и справедливости, а с другой стороны, она зарабатывает на войне золотые горы – все чаны и тарелки американских производителей военной техники наполнены деньгами».

В конце статьи автор вновь подчеркивает созидательную и активную позицию Китая в решении российско-украинского конфликта: 中国始终站在和平一边, 站在对话一边 / «Китай всегда выступает за мир и диалог». Статья заканчивается цитатой представителя пресс-службы МИД КНР Мао Нин, характеризующей политику США такими синтаксическими единствами, как 四处煽风点火 / «повсеместное поджигание и раздувание конфликта», 散布虚假信息 / «распространение ложной информации», рекомендуемой США 停止混淆视听、信口开河、以己度人、对其他国家说三道四, 指手画脚, 污蔑抹黑 / «Прекратить пускать пыль в глаза, распускать язык, мерить людей по себе, нести сумбур и делать безответственные высказывания в адрес других государств, давать указания, опоганивать, осквернять, опорочивать и мазать грязью другие страны».

Медиаобраз СВО в том числе включает стратегии поведения России, репрезентируемые в китайских СМИ: 2024 年伊始, 双方交锋日趋激烈。连日来, 乌军对顿涅茨克、克里米亚及别尔哥罗德等地发动袭击, 俄军则对乌克兰基辅市、基辅州、哈尔科夫市等多地实施空袭。而在战火之下, 俄乌双方1月3日在阿联酋的斡旋下实现了冲突以来最大规模的换俘 (Pengpai News, 2024). В данном фрагменте указано, что, несмотря на более сильную и устойчивую позицию на фронте, Россия

пошла навстречу Украине в вопросе обмена пленными. Тем самым создан положительный образ великого государства, уважающего противника и его права и соблюдающего все международные конвенции.

Оценка действий российского президента В.В. Путина также является составляющим элементом медиаобраза СВО: 2023 年12月, 普京自俄乌冲突爆发以来首访中东, 而他此次“罕见”海外出访的首个目的地正是阿联酋。会谈期间, 两国领导人就能源合作、巴以冲突、俄乌冲突等问题进行探讨。普京还表示, 俄罗斯与阿联酋的关系已达到“前所未有的高水平”, 阿联酋是俄罗斯在阿拉伯世界的主要贸易伙伴 (New Hunan News, 2024). В текстах китайских СМИ сформирован положительный образ президента Российской Федерации: решительный, мужественный, волевой патриот, сильный лидер, способный отстаивать интересы своей страны без вмешательства третьих стран и применения ядерного оружия: 在新年讲话中, 普京并未直接提到俄乌冲突, 但称俄罗斯“永远不会退缩”。而在1月1日会见俄特别军事行动的伤员时, 普京表示, 俄罗斯希望尽快结束俄乌冲突, 但必须基于俄方的条件, 俄方不会放弃自己的立场。普京同时强调, 乌克兰本身并不是俄罗斯的敌人, 西方那些“想要摧毁俄罗斯国家体制、想要俄罗斯在战场上遭受战略失败的人”才是俄罗斯的敌人。他还指出, 西方的言论最近重新聚焦于如何“迅速结束冲突”、开始讨论有关谈判的问题 (Pengpai News, 2024).

Анализ публикаций официальных китайских СМИ позволил выявить ряд специфических приемов, используемых в формировании медиаобраза СВО, к которым относится и активное привлечение экспертных оценок для анализа конфликтной ситуации: 中国社科院俄罗斯东欧中亚研究所国际问题专家张弘指出, 尽管俄乌冲突双方在新的一年里大概率将维持僵持状态, 但不排除战争烈度会继续升级。鉴于俄罗斯与西方在乌克兰问题上的僵持成本不断上升, 突袭可能会越来越多 / «Чжан Хун, эксперт по международным вопросам Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук, отметил, что хоть участники российско-украинского конфликта, скорее

всего, продолжают оставаться в такой же тупиковой ситуации, однако он не исключает, что эскалация конфликта продолжит нарастать. Число военных действий вероятно, увеличится, учитывая растущие издержки противостояния России с Западом из-за Украины» (China Youth Daily, 2024).

Обобщая, можно отметить, что конструирование медиаобраза СВО в китайских официальных СМИ носит «взвешенный» и «объективный» характер. Изученные издания допускают, но минимизируют оценочные суждения и дегуманизацию одной из сторон межэтнического конфликта – США, государства-заказчика прокси-войны, «войны, которая ведется чужими руками», хотя общая направленность публикаций свидетельствует о дискурсивном конструировании четких образов «государства-заказчика» и «государства-жертвы».

Китайские медийные веб-порталы

Предметом исследования также выступили сообщения, размещенные на китайских интернет-форумах, где исходным стимулом является СВО.

Спецификой конструирования медиаобраза СВО в этих сообщениях является резкость и безапелляционность суждений, использование уничижительных определений, этнических и прочих кличек. Как следствие, тексты сообщений избобилуют обценной лексикой.

最终乌克兰会不复存在! / «В конце концов Украина перестанет существовать!» (Zhihu, 2024).

乌克兰爱国热情最多再坚持三个月而已。怎么赢? 欧美什么玩意谁还没点B数? / «Патриотический пыл Украины продлится максимум три месяца. Как победить? Разве нет бл*** понимания, какая Америка и Европа?» (Zhihu, 2024).

乌克兰政府草台班子看不懂而已。/ «Ба-лаган украинского правительства просто не может этого понять» (Zhihu, 2024).

基辅伪政权还是没见过世面。/ «Киевская марионеточная власть еще не видела этот мир» (Zhihu, 2024).

俄罗斯要是在乌克兰地面上搞不定这些二把刀军人, 那早点五常让位换印度吧。

/ «Если Россия не смогла бы справиться с этими солдатами-недоучками на территории Украины, то она бы уже не была одним из пяти постоянных членов ООН, и на ее место села бы уже Индия» (Zhihu, 2024).

我今天撂话在这里, 泽连斯基枪法没我准, 历史没我熟, 他这一波是送定了。/ «Поверьте мне на слово, мало того, что Зеленский стреляет не так метко, как я, да он даже историю знает хуже меня, ему конец» (Zhihu, 2024).

这两天打得挺有意思的。乌贼继续搞刺客行动, 俄军继续拆迁。/ «Эти два дня были очень интересными. Украинские разбойники продолжают проводить операции по убийствам, а российская армия продолжает работы по сношению и перенесению домов» (Zhihu, 2024).

亚速营炮击自己的民防设施载脏俄罗斯, 幸好民防设施坚固, 只是上面的大剧院没了。看地图这些纳粹应该没几天了。/ «“Азов” сам бомбил свои же объекты гражданской обороны и сваливал это на Россию. К счастью, они хорошо укреплены, но большой театр был разрушен. Судя по карте, эти нацисты долго не проживут» (Zhihu, 2024).

乌贼报告红圈处又歼灭俄军了。我寻思怎么俄军跑到那去了特地被歼? / «Украинские разбойники сказали, что они опять уничтожили военные силы РФ в красных кружочках. А я сижу и думаю, зачем это российские военные силы туда отправились, специально чтобы их истребили?» (Zhihu, 2024).

他们说乌贼扫射他们那一队难民车辆, 除了大人以外, 死了两个儿童。/ «Они сказали, что украинские разбойники обстреливали их транспортные средства для перевозки беженцев, кроме взрослых еще умерло двое детей» (Zhihu, 2024).

二逼拆了俄乌统一300周年纪念碑。/ «Идиоты снесли памятник 300-летию объединения России и Украины» (Zhihu, 2024).

再谈一下乌伪政府的作死吧。这些逼列了个清单, 目前还没在俄罗斯关闭的欧美公司。/ «Давайте поговорим о стремлении к самоубийству марионеточного правительства

⁶ Игра слов, построенная на омонимии: 乌贼 wūzéi / «каракатца» созвучен сокращенному варианту «украинские разбойники» / 乌贼 wūzéi.

Украины. Эти уроды составили список европейских и американских компаний, которые еще не закрылись в России» (Zhihu, 2023).

Украина сейчас явно неспособна вступить в НАТО. Неужели США проиграли? Все пользователи сети говорят, что США победили, их цель достигнута» (Weibo, 2024).

Эта война уже нельзя называть российско-украинской войной, точнее, ее следует называть Войной по истреблению медведя. Все системы Запада, включая финансовую систему, систему разведки, систему вооружений, систему подкрепления, систему поддержки, систему благотворительности, торговую систему и сетевую систему – все они присоединились к украинской армии в битве против России» (Weibo, 2023).

Украинская война – это битва между Востоком и Западом. Никто не может победить. Для достижения относительной стабильности необходимы взаимные сдерживания и противовесы» (Weibo, 2023).

Отсутствие опыта, недостаток ресурсов, отсутствие единого командования – все это привело к поражению России. Никто не может победить. Для достижения относительной стабильности необходимы взаимные сдерживания и противовесы» (Weibo, 2023).

Гитлер также не смог победить Россию. Сегодняшняя НАТО – это всего лишь продукт «холодной войны», сброд клоунов, строящих козни друг против друга, подозревающих друг друга и заботящихся только о своих интересах. Ее следовало распустить вместе с прекращением действия Варшавского договора. Ее члены связаны друг с другом только своими малодушными интересами. Такой организации еще более невозможно победить Россию» (Weibo, 2024).

Украина от исторически не была страной в строгом смысле этого слова. Она всегда была разменной монетой или полем битвы между крупными силами. Тот, кто победит, того и будет слушать Украина. Не существует даже четких границ территории Украины. Как обозначит победитель, так и будет; какие земли отдаст Украине победитель, те и будут называться Украиной» (Weibo, 2024).

Украинская война – это битва между Востоком и Западом. Никто не может победить. Для достижения относительной стабильности необходимы взаимные сдерживания и противовесы» (Weibo, 2023).

Украинская война – это битва между Востоком и Западом. Никто не может победить. Для достижения относительной стабильности необходимы взаимные сдерживания и противовесы» (Weibo, 2023).

我不相信一个演员能有多大的政治影响力，他只是个傀儡，没有任何话语权。等11月一过，金主爸爸拿不出来钱的时候，乌克兰就是狡兔死，走狗烹的结局。 / «Я не верю, что актер может иметь большое политическое влияние. Он – всего лишь марионетка, не имеющая права голоса. Когда только пройдет ноябрь, когда шугар-дэди не сможет найти деньги и спонсировать Украину, то тогда Украина не сможет избежать плохого конца» (Weibo, 2024).

首先乌克兰不敢停，停下来泽连斯基会被斩首。财团会被清算。美国认为无法通过俄罗斯对抗中国。欧洲很想停，领导人认为政治任务已经完成再打下去就是损耗欧洲。 / «Прежде всего, Украина не посмеет остановиться. Если она остановится, Зеленский будет убит, а банковские консорциумы будут ликвидированы. США считают, что не могут противостоять Китаю через Россию. Европа тоже хочет остановиться. Ее лидеры считают, что политическая задача выполнена и продолжение борьбы будет потерей для Европы» (Weibo, 2024).

俄乌战争正是在这样的前提下产生的，美国利用乌克兰在战略上极限施压俄罗斯，逼俄罗斯动手，拖北约的欧洲国家下水，引导资金回流华尔街，同时利用战争打击俄罗斯，削弱其军事实力。 / «Война между Россией и Украиной зародилась на следующей почве: США использовали Украину для оказания максимального стратегического давления на Россию, вынуждая Россию к военным действиям, тем самым втягивая европейские страны и НАТО и направляя их деньги обратно на Уолл-стрит. В то же время США жаждут, используя войну, нанести удар по России и ослабить ее военную мощь» (Weibo, 2023).

驻扎在乌克兰南部地区的乌克兰武装部队炮击了顿涅茨克，但却认为顿涅茨克是乌克兰的，俄罗斯必须为夺取乌克兰人的生命负责。乌克兰武装部队，这是疯了么!!! / «Украинские вооруженные силы, дислоцированные на юге Украины, обстреляли Донецк, но при этом считают, что Донецк принадлежит Украине и что ответственность за гибель жителей в Донецке должна нести Россия. Вооруженные Силы Украины, вы с ума сошли?!?!?!» (Observer, 2024).

二毛是毫不掩饰，跟犹太公开炸加沙人一样 / «Младшие славяне (украинцы) не скрывают ничего, точно так же, как иудеи открыто бомбили Газу» (Observer, 2024).

大毛要是杀红眼了，整个乌克兰早就变成坟场了 / «Если бы старшие славяне (русские) потеряли рассудок, то вся Украина уже превратилась бы в кладбище» (Observer, 2024).

所以美国不断在欧洲周遍制造动乱，离间欧俄关系。美国不可能直接与俄罗斯对抗，拼命有危险的事情肯定不能自己干，所以需要合适的代理人(耗材、炮灰)。 / «Поэтому США продолжают сеять волнения по всей Европе и вставлять палки в колеса взаимодействию Европы и России. США не могут напрямую противостоять России и уж точно не могут делать опасные вещи самостоятельно, поэтому им нужны подходящие прокси-агенты в качестве расходного материала и пушечного мяса» (Observer, 2024).

乌克兰人民何其不幸，选出一个极善蛊惑人心、自大傲慢、不惜拿全国人民性命身家冒险的演员总统。命乎? 悲哉! 乌克兰人民，过去不可挽，及时止损吧! / «Очень не повезло украинскому народу избрать президентом чрезвычайно хорошего в демагогии, заносчивого и высокомерного актера, который готов рисковать жизнями и имуществом народа. Судьба? Как печально! Украинский народ, прошлое необратимо, одумайтесь, остановите свои потери!» (Observer, 2024).

中国参与者讨论会上在互联网论坛上会达成一致，认为俄罗斯政府的行为绝对是合法的，有理由的，俄罗斯军队有能力控制正在出现的冲突。非常激进地，沟通者使用讽刺和夸张在他们的评论中，这允许实现更清晰的象征性分界线 «хороших Своих» и «плохих Чужих»。

Заклучение

媒体形象 СВО в китайском медиапространстве являет собой суммарное представление, совокупность образов не только фактически производимых действий всех участников конфликта, но и тех впечатлений, реакций на этот конфликт,

в которые вложены послания к массовой аудитории. Особо стоит подчеркнуть, что на формирование медиаобраза СВО в журналистском тексте китайских официальных СМИ влияет не столько мировоззренческая позиция автора, сколько позиция редакционного коллектива, концепция издания, установки китайского МИДа. Китайские общенациональные СМИ, равно как и китайские медийные веб-порталы, формируют положительный медиаобраз СВО, при этом они содержат критику действий Украины и ее союзников, репрезентированную в обоих модусах передачи медиаобраза этого события и его элементов.

Лингвокоммуникативными инструментами формирования медиаобраза СВО в китайских медийных практиках социального конструирования выступают: 1) лексика с оценочными коннотациями в заголовочном комплексе медиатекста и/или его основной части; 2) проведение сравнительных параллелей с историческими событиями (следует отметить, что участники китайских интернет-форумов демонстрируют глубокие знания исторического контекста); 3) антитеза, в ходе использования которой характеристики государства-мишени обретают положительные коннотации, а характеристики прокси-агента и государства-заказчика – отрицательные; 4) преимущественно негативные коннотации в отношении Украины, США и стран

ЕС посредством использования грамматических, лексических и стилистических средств, включая преднамеренную игру слов, основанную на омонимии (актуализация имплицитных негативных коннотаций свойственна текстам официальных китайских СМИ, эксплицитных – китайским медийным веб-порталам); 5) генерализация суждений, т.е. экстраполирование мнения-оценки относительно одного факта на всю политическую систему государства; 6) персонализация – отождествление всей политической системы с конкретными политическими лидерами.

Китайская официальная пресса и медийные веб-порталы придерживаются позиции того, что СВО – это вынужденная ответная реакция России на ведущую против нее гибридную прокси-войну США и их союзниками. При этом часть позитивных оценок СВО и России как государства-мишени и негативных оценок действий государств-заказчиков, США и ЕС, и прокси-агента Украины авторами текстов выражаются эксплицитно, словами, формулировками, адресованными рациональному восприятию читателей. Другая же их часть передается через подтекст, через эмоциональный фон описываемого события и воздействует на эмоциональную сферу читателей, на подсознание, имманентно транслируя аудитории оценочную составляющую СВО.

Список литературы / References

Anhol't S., Hil'dret D. *Brand America: mat' vseh brendov: kak kul'turnye tsennosti odnoi natsii zavoyvaiut serdtsa i umy millionov liudei v drugih stranah blagodaria pravil'no postroennym marketingovym strategiyam* [Brand America: the mother of all brands: how the cultural values of one nation win the hearts and minds of millions of people in other countries thanks to the right marketing strategies]. Moscow, Dobraia kniga. 2010, 231.

Babaian V.G., Iur'ev V.M. Poiski novogo unifikirovannogo obraza Rossii: illiuzii i real'nost' [The search for a new unified image of Russia: illusions and reality]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]. 2008, 4, 300–304.

Bakulev G.P. *Massovaia kommunikatsiia: Zapadnye teorii i kontseptsii* [Mass communication: Western theories and concepts]. Moscow, Aspect Press. 2010, 287.

Barabash V.V., Bordiukov G.A., Kotelenets E.A. *Obrazy Rossii v mire* [Images of Russia in the world]. Moscow, Assotsiatsiia issledovatelei rossiskogo obshchestva. 2011, 178.

Bogdan E.N. *Mediaobraz Rossii kak sredstvo konsolidatsii obshchestva: strukturno-funktsional'nye harakteristiki* [The media image of Russia as a means of consolidating society: structural and functional

characteristics]: dis. ... k. filol. nauk: 10.01.10, Moskva, 224 (Dissertation of Candidate of Philology Sciences: 10.01.10, Moscow. 2007, 224.

China Daily. 2022–2024. <https://cn.chinadaily.com.cn/>.

China News Service. 2022–2024. Available at: <https://www.chinanews.com.cn/>.

China Youth Daily. 2024. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1787202220850476517&wfr=spider&for=pc/>.

Chistiuhina, E. A. Mediaobraz V. V. Putina v angloiazuchnyh SMI [Media image of V. V. Putin in English-language media]. In: *Na peresechenii iazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniia [At the intersection of languages and cultures. Current issues in the humanities]*. 2023. 2(26), available at: http://univers-plus.ru/na-peresechenii-iazikov-i-kultur.-aktualnye-voprosy-gumanitarnogo-znaniia_2023_2_26.

Debre R. *Vvedenie v mediologiiu [Introduction to mediology]*. Moscow, Praxis, 2010, 441.

Ermolaeva S. U. Formirovanie mediaobrazia V. V. Putina v sovremennyh zarubezhnyh SMI [Formation of the media image of V. V. Putin in modern foreign media]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia [Social and humanitarian knowledge]*. 2017. 8, 128–151.

Gadzhiev K. S. Imidzh kak instrument kul'turnoi gegemonii [Image as a tool of cultural hegemony]. In: *Mirivaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World economy and international relations]*. 2007. 12, 3–14.

Galumov E. A. *Mezhdunarodnyi imidzh Rossii: strategii formirovaniia [International image of Russia: strategy of formation]*. Moscow, Izvetiia, 2003. 321.

Global Times Net. 2023. Available at: <https://opinion.huanqiu.com/article/4BzeLwGo0Qw/>.

Gorbal' D. E. Sovremennye podhody k fenomenu mediaobrazia [Modern approaches to the phenomenon of media image]. In: *Nauka i obrazovanie segodnia [Science and education today]*. 2020. 11(58), 72–75.

Gabel'nikov A. A. *Sredstva massovoi informatsii postsovetsoi Rossii: piatnadsat' let spustia [Mass media of post-Soviet Russia: fifteen years later]*. Moscow, RUDN, 2008, 215.

Grinberg T. E. Obraz strany ili imidzh gosudarstva: poisk konstruktivnoi modeli [Country image or state image: search for a constructive model]. In: *Mediaskop [Mediascope]*. 2008, 2, available at: www.mediascope.ru/node/252.

Kastel's M. *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information age: economy, society and culture]*. Moscow, Nauka, 2000. 382.

Lin, Ch. Analiz osnovnyh podhodov k diskursivnoi reprezentatsii deiatel'nosti politicheskikh liderov [Analysis of the main approaches to the discursive representation of the activities of political leaders]. In: *Rossiisko-kitaiskie issledovaniia [Russian-Chinese studies]*. 2020, 4(2), 184–194.

Lukina M. M., Fomicheva, I. D. *SMI v prostranstve interneta [Media on the Internet]*. Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2005, 241.

Makliuen G. M. *Global'naia derevnia [Global village]*. Moscow, AST, 2011, 311.

Marushchak A. V. Politico-sotsial'nyi obraz Rossii v amerikanskom mediaprostranstve [Political and social image of Russia in the American media space]. In: *Zhurnalistskii ezhegodnik [Journalist's Yearbook]*. 2012, 1, 93–96.

Observer. 2022–2024. Available at: <https://www.guanchna.cn/international/>.

Official website of the Ministry of Foreign Affairs of China. 2022–2024. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/>.

Pankruhin A. P. *Marketing territorii [Territory marketing]*. Moscow, RAGS, 2002, 327.

Pengpai News. 2022–2024. Available at: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_25911940/.

People's Daily. 2022–2024. Available at: <http://www.people.com.cn/>.

Pochepstov G. G. *Imidzhelogiia [Imageology]*. Moscow, Repl buk. 2000, 453.

Prohorov E. P. *Vvedenie v teoriu zhurnalistiki [Introduction to journalism theory]*. Moscow, Aspekt Press, 2011, 351.

Smirnov S. D. (). Mir obrazov i obraz mira [World of images and image of the world]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*. 1981, 2, 15–29.

Xinhuan. 2022–2024. Available at: <https://m.voc.com.cn/xhn/news/202401/19253660.html/>.

Xinhua News Agency. 2022–2024. Available at: <http://www.news.cn/>.

EDN: UWVYDD
УДК 811.111(=1–81)(739.8)

Alaskan English: Regional, Generational, Ethnic and Cultural Peculiarities

Anastasia A. Grigoryeva* and Mira B. Bergelson

*HSE University
Moscow, Russian Federation*

Received 22.10.2023, received in revised form 02.11.2023, accepted 08.04.2024

Abstract. Alaskan English (AE) refers to a regional variety of English in Alaska, previously known as Village English. Surprisingly, with a lot of research of English as lingua franca and also of the numerous variants or dialects of English, this particular variety has not received much attention from scholars and still remains largely underinvestigated. AE has distinct linguistic characteristics as compared to Standard American English, the emergence of which can be considered the result of incomplete language acquisition, contact phenomena, including with Russian and Alaskan Native languages, and the influence of numerous sociolects. The present work encompasses the analysis of English language narratives of Native Alaskans (mainly Athabaskans) who live in the Upper Kuskokwim region. One of the aims of this research project is to explore the specificities of Alaskan English that may depend on the ethnic, social and generational differences of its speakers, as well as the ways of its acquisition.

Keywords: linguacultural community, Alaska, regional variety, English, Russian America.

Research area: social structure, social institutions and processes.

Citation: Grigoryeva A. A., Bergelson M. Alaskan English: Regional, generational, ethnic and cultural peculiarities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 993–1004. EDN: UWVYDD

Аляскинский английский: этнические, культурные и поколенческие особенности

А.А. Григорьева, М.Б. Бергельсон

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Термин «аляскинский английский» (англ. Alaskan English; AE) относится к специфической региональной разновидности английского коренных жителей Аляски, ранее известной как Village English. Несмотря на то что существует множество исследований, посвященных английскому языку как лингва франка и его разновидностям, аляскинская разновидность до сих пор не получила должного внимания со стороны научного сообщества. Аляскинский английский имеет ряд отличающих его от стандартного американского английского характеристик, сформировавшихся в результате неполного усвоения языка коренными жителями, культурных и языковых контактов (в частности, с русским и местными языками), а также влияния различных социолектов. В данной работе особенности феномена проанализированы через нарративы нескольких поколений атабасков, коренных жителей Аляски, проживающих в районе верхнего течения реки Кукоквим. Основной целью исследования предстает рассмотрение характерных черт аляскинского английского, в том числе зависящих от этнических, социальных и поколенческих особенностей говорящего, а также условий освоения им английского языка.

Ключевые слова: лингвокультурное сообщество, Аляска, региональный вариант, английский язык, Русская Америка.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Григорьева А. А., Бергельсон М. Б. Аляскинский английский: этнические, культурные и поколенческие особенности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 993–1004. EDN: UWVYDD

Введение

Как известно, в мире насчитывается великое множество региональных разновидностей английского языка. Одной из наиболее интересных с позиции научных исследований является разновидность английского, используемая коренными жителями сельских районов Аляски (так называемых бушей) и известная до 70-х годов прошлого века в основном под названием Village English (Jones et al., 2013: 4). Стоит отметить, что данный термин не относится к различным вариациям

английского «белого» населения Аляски, прибывшего на территорию сравнительно недавно; можно сказать, что английский этих групп практически не отклоняется от стандарта, в отличие от языка коренного населения. Несмотря на то что феномен аляскинского английского существует уже продолжительный период времени, он до сих пор остается малоисследованным. Упоминания о явлении редко можно встретить в перечнях региональных вариантов, и сегодня по-прежнему крайне малое количество исследователей

в своих работах полноценно раскрывают тему с точки зрения характеристик и функционирования Alaskan (Village) English, причин его появления и распространения, а также других не менее важных аспектов. По этой причине необходимо глубокое и всестороннее изучение специфики региональной разновидности английского коренных жителей штата (в том числе ее вариаций) и наиболее вероятно повлиявших на нее факторов.

Целью исследования, о котором пойдет речь в данной статье, является выделение главных характеристик и социолингвистических особенностей английского языка коренного населения Аляски, включая те, что отличают разновидность от стандартного американского английского. Основой для исследования предстает английский, используемый группой индейцев-атабасков, проживающих в районе верхнего течения реки Кукоквим. Что касается непосредственно материалов для представляемого анализа, ими стали транскрипты интервью на английском языке, включающие в себя нарративы мужчин и женщин-старейшин (так называемых *elders*) населенного пункта Николай, которые были собраны во время экспедиций на Аляску. Выбранная группа жителей представляет собой единственное в рассматриваемой местности двуязычное поколение, и, к сожалению, значительной части респондентов уже нет в живых. Поделившиеся рассказами представители старшего поколения были рождены в 20–30-х годах 20 века, в раннем детстве вели традиционный для местности образ жизни и владели исключительно верхнекусоквимским языком. Позднее они стали свидетелями языкового сдвига, который из-за труднодоступности начался в районе их проживания немного позже, чем в других, но происходил достаточно стремительно; его точкой отсчета можно считать открытие школы в 1948 году (Rodli, 1963). Члены группы приступили к освоению английского в школьном или старшешкольном возрасте, однако некоторые начали учить его даже позже. Несмотря на данный факт, они почти полностью стали вести общение со своими детьми на английском. Помимо

этого, дополнительно в качестве материала были проанализированы интервью со следующим поколением, людьми, родившимися в 50–60-х годах прошлого столетия, для которых аляскинский английский является основным (и часто единственным) языком коммуникации либо с рождения, либо с ранних школьных лет. Анализ материалов сосредоточен на характерных особенностях употребления английского языка старшими билингвами и более молодыми поколениями, в частности на построении и структуре высказываний, использовании дискурсивных маркеров и местной лексики, культурно-коммуникативных формулах и моделях, а также социокультурном контексте. Методологической базой для проведения исследования послужили принципы дискурсивного и сопоставительного анализа (Григорьева, 2022).

Языковая ситуация на Аляске в историческом контексте

Коренные народы Аляски достаточно многочисленны и разнообразны. Их можно объединить в три основные категории: алеуты, эскимосы и индейцы; к категории «индейцы» обычно относят атабаскские народы (включая верхнекусоквимцев, или колчан), а также тлинкитов, хайда, цимшианов, аяков и т.д. (Barnhardt, 2001). Каждая из групп придерживалась различных традиционных промыслов и занятий, а также обладала своим уникальным языковым наследием. Согласно выдвигаемым специалистами предположениям, на всей нынешней территории штата до начала периода иностранного освоения использовалось около 300 небольших языков. Однако с течением времени и упрочнением позиции пришедших извне групп их количество значительно сократилось; как следствие, на сегодняшний день «выжили» только лишь 20 коренных языков (Krauss, 1980).

Глубокий след на языковой ситуации на Аляске оставила русская колонизация и функционирование Российско-Американской компании (РАК), занимающейся добычей доступных в регионе ресурсов, прежде всего ценных мехов

(Голомидова и др., 2016). Тогда большое влияние получили русская культура и православное вероисповедание. Вместе с этим, благодаря просветительской деятельности православных миссионеров, разрабатывавших письменность местных языков и открывавших призванные повысить грамотность населения двуязычные учебные заведения, значение и распространение приобрел и русский язык (Barnhardt, 2001). Так, в вокабуляр жителей прочно вошли термины, обозначающие ранее не встречаемые предметы быта, товары и различные виды деятельности, а также понятия, связанные с религией (Петров, 2016; Шеина и др., 2020). В качестве еще одного фактора, укрепившего положение русского языка и развитие двуязычия у населения, можно считать смешанные браки между коренными жителями и русскими колонизаторами, благодаря которым появлялись билингвы, являвшиеся «языковыми посредниками» и способные вести коммуникацию как на русском, так и на аборигенных языках (Голомидова и др., 2016). Немаловажным феноменом, демонстрирующим русское влияние, является и особый вариант русского языка, аляскинский русский, в наибольшей степени сохранившийся в поселении Нинильчик (Бергельсон и др., 2018).

После продажи Аляски Соединенным Штатам Америки в 1867 году и начала американской колонизации, в особенности после начала «золотой лихорадки», на территорию хлынули многочисленные англоязычные группы, обладавшие своей спецификой и в том числе использовавшие различные социолекты (Разумовский, 2015). Они образовывали новые диаспоры, которые со временем становились старыми, в свою очередь, привнося вклад в региональный английский. Со временем они заняли доминантное положение относительно коренных народов и заметно ограничили их в правах. Из-за ассимиляционной политики и сегрегации населения на «цивилизованных белых» и «диких аборигенов» использование родных языков Аляски начало резко сокращаться (Голомидова и др., 2016). В результате этого на данный момент боль-

шинство местных языков либо находятся на грани исчезновения, либо уже вымерли. Из-за курса, выбранного в том числе под влиянием пресвитерианского миссионера и по совместительству первого уполномоченного по вопросам образования Шелдона Джексона, была внедрена дискриминационная политика «English-only» в образовании, трудоустройстве, в правовой и политической системах, и использование местных языков жестко подавлялось даже в форме простой коммуникации в общественных местах (Thompson, 1984). Наиболее сильно запреты и сегрегация по языковому признаку ударили по молодому поколению коренных жителей через образовательные учреждения. В частности, школьников унижали и физически наказывали за разговоры на родных языках на переменах или уроках. Большое количество уже пожилых местных, вспоминая свое детство, признают, что данный опыт оставил отпечаток на всей их жизни и послужил одной из основных причин их отказа от коренных языков. Но эффект принятых местным правительством мер вышел далеко за пределы одного поколения. Бывшие школьники, прошедшие через враждебное отношение, непонимание и стыд, во взрослом возрасте принимали решение общаться со своими детьми только на английском, тем самым пытаясь сделать их жизнь лучше и уберечь от унижений со стороны доминирующих групп в будущем (Alton, 1998). Однако немаловажно отметить, что в силу местоположения некоторых населенных пунктов (к примеру, поселений Центральной Аляски), не вся территория подверглась изменениям одновременно. В частности, район верхнего течения реки Кукоквим довольно поздно соприкоснулся с европейско-американской культурой, однако после открытия в Николае школы в конце 1940-х годов население весьма стремительно (в рамках одного поколения) перешло от двуязычия к почти полному прекращению использования верхнекукоквимского языка (Rodli, 1963).

Все упомянутые ранее события в американском периоде существования Аляски стали своеобразными «триггерами» для

интерференции и смешения местных языков и стандартного английского, а также возникновения билингвизма у коренного населения на фоне неполного усвоения английского языка. В дальнейшей перспективе это повлекло за собой формирование региональной разновидности английского языка, впоследствии набравшей популярность в качестве средства коммуникации не только между «белым» и «племенным» населением, но и в сообществах коренных народов даже на самых труднодоступных территориях (Григорьева, 2022). Для новых поколений местных коренных жителей данная разновидность, в свою очередь, становилась первым, родным языком, т.е. можно в какой-то степени сказать, что произошла креолизация данного средства коммуникации.

Отношение к такому явлению, как Village English, было и является довольно неоднозначным. Долгое время разновидность считалась «неправильным», «ломамым» английским, и на нее смотрели свысока и даже с долей порицания, в особенности прибывшие в регион извне учителя. Однако с дальнейшей сменой курса языковой политики отношение к феномену, как и отношение к самобытности местных народов, начало смягчаться. Согласно исследованию Тарлоу и Джонс, проведенному на Аляске с помощью местных учителей, сейчас в учебных заведениях штата аляскинский английский уже не вызывает негативных откликов, несмотря на осознание важности владения стандартным английским. Но все же во время занятий употребление Alaskan English детьми в их ответах может в ряде случаев расцениваться педагогами как «ошибочное» в свете остаточного представления о явлении как о помехе на пути к успешному будущему учеников (Jones et al., 2013: 4).

Особенности аляскинского английского: теоретическая база

Аляскинская разновидность английского коренных жителей имеет ряд отличительных черт; многие из них представляют собой уникальный набор признаков,

в то время как некоторые могут частично «роднить» аляскинский английский с другими разновидностями языка в силу особенного и насыщенного исторического прошлого, а также местонахождения территории. Несмотря на немногочисленность работ по данной теме, отдельные исследователи отразили некоторые особенности местного английского в своих трудах.

Согласно Расселлу Табберту, значительную часть отличительных характеристик английского Аляски составляет используемая местными жителями самобытная лексика. В своей книге Табберт выделил в Alaskan English огромное количество так называемых аляскианизмов (alaskianisms), сформировавшихся в таких сферах, как профессии или занятия людей, еда, одежда, природа, средства перемещения, культурные особенности и т.д., и обозначающих важные для местности феномены. Многие из них появились под влиянием либо русского языка, либо коренных языков региона. По мнению Табберта, аляскианизмами также можно считать слова, возникшие на Аляске и ставшие частью общего английского, специфические слова или выражения, отраженные в словарях стандартного американского английского, но по-особому используемые на Аляске, слова, специфичные для Аляски и смежных регионов (к примеру, севера Канады) и т.п. (Tabbert, 1991).

Чад Томпсон пишет также и о том, что на особые грамматические, структурные и фонетические характеристики, сформировавшиеся в местном английском, с большой долей вероятности могли повлиять правила коренных языков Аляски. Среди параметров, подвергнувшихся такому влиянию, Томпсон называет передачу времен, аспектов глаголов, категории рода и множественности объектов, порядок слов при словесном выражении мыслей, а также передачу звуковых сочетаний (Thompson, 1984).

Можно наблюдать, что в Village English на Аляске во многом находят отражение особенности изначальных моделей коммуникации коренного населения. К примеру, говоря о коммуникативных чертах,

Мартиндейл связывает специфичность аляскинского варианта с теорией Холла о высококонтекстных и низкоконтекстных культурах (Hall, 1989). Дело в том, что английский язык чаще всего ассоциируется с низкоконтекстными культурами, в то время как аборигенным народам Аляски и их языкам в большей степени присуща высококонтекстность (иносказательность, внимание к невербальным сигналам и т.д.) (Martindale, 2002).

Также к особым характеристикам английского местных жителей Аляски следует отнести важность разного рода пауз и специфическое употребление дискурсивных маркеров. Так, использование дискурсивного маркера «and», который, в отличие от стандартного английского, совместно с заполненными и незаполненными паузами выражает окончание какой-либо мысли (Bergelson, 2019).

Анализ особенностей

альяскинского английского в нарративах: первые результаты

1. Нарративы поколения старейшин

Обращаясь к результатам анализа нарративов старшего поколения, немаловажно в первую очередь для понимания контекста упомянуть темы, к которым обращались старейшины-респонденты. В транскриптах интервью атабасков пожилого возраста часто фигурировали истории об опасных случаях на охоте, рассказы о детстве, традиционном образе жизни и промыслах, а также истории, подчеркивающие важность православной религии. Некоторые респонденты делились рассказами о поездках, связанных с учебой или работой. Стоит отметить, что большое количество старейшин-атабасков повествуют о разительных переменах в образе жизни и быстрой потере культуры и языка аборигенных народов, в том числе из-за «американизации» в системе образования. Несмотря на то что рассказчики в основном рассматривают трансформацию своего сообщества в негативном ключе, они придерживаются мнения, что старый уклад и традиции прошлого ушли безвозвратно

и уже не смогут функционировать в современной среде, даже если молодежью будут предприниматься попытки возрождения.

Рассказы респондентов имеют своеобразную структуру, особенности которой связаны с влиянием атабаскской нарративной традиции и в большинстве случаев не свойственны носителям стандартного английского языка. Проанализированные истории можно разделить на циклы, которые возникают в зависимости от реакций или вопросов собеседника. С каждым последующим циклом рассказчик включает в повествование все больше подробностей, заканчивая рассказ только в момент понимания слушателем полного смысла и морали истории. Также цикличность можно заметить в многократных повторениях лексических единиц или определенных важных для автора отрезков рассказа. Так говорящий может выражать свое отношение к произошедшим эпизодам жизни.

(1) «I guess they all waiting for the airplane and the **dogs started howling**, and eh .. they thought they would heard airplane coming and the **dogs started howling**, their **dogs started howling**, and eh .. they heard me. my dogs, myself calling for help..» (.. – паузы различной длительности)

Более того, в некоторых транскриптах интервью, взятых во время экспедиций в Николай, респонденты, приходя к заключению повествования или делая общий вывод для нескольких рассказов, подчеркивают, что их историю слышали и другие люди. В данном случае эта любопытная деталь показывает, насколько в атабаскской культуре, в отличие от более индивидуалистского европейско-американского подхода, важно сделать пережитый человеком опыт общим, в то же время не настаивая на правильности своих выводов.

(2) «I **told the story to my people, not only myself**, my people. but others. I told them how I've been saved / and eh. that what's happened» (/ – знак интонации незавершенности)

Из изученных нарративов можно выделить некоторые типичные для верхнекускоквимцев дискурсивные маркеры. К примеру, в высказываниях подавляющего большинства атабасков старшего возраста частотным является дискурсивный маркер «and», обозначающий в сочетании с заполненными и незаполненными паузами завершение мысли рассказчика; роль данного маркера в нарративах несколько отличается от той, которая присутствует в стандартном американском английском (Bergelson, 2019).

(3) «It's pretty much started changing. a lot of people get killed. and lose life. **and uh**»

(4) «At first it was walking. and then it was starting to speed up. **and eh** ...»

То же самое можно сказать и о нередко употребляемом дискурсивном маркере «you know», придающем динамичность нарративу и, наряду с завершением высказываний, служащем «разделителем» для выражаемых на Alaskan English мыслей (Bergelson, 2019).

(5) «...there= there used to be ... one there **you know**. but that was before my time. **you know**.»

(6) «Mom uh usually tell us “we won't stop until we fill up this bucket”. **you know** and always= there's always a big bucket to fill up. **you know**.» (= – обрыв слова)

В историях представители старшего поколения использовали специфическую лексику или аляскианизмы, касающиеся видов, хранения и приготовления пищи, охоты и расстановки ловушек на зверей, экипировки, а также средств передвижения. Ниже представлены выдержки из рассказов, содержащие некоторые из них.

(7) «In wintertime we could freeze all the berries. In the summertime uh. mom let us pick lots of blueberries. **salmonberries**.»

(8) «Even now. we could do that with **highbush cranberries** still.»

(9) «Yeah **snowmachine** is better but is too quick»

(10) «We have. a little **cache** uh ... It's like a little cabin up high ... off the ground...»

(11) «I was small. and my mom made a **parkie** for me ...»

В приведенных примерах привлекают внимание названия распространенных на Аляске калины и морошки, а также снегохода, заменяющего на территории более распространенное «snowmobile», специфический вариант названия типичной для жителей верхней одежды и термин «cache» для обозначения распространенного в поселениях строения для хранения продовольствия.

Одной из грамматических особенностей аляскинского английского языка пожилых атабасков в нарративах, отличающей его от стандартного американского английского, является использование времен и видов (или аспектов) глаголов. Как правило, она проявляется в частом смешении и неожиданном чередовании прошедших и настоящих времен в рассказах о событиях, произошедших в прошлом. Это может объясняться неполным усвоением английского языка из-за позднего начала обучения, а также, скорее всего, влиянием первого языка и интерференцией с ним. Дело в том, что атабаскские языки наряду с категорией будущего не имеют стандартного разделения на прошедшее и настоящее, заменяя его характеристикой действия по виду как завершенного и незавершенного, причем во многом определяющейся в зависимости от контекста вокруг описываемого события (Thompson, 1984). Интересен тот факт, что некоторые особенности передачи действий в прошлом и вовсе не имеют прослеживаемой связи с родным языком респондентов. Такой особенностью предстает отрицание в прошедшем времени, обозначаемое представителями старшего поколения словом

«never» вместо более привычного «did not». Возможным объяснением возникновения данной тенденции можно считать иницированную учебными заведениями коммуникацию в домашних условиях на английском с детьми, возложенную на плечи не имеющих достаточного уровня языковой свободы родителей, что опять же характерно для сообществ с неполным освоением языка (Thompson, 1984).

(12) «They **go** trapping and .. I **babysit** my little brother. baby brother ... Mom **have** a different line. and my dad **have** different line. just walk and smash it.»

(13) « It **was** a. black spruce .. it **jump** on that one. and **knock** out. then I **start** backing off. then it **jump** at me .. »

(14) «...they **got** vans and we **will** go down to California...»

(15) «I **never think** anything about river might be danger. and eh ...»

Еще одна нестандартная черта английского респондентов – употребление единственного и множественного числа. Значительное количество атабасков старшего поколения не всегда используют множественные формы существительных и глаголов там, где это было бы необходимо в стандартном английском. Также в некоторых случаях наблюдается гиперкоррекция. Помимо неполного освоения второго языка стоит в качестве причины допустить и то, что в языках Аляски категория числа выражается несколько другими способами (например, в атабаскских языках почти не существует полноценных множественных форм существительных и т.д.).

(16) «I would say change **spoil** people»

(17) «...so. us **older kids has** to go. take turns in making fire at school»

(18) «I **were** told. we were eighteen kids. eighteen **childrens.**»

Характерно и то, что респонденты-носители Alaskan English, часто не используют артикли или делают это специфическим образом. К повлиявшим на это факторам можно причислить то, что языки коренных жителей Аляски не имеют аналогов артиклей английского языка.

(19) «I **make sign** of cross...»

(20) «That **was first time** I rode a horse too.»

(21) «...we used to live **round mountain.**...»

(22) «...go to a **highschool.**...»

(23) «...we just make a **dough.**...»

2. Нарративы следующего поколения

Переходя к первым результатам анализа рассказов следующего поколения жителей Николая, следует обратить внимание на то, что для основной части представителей главным языком коммуникации в их семье, со сверстниками в школе и т.д. являлся английский. Почти все респонденты уже вообще не владеют (или почти не владеют) верхнекускоквимским атабаскским и общаются со своим поколением и последующими поколениями исключительно на английском. Однако в некоторых случаях респонденты сталкивались с атабаскским в детстве. Это происходило либо во время взаимодействия с некоторыми пожилыми местными жителями, либо потому, что их родители по каким-то причинам не посещали упомянутую ранее открывшуюся в 1940-х школу и учили английский самостоятельно, осуществляя некоторую долю коммуникации на родном языке. В одном интервью также упоминалось, что родители употребляли местный язык в качестве «секретного», когда не хотели, чтобы их уже англоязычные дети вникали в разговор.

В процессе рассмотрения рассказов было замечено, что, по сравнению с боль-

шинством представителей старшего поколения, некоторые респонденты в интервью были немного более многословными и использовали в речи большее разнообразие конструкций. Однако в их речи все также присутствовали многие из ранее упомянутых характеристик Alaskan English. К примеру, несмотря на то, что респонденты уже почти не встречались с атабаскской нарративной культурой, в рассказах тех, кто слышал истории пожилых родственников или просто членов сообщества в детстве, иногда заметны характерные повторения и цикличность. Один из примеров приведен ниже.

(24) «Yeah I know but. I guess one time when all the guys left you know **they were out hunting. they were out hunting** ... I guess and they started shooting at that one you know and do it behind a comfortable bush. **And then like there was another one they thought it kept going. And so they kept shooting** at it and I guess later on that evening the men came back **and they found seven moose over there ... They said they thought it was that one going through the brush here. So they kept shooting at it and they caught seven of them**»

Также в интервью были часто употребляемы традиционные дискурсивные маркеры. Так же, как и в случае старейшин, «and» с заполненными паузами и «you know» использовались данным поколением либо для завершения мысли, либо для придания динамичности повествованию.

(25) «He used to tell us stories about. in our language. it was spoken in our Alaskan language. **and eh...**»

(26) «My dad built his own boat. for his own family **and so um...**»

(27) «That was (um) different. **you know.** even in our flat here (um) just going twenty or forty miles any direction=the land is different. So I kind of miss that. **you know.**»

these days you riding a snow mushing. **you know.** it's so loud and dog team is quiet.»

(28) «And (um) he was just really (um) one of the quietest competitors that (um) I've ever seen and. **you know.** he always knew exactly what to do with his dog team and. **you know.** he never raised his voice.»

В некоторых интервью встречается специфическая для региона и жизни в нем лексика, например, такая как «dog mushing», понятие, обозначающее гонки или просто езду на собачьих упряжках, которые были основным средством передвижения до появления снегоходов, а также понятие «dog musher», обозначающее управляющего упряжкой человека. Появлялись эти термины в интервью респондентов, которые профессионально занимались деятельностью, связанной с такими соревнованиями. В остальных случаях встречались в рассказах и уже знакомые «snowmachine», «cache» и т.п.

(29) «We always had (um) one hundred **dog mushers...**»

(30) «...that's why everybody started into **dog mushing**»

(31) «My dad had a **snowmachine** and I remember the first **snowmachine race** from McGrath

(32) «I think **snowmachines** started coming around. in seventies something.»

(33) «We used to have a big huge **cache...**»

Что касается времен глаголов, в нарративах нового поколения, также как и у старейшин, встречается смешивание времен. Респонденты употребляют настоящее время глаголов вместе с прошедшим во время повествований о прошлых событиях.

(34) «It **was** kind of hard. but (um) I **get** through. so.»

(35) «We **spoke** it and **understand** it »

(36) «It **starts** at 6 o'clock in the mornings. cause I **was going** to school during that time.»

(37) «We **would go** to different camp. so in March **we'll** go to (uh) my dad's trapping cabin. and he .. **take** us over there where he **was trapping** for beaver»

В интервью встречаются и случаи смешения единственного и множественного чисел, в особенности несоответствие числа существительного и глагола, и также специфического использования артиклей, причем вне зависимости от того, слышал ли респондент с детства исключительно английский или английский и элементы атабаскского. Можно объяснить это тем, что респонденты уже с самого начала впитывали особую версию английского языка с порожденными ранее неполным усвоением языка родителями и интерференцией с местным языком нюансами.

- Смещение единственного и множественного чисел

(38) «there **was** no **snowmachines** == hardly any snowmachines around»

(39) «There **was** **books** from Ray Collins and Betty.»

(40) «**It was** (um) really good **years** for me you know.»

- Специфическое употребление артиклей (или их отсутствие)

(41) «...going to a school...»

(42) «It **was** **framed** building with (uh) insulation.»

Выводы, обсуждение и перспективы исследования

В целом материалы и первичные результаты их анализа демонстрируют за-

крепление социокультурных и лингвистических особенностей Alaskan English в местном обществе в последующем поколении, несмотря на небольшие различия в бэкграунде респондентов. Что касается обучения еще более молодых поколений и их английского, в своем исследовании Тарлоу и Джонс приходят к похожим результатам. Оно показывает, что даже у самых младших школьников сельских регионов сохраняются и ярко проявляются особенности местного английского. В частности, Тарлоу и Джонс объясняют это уровнем грамотности их родственников и тем, что Village English уже достаточно продолжительное время является основным средством общения в семьях. Члены семей коренных жителей употребляют больше нестандартных форм; привыкая к общению с такими особенностями в домашних условиях, ученики трудно перестраиваются на стандартный язык в школьном контексте. Постоянное «балансирование» между различными формами коммуникации отрицательно сказывается на успеваемости и усвоении материала (Jones et al., 2013: 4).

Нельзя не указать на то, что в процессе изучения аляскинского английского возникает ряд вопросов, на которые пока нет точного ответа и которые требуют глубокого размышления и поиска «зацепок» для дальнейшей работы. Например, вызывает интерес факт наличия или отсутствия таких существенных особенностей английского на Аляске, которые кардинально бы выделяли его среди других региональных вариантов английского языка, прошедших процесс креолизации. Также во время анализа каких-либо характеристик речи носителей логично задаться следующим вопросом: можно ли точно определить, что же в большей степени сыграло роль в их формировании: черты местных языков или неполное усвоение английского местными жителями, и возможно ли привести однозначные доказательства в пользу той или иной точки зрения?

В заключение хотелось бы заметить, что затронутая в данной работе тема представляет собой очень массивный «пласт»

и благодатную почву для продолжения исследования в обозначенной области; полученные данные могут послужить фундаментом для более глубокого изучения феномена Alaskan English. Учитывая тот факт, что на территории штата проживают несколько групп коренных народов, носителей типологически разных языков, одной из траекторий является подробное изучение подвидов аляскинского английского, на которых говорят также эскимосы

и алеуты региона, а также сравнение их между собой. Вместе с тем целесообразно провести сравнительный анализ аспектов явления с языком англо-американцев, населяющих Аляску, для которых английский изначально является родным. Более того, еще одной важной задачей для будущих исследований предстает продолжение межпоколенческого сопоставления дискурса представителей разных коренных народов территории.

Список литературы

- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2018, 54, 29–41.
- Голомидова П. С., Сабуров А. А. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы. *Арктика и Север*, 2016, 25, 61–77.
- Григорьева А. А. Опыт исследования регионального варианта английского языка на Аляске. *Выпускная квалификационная работа* (степень магистра). Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022, 67.
- Петров А. Ю. История и наследие Русской Америки: проблемы, направления, перспективы исследований. *Новая и новейшая история*, 2016, 5, 177–182.
- Разумовский И. В. Уступка Россией Аляски США и закат Русской Америки. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 2, 2015, 15–26.
- Шейна И. М., Сидорина Е. И. Русские заимствования в языках коренных народов Аляски как отражение историко-культурного наследия Русской Америки. *Вестник Томского государственного университета*, 2020, 457, 53–60.
- Alton T. L. *Federal policy and Alaska Native languages since 1867*. Fairbanks, University of Alaska, 1998, 391.
- Barnhardt C. A history of schooling for Alaska native people. In: *Journal of American Indian Education*, 2001, 1(40), 1–30.
- Bergelson M. Maintaining tradition: Thematic and structural coherence in personal stories by Northern Athabaskans. In: *Anthropological Linguistics*, 2019, 2(61), 183–219.
- Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, Anchor Books, 1989, 308.
- Jones A., Tarlow, M. Alaskan Language and Literacy Instruction: Dialect Attitudes. *Conference: American Educational Research Association*. San Francisco CA, 2013, 1–20.
- Krauss M. E. *Alaska Native Languages: Past, Present, and Future*. Fairbanks, Alaska Native Language Center, 1980, 110.
- Martindale V. F. Moving Mountains in the Intercultural Classroom. In: *Ethnic Studies Review*, 2002, 1(25), 56–65.
- Rodli A. *North of Heaven. A Teaching Ministry among the Alaskan Indians*. Chicago, Moody press, 1963, 189.
- Tabbert R. *Dictionary of Alaskan English*. Juneau, Denali Press, 1991, 294.
- Thompson C. *Athabaskan Languages and the Schools. A Handbook for Teachers*. Juneau, Alaska Department of Education, 1984, 84.
- Thompson H. *Education for Cross-Cultural Enrichment: Selected Articles from Indian Education 1952–64*. Washington. D.C., Bureau of Indians Affairs Branch of Education, 1964, 178.

References

- Bergelson M. B., Kibrik A. A. Russkij jazyk na beregah zaliva Kuka: samoidentifikacija kul'tury v uslovijah izoljacii [The Russian language in the Cook Inlet area: self-identification in the situation of cultural isolation]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Tomsk State University Journal]*, 2018, 54, 29–41.
- Golomidova P. S., Saburov A. A. Gosudarstvennaja politika v otnoshenii korennyh narodov Aljaski: istoricheskij obzor i sovremennye problemy [State policy towards indigenous peoples of Alaska: historical review and contemporary issues]. In: *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2016, 25, 61–77.
- Grigoryeva A. A. *Opyt issledovanija regional'nogo varianta anglijskogo jazyka na Aljaske [Experience of Researching the Regional Variety of English in Alaska]*. MA thesis. Moscow, HSE University, 2022, 67.
- Petrov A. Iu. Istorija i nasledie Russkoj Ameriki: problemy, napravlenija, perspektivy issledovanij [Historical and cultural heritage of Russian America: issues, trajectories, research perspectives]. In: *Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]*, 2016, 5, 177–182.
- Razumovskij I. V. Ustupka Rossiej Aljaski SShA i zakat Russkoj Ameriki [Russia's concession of Alaska to the United States and the decline of Russian America]. In: *Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly [Locus: people, society, culture, meanings]*, 2015, 2, 15–26.
- Sheina I. M., Sidorina E. I. Russkie zaimstvovanija v jazykah korennyh narodov Aljaski kak otrazhenie istoriko-kul'turnogo nasledija Russkoj Ameriki [Russian Borrowings in the Languages of Alaska Indigenous Peoples as a Manifestation of the Historical and Cultural Heritage of Russian America]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2020, 457, 53–60.
- Alton T. L. *Federal policy and Alaska Native languages since 1867*. Fairbanks, University of Alaska, 1998, 391.
- Barnhardt C. A history of schooling for Alaska native people. In: *Journal of American Indian Education*, 2001, 1(40), 1–30.
- Bergelson M. Maintaining tradition: Thematic and structural coherence in personal stories by Northern Athabaskans. In: *Anthropological Linguistics*, 2019, 2(61), 183–219.
- Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, Anchor Books, 1989, 308.
- Jones A., Tarlow M. Alaskan Language and Literacy Instruction: Dialect Attitudes. *Conference: American Educational Research Association*. San Francisco CA, 2013, 1–20.
- Krauss M. E. *Alaska Native Languages: Past, Present, and Future*. Fairbanks, Alaska Native Language Center, 1980, 110.
- Martindale V. F. Moving Mountains in the Intercultural Classroom. In: *Ethnic Studies Review*, 2002, 1(25), 56–65.
- Rodli A. *North of Heaven. A Teaching Ministry among the Alaskan Indians*. Chicago, Moody press, 1963, 189.
- Tabbert R. *Dictionary of Alaskan English*. Juneau, Denali Press, 1991, 294.
- Thompson C. *Athabaskan Languages and the Schools. A Handbook for Teachers*. Juneau, Alaska Department of Education, 1984, 84.
- Thompson H. *Education for Cross-Cultural Enrichment: Selected Articles from Indian Education 1952–64*. Washington. D.C., Bureau of Indians Affairs Branch of Education, 1964, 178.

EDN: RRLRKF
УДК 811.351.2'366.4

Principles and Models of Space Structuring by Locative Cases of Dagestania Languages

Zulaikhat M. Mallaeva^{*a} and Sabina N. Khanbalaeva^b

*^aInstitute of Language, Literature and Art
named after G. Tsadasa Dagestan Federal Research Center RAS
Makhachkala, the Republic of Dagestan, Russian Federation*

*^bMoscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
Moscow, Russian Federation*

Received 30.01.2024, received in revised form 02.03.2024, accepted 08.04.2024

Abstract. The Dagestania languages reveal notable differences in terms of spatial structuring, not only between languages of different groups, but also within the same group. These differences are presented not only at the synchronic level, but also have a historical character, which makes the typological study of numerous spatial cases relevant. The typological study of nominative spatial systems is noticeably complicated by the problem caused by the absence of a unified terminology. Therefore, the aim of this article is to use a unified terminology to qualify locative cases and, using this terminology, to study the selectivity that the Dagestania languages manifest in structuring space.

The main source of data was grammatical descriptions of the Dagestania languages. Some of the material was received by the authors from native speakers by the method of elicitation. The main method is a synchronic description of the spatial cases, the methods of field linguistics (to collect the material), the method of intragenetic typology (for a detailed description of the specifics of spatial structuring).

The article uses a single terminological apparatus for all Dagestania languages, allowing to make typological generalizations. The number of localizations ranges from eight to four. The most stable were the localizations: SUPER, SUB, INTER, IN, A(PU)D. The number of orientation cases is also decreasing. The forms of essives and latives coincide in a number of languages completely or in certain locatives. In all Dagestania languages there is a tendency to displace latives and elatives with postpositional combinations.

The obtained results indicate that the systems of spatial cases of the Dagestania languages are in the process of disintegration, which is represented to varying degrees in different languages.

Keywords: Dagestania languages, locative cases, space structuring.

Research area: social structure, social institutions and processes. Russian language. Languages of the peoples of Russia. Theoretical, applied and comparative linguistics.

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: logika55@mail.ru

Citation: Mallaeva Z. M. and Khanbalaeva S. N. Principles and models of space structuring by locative cases of Dagestani languages. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 1005–1018. EDN: RRLRKF

Принципы и модели структурирования пространства локативными падежами дагестанских языков

З.М. Маллаева^а, С.Н. Ханбалаева^б

^аИнститут языка, литературы и искусства
имени Г. Цадасы

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Российская Федерация, Махачкала

^бМосковский государственный институт
международных отношений (МГИМО) МИД России
Российская Федерация, Москва

Аннотация. Дагестанские языки обнаруживают заметные различия с точки зрения структурирования пространства не только между языками различных групп, но и внутри одной и той же группы. Эти различия представлены не только на синхронном уровне, но и носят исторический характер, что обуславливает **актуальность** типологического исследования пространственных падежей.

Типологическое исследование именных пространственных систем заметно усложняет проблема, вызванная отсутствием в дагестановедении единой терминологии для обозначения одних и тех же локализаций и ориентаций. Поэтому **цель** данной статьи – использовать единую терминологию для квалификации локативных падежей и, пользуясь этой терминологией, исследовать избирательность, которую проявляют дагестанские языки в структурировании пространства.

Материалом для настоящего исследования послужили формы локативных падежей дагестанских языков. Основным источником данных явились грамматические описания дагестанских языков. Часть материала получена авторами от носителей языков методом элицитации.

Основной **метод** – синхронное описание пространственных падежей, методы полевой лингвистики (для сбора материала), метод внутригенетической типологии (для детального описания специфики структурирования пространства).

В статье использован единый для всех дагестанских языков терминологический аппарат, позволяющий провести типологические обобщения. Вместо традиционно принятых в дагестановедении названий серий по порядковому номеру применяются названия по месту локализации. Количество локализаций колеблется от восьми (в агульском, андийском, табасаранском, гигатлинском диалекте чамалинского языка) до четырех (в цахурском и ботлихском языках). Наиболее устойчивыми оказались локализации: SUPER, SUB, INTER, IN, A(PU)D. Количество падежей ориентации также сокращается. Формы эссивов и лативов совпали в ряде языков полностью или у определенных локализаций. Во всех дагестанских языках наблюдается тенденция к вытеснению лативов и элативов послеложными сочетаниями.

Полученные **результаты** свидетельствуют о том, что системы пространственных падежей дагестанских языков находятся в процессе разрушения, который в различных языках представлен в разной степени.

Ключевые слова: дагестанские языки, локативные падежи, структурирование пространства.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы. 5.9.5 – русский язык. Языки народов России. 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Маллаева З. М., Ханбалаева С. Н. Принципы и модели структурирования пространства локативными падежами дагестанских языков. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 1005–1018. EDN: RRLRKF

1. Введение

В Дагестане, известном как «страна гор и гора языков», представлено более сорока автохтонных языков эргативного строя с более чем ста диалектами, носители которых подчас не понимают друг друга. Мнения лингвистов о точном количестве дагестанских языков различаются, поскольку критерии, разграничивающие язык от диалекта, носят довольно размытый характер. Все дагестанские языки по степени родства делятся на три группы: аваро-андо-цезскую, лакско-даргинскую и лезгинскую. Самая многочисленная группа – аваро-андо-цезская – состоит из аварского языка восьми андийских (андийский, каратинский, ахвахский, ботлихский, чамалинский, тиндинский, годоберинский, багвалинский) и пяти цезских (цезский, бежтинский, гинухский, гунзибский, хваршинский) языков.

В лезгинскую группу входят восемь языков: лезгинский, агульский, арчинский, будухский, крызский, рутульский, табасаранский, удинский и цахурский. Три языка лезгинской группы (будухский, крызский и удинский) представлены за пределами Дагестана, в соседнем Азербайджане.

Лакско-даргинскую группу выделяют не все исследователи, на наш взгляд, также это близкие по грамматическому строю, но самостоятельные группы языков. В последнее время многочисленные диалекты даргинского языка стали рассматриваться как самостоятельные языки даргинской группы, число которых колеблется от 13 до 17.

Большая часть дагестанских языков (более 25, по данным атласа языков ЮНЕСКО) находится под серьезной угро-

зой исчезновения. Особенно эта опасность грозит одноаульным бесписьменным языкам. Поэтому сбор и фиксация языкового материала и анализ специфики грамматических категорий, особенно в сравнительно-типологическом плане (внутригенетическая типология), крайне актуальны как для дагестанского, так и для общего языкознания.

Дагестанские языки обладают целым рядом специфических особенностей. В области фонетики – это наличие геминированных и абруптивных (смычно-гортанных) согласных; отсутствие корреляции по твердости-мягкости, наличие придыхательных смычно-взрывных глухих согласных; наличие назализованных и долгих гласных, отсутствие в некоторых языках гласного ‘o’.

В области именной морфологии – это многочисленные локативные падежи, которые дифференцированно репрезентируют локализацию и ориентацию объекта в пространстве относительно ориентира. Каждый язык имеет свою специфическую модель структурирования пространства.

В области глагольной морфологии – это многочисленные аналитические видо-временные формы, дифференцированно локализирующие действие на временной оси.

Синтаксический строй дагестанских языков характеризуется наличием ряда синтаксических конструкций: номинативной, эргативной, дативной, локативной, генитивной, биноминативной, которые одновременно функционируют в языке. Подлежащее в различных конструкциях оформляется разными падежами.

Дагестанские языки обнаруживают некоторые различия с точки зрения структурирования пространства не только между языками различных групп, но и внутри одной и той же группы и даже между разными диалектами одного языка. Эти различия представлены не только на синхронном уровне, но и носят исторический характер.

2. Материал, методы, постановка проблемы

Анализируемый в статье материал исследования извлечен из грамматических описаний дагестанских языков, специальных научных статей по данной теме и часть материала получена авторами от носителей языков методом элицитации.

В статье использован комплекс методов, основным явился метод внутригенетической типологии, который позволил описать специфику структурирования пространства локативными падежами дагестанских языков.

Многопадежность неизменно привлекает интерес исследователей дагестанских языков, которые рассматривают функционирование большого количества падежей в качестве специфической особенности грамматического строя дагестанских языков, отличающих их от других кавказских языков. Е. А. Бокарев, внесший огромный вклад в изучение дагестанских языков, отмечал, что многопадежностью «дагестанские языки отличаются от яфетических языков южной или картвельской группы и яфетических языков северо-западной или абхазо-черкесской группы» (Бокарев, 1948: 56). Б. Комри и М. Полински также отмечают наличие в дагестанских языках наиболее развитой системы пространственных показателей (более 56 в дидойском языке и более 40 в табасаранском языке (Comri, Polinski, 1998).

При исследовании грамматических категорий глагола и имени дагестанских языков «фундаментально значимы дистанцирование от ‘индоевропоцентризма’ и ‘взгляд изнутри’, когда каждая его форма и категория семантически прочувствована и квалифицируется с точки зрения ее ре-

альной коммуникативно-функциональной нагрузки в системе языка. Экстраполяции на основе опыта изучения индоевропейских языков допустимы лишь в той мере, в какой исследуемое конкретное языковое явление обладает признаками лингвистической универсалии» (Маллаева, 2015: 3). Соблюдение данного принципа важно и при исследовании пространственных падежей. В научной литературе по дагестановедению имеется большое количество работ, исследующих различные аспекты структурирования пространства локативными падежами (Ханмагомедов, 1958; Магомедбекова, 1956, 1986, 1987; Кибрик, 1970, 1977, 2003; Тестелец, 1981, 2001; Темирбулатова, 1990; Мусаев, 1984; Алексеев, 1985, 1988; Маллаева, 1989; Friedman, 1992; Comrie, Polinsky, 1998; Berg H. van den, 2001, 2003; Ганенков, 2005; Ганенков, Мерданова, 2002 и др.). История изучения пространственных падежей дагестанских языков начинается с трудов П. К. Услара, в которых довольно подробно описаны формообразование и основные функции падежей аварского, лакского, хюркилинского (даргинского), кюринского (лезгинского) и табасаранского языков (Услар, 1889, 1890, 1892, 1896, 1979). Эти описания представляют большой интерес для исследователей дагестанских языков, но изложение материала по пространственным падежам носит хаотический характер, П. К. Услару не удалось раскрыть системный характер пространственных падежей. Заслуга систематизации локативных падежей дагестанских языков принадлежит Л. И. Жиркову, он разделил пространственные падежи аварского, даргинского, лезгинского, табасаранского и лакского языков на серии, в зависимости от выражаемой ими семантики локализации объекта на определенной плоскости, и пронумеровал их (Жирков, 1924, 1926, 1941, 1948, 1955). По этим серийным принципам были описаны локативы и всех остальных дагестанских языков. Деление пространственных падежей на серии, безусловно, внесло определенную упорядоченность, и многочисленные пространственные падежи в дагестанских языках получили строй-

ный и обозримый вид. Однако эта нумерация носит произвольный характер: одним и тем же номером серии в разных языках обозначаются разные локализации. Так, в первую серию в аваро-андо-цезских, даргинском и рутульском языках входят пространственные падежи, репрезентирующие локализацию SUPER «на, над ориентиром». В лакском и агульском языках эта же локализация входит во вторую серию. В табасаранском языке пространственные падежи, репрезентирующие локализацию SUPER, входят в третью, пятую и седьмую серии (в зависимости от различных ракурсов восприятия локализации).

На сегодняшний день в дагестановедении существует полный разнобой в делении падежей на серии, что значительно затрудняет их типологическое исследование. Сам термин 'серия' также представляется не совсем удачным. Невозможно не согласиться с аргументацией Я.Г. Тестельца, когда он отвергает данный термин как неприемлемый для характеристики структуры падежной парадигмы: «... во-первых, потому что он предполагает наличие одной грамматической категории «серия падежей» там, где по всем критериям, выработанным теорией грамматики, присутствуют две категории. Во-вторых, этот термин этимологически «пуст» и сам по себе не информативен, что для подобных «экзотических» явлений, да еще в языках с недолгой грамматической традицией представляется крайне нежелательным» (Тестелец, <http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Testelelets.pdf>).

Терминологический разнобой имеет место также в номинации пространственных падежей. Один и тот же падеж, выражающий локализацию (покой ~ отсутствие движения), в разных языках именуется различными терминами: локатив (агульский, аварский, андийские, лезгинский языки) и эссив (табасаранский, даргинский, лакский языки). Чаще употребляются описательные термины типа «падеж покоя», «падеж приближения», «падеж удаления», «проходительный падеж» и т.д. Несомненным шагом вперед является типологическая систематизация морфем и простран-

ственных значений локативных падежей дагестанских языков (Кибрик, 1970: 110–156), которая нашла дальнейшее развитие в (Кибрик, 1977; 2005: 201–204). Рассматривая типологию пространственных значений местных падежей дагестанских языков, А.Е. Кибрик устанавливает две категории служебных морфем и соответствующих (ориентирующих и двигательных) значений (Кибрик, 1970: 14). К сожалению, в дагестановедении как в учебниках, так и в научной литературе (за редким исключением) при описании пространственных падежей используется старая и противоречивая терминология.

Отсутствие единой терминологии заметно усложняет типологическое исследование пространственных систем дагестанских языков. Поэтому в данной статье вводится единая терминология для квалификации локативных падежей общая для всех дагестанских языков, основанная на системе ярлыков, использованных А.Е. Кибриком для описания арчинского языка (Кибрик, 1977) и Б. Комри и М. Полински для описания цезского языка (Comri, Polinski, 1998).

3. Результаты и дискуссия

Вместо традиционных для лингвистического дагестановедения названий серий по порядковому номеру в статье, используя латинскую терминологию, вводятся названия по месту локализации: SUPER, SUB, APUD, AD, IN, INTER, CONT, POST.

Локализация SUPER в большинстве дагестанских языков представлена двумя разновидностями: локализацией на горизонтальной и вертикальной поверхностях. Локализация на боковой поверхности предполагает наличие контакта. Для локализации на горизонтальной поверхности ориентира семантика контакта нерелевантна. При необходимости передать семантику локализации объекта на ориентире без детального уточнения употребляется форма суперэссива. Суперэссив в лезгинском языке выражает семантику локализации на поверхности ориентира (без конкретизации), формант *-л*: *сев-ре-л* «на медведе», *стол-*

да-л «на столе», *майдан-да-л* «на площади», *дагъ-да-л* «на горе», *цла-л* «на стене», *кыле-л* «на голове». Кроме локализации SUPER в лезгинском языке М. Хаспельмат выделяет еще четыре локализации: AD, POST, SUB и IN, каждая из которых имеет по три пространственных падежа: эссив, элатив и директив (Haspelmath, 1993: 94).

В аварском литературном языке локализация SUPER не различает нахождение на горизонтальной и вертикальной поверхностях. Иначе обстоит дело в диалектах и говорах аварского языка. Так, в хунзахском и восточном диалектах северного наречия и в андалальском диалекте южного наречия стабильно различается семантика локализации на горизонтальной и вертикальной поверхностях.

Все языки андийской подгруппы различают локализации SUPER и CONT. Форманты суперэссива в говорах андийского языка различаются: в собственно андийском говоре суперэссив оформляется показателем *-кьIа*, а контэссив – показателем *-чIу* (Церцвадзе, 1965: 340–341). В гагатлинском говоре андийского языка суперэссив оформляется показателем *-ла*, контэссив – показателем *-чIу* (Салимов, 2010: 105–106). В ахвахском языке суперэссив в северном диалекте оформляется формантом *-г*, в южноахвахском – формантом *-кьI*. В багвалинском языке суперэссив оформляется формантом *-ла*, контэссив – формантом *-чI*. (Магомедова, 2000: 136; Даниэль, 2001: 141). В ботлихском языке суперэссив имеет нулевой показатель, контэссив – показатель *-чI*. Локализация с показателем *-чI* является ущербной. Здесь отсутствует падеж аллатив (Азаев, 2000: 353). В годоберинском языке суперэссив оформляется формантом *-ла*: *майдана-ла* «на площади», *анзи-ла* «на снегу», контэссив – формантом *-чIу*: *ххвани-чIу* «на лошади», *йаши-чIу* «на девушке». В каратинском языке суперэссив оформляется показателями *-йа*, *-ā*: *кьи^а-йа* «на стене (горизонтальная локализация)», *гьа^ад-ā* «на холме», *байда^а-кьI-ā* «на площади», *кьIа^акьI-ā* «на крыше»; контэссив – формантом *-ли*: *кьи^а-лI-и* «на стене (вертикальная локализация)»: *кьи^алIи тIа^аса ида*

«на стене есть (висит) ковер». В тиндинском языке локализация «на», «над» ориентиром представлена суперэссивом (показатель *-ла*: *устул-ла* «на стуле», *йергъвам-ла* «на одеяле»), *кIату-ла* «на коне») и контэссивом (показатель *-чI*: *ваццу-чIи* «на брате», «у брата», *амаху-чIи* «на осле» (Магомедова, 2012: 78–79). Семантику локализации «на», «над» ориентиром в чамалинском языке реализует суперэссив с формантом *-лI*, семантику «на» (вертикальной плоскости) – контэссив с формантом *-чI* (Бокарев, 1949: 47): *байда^а-лIа^а* «на площади», *а^азе-лIа^а* «на снегу», *аму-чI* «на крыше», *йагъу-чI* «на женщине», *кьунна-чI* «на стене».

В дидойском (цезском) языке суперэссив оформляется морфемами *-кь* (у слов на гласный ауслат), *-кьо* (у слов на согласный ауслат): *гьутко-кь* «на доме», *кьим-кьо* «на крыше» и т.д. В дидойском языке, как и в большинстве других дагестанских языков, для суперэссива семантика контакта с ориентиром нерелевантна. Для конкретизации ситуации нахождения объекта над ориентиром (отсутствие контакта) употребляется сочетание суперэссива с послелогом *кьири* «наверху/над» (Абдуллаев, 2011: 86–88). В гинухском языке также для выражения семантики неконтактности с ориентиром употребляется послелог *кьере* «наверху/над»: *беле-кьо* «на доме», *беле-кьо кьере* «над домом» (Бокарев, 1959: 121). Такая же ситуация наблюдается в хваршинском и других языках дидойской (цезской) группы (Абдуллаев, 2011: 88–89).

В лакском и даргинском языках семантика локализации «на», «над» ориентиром, вне зависимости от того горизонтальная это или вертикальная поверхность, передается одним и тем же формантом, дарг. *-чиб*: *дубурли-чиб* «на горе», *бекIли-чиб* «на голове», *майдан-чиб* «на площади», *бяхIли-чиб* «на стене», *чIябарли-чиб* «на полу»; лак. *-й*: *зунтту-й* «на горе», *бакIра-й* «на голове», *чIира-й* «на стене» и т.д.

Локализация SUB (нахождение под ориентиром) представлена в системе пространственных падежей всех дагестанских языков, например: авар.: *глазу-кь*, дарг. *дяхIли-уб*, лак. *марххалттани-лу*, лезг. *жи-*

веди-к, таб. *йифу-кк* «под снегом», *бакъу-кь*, дарг. *берхлили-уб*, лак. *бургъи-лу*, лезг. *ракъ-ини-к*, таб. *ригъ-ди-кк* «под солнцем».

Во всех аваро-андийских языках локализация SUB представлена формантом *-кь*, который восходит к наречию-послелогу: авар. *гъоркъ*; анд. *гъикъ*; ахвах. *гекъи*; карат. *кекы*, чам. *гъи^нкъа^н* «внизу», «под».

Субэссив в дагестанских языках проявляет тенденцию к выражению абстрактных значений. Для выражения пространственной семантики локализации под ориентиром предпочтительны послеложные сочетания с послелогами «под», «снизу». Так, в диалектах и говорах южного наречия аварского языка субэссив в чисто пространственном значении практически не встречается. Для выражения семантики пространственной локализации под ориентиром употребляются сочетания суперэссива с послелогом *гъоркъ* (диал. *аххакъ*) «под», например: *гъотлода гъоркъ* (*аххакъ*) «под деревом», *глазуда гъоркъ* (*аххакъ*) «под снегом». Все дагестанские языки в локализации SUB не различают семантику наличия ~ отсутствия контакта, и та и другая семантика реализуется одним и тем же формантом, например:

а) тесный контакт: авар. *ганчи-кь*, таб. *гъоанди-кк*, лак. *чари-лу* «под камнем»; лак. *кани-лу*, авар. *кверзу-кь*, «под рукой»; авар. *глазукъ*, лак. *марххалттани-лу* «под снегом», *тлингъ-и-кь* «под шубой»; авар. *хлати-кь*, лак. *ччанна-лу* «под ногами»; авар. *цладу-кь*, лак. *гъара-лу* «под дождем»;

б) отсутствие контакта: авар. *гъотлокъ*, таб. *гъари-кк* «под деревом»; авар. *бакъу-кь*, лак. *бургъи-лу*, дарг. *берхлили-уб*, хайд. *бери-гу* «под солнцем» и т.д.

В аварском языке формантом локализации IN (внутри полого пространства) служит переменный классно-числовой показатель: *рокъо-в*, *рокъо-й*, *рокъо-б*, *рокъо-р* «дома», букв. «в доме», например: *Вас рокъов вуго*. «Мальчик дома (есть)». *Йас рокъой йуго*. «Девочка дома (есть)». *Бече рокъоб буго*. «Теленок дома (есть)». *Эбел-эмен рокъор руго*. «Родители (букв. мать-отец) дома (есть)». «На классный показатель завершается инэссив также в даргинском языке

и в балхарском диалекте лакского языка. В остальных диалектах лакского языка, как и в самом литературном языке ауслатные, классные показатели сохранились лишь в весьма ограниченном количестве слов» (Меджидова, 2007: 63).

В багвалинском языке локализация IN «постепенно вытесняется локализацией INTER (внутри полого пространства); в ряде случаев основы, для которых естественно ожидать использования локализации IN (основы существительных со значением вместилища), используют локализацию INTER» (Даниэль, 2001:142). В ахвахском языке инэссив оформляется формантом *-р*, в багвалинском – формантами *-и*, *-а*, в каратинском – *-и*, в чамалинском и тиндинском языках показатель инэссива *-θ*, в табасаранском и агульском *-ъ*. Во всех диалектах рутульского языка инэссив совмещенный с инлативом оформляется моновокалическими формантами *-а*, *-аI*, *-е*, *-и*: *лакъ-а* «в сундуке, в сундук», *бедрид-и* «в ведре, в ведро» и т.д.» (Ибрагимова, 2019: 52).

Локализация INTER реализует семантику расположения как внутри сплошного пространства, так и среди множества предметов или людей. Распределение локализаций IN и INTER обусловлено физическими свойствами ориентира. «Проблема заключается в том, что даже при поверхностном взгляде на распределение показателей в каждой паре становится очевидным, что традиционные способы описания не позволяют адекватно охарактеризовать семантику локализаций» (Ганенков, 2005: 6).

Локализация INTER оформляется в аварском языке формантом *-лI*: *ракъу-лI* «в земле», *гъуру-лI* «в реке», *ххурдузу-лI* «среди трав»; в табасаранском языке формантом *-к*: *нису-к* «в сыре», *жуку-к* «в супе», *дяхни-к* «в пшенице», *хъюйи-к* «в муке», *дгъгнейи-к* «в водоеме, в бассейне» и т.д.; в агульском – формантом *-гI*: *ракъу-гI* «в супе», *хера-гI* «в воде», *некки-гI* «в молоке», *ругу-гI* «в земле», *къуму-гI* «в песке», *ниса-гI* «в сыре», *хура-гI* «в муке». З.К. Тарланов (2013: 113–114) называет интерэссив «diffusivus (местный восьмой)» и выделяет еще локализации: в сплошном массиве (*дара-гI* «в лесу»),

среди, между кем-л., чем-л. (*китабари-гI* «среди книг», *хулари-гI* «среди домов», *хуIнаIри-гI* «среди овец»).

Локализация AD, реализующая семантику расположения «у», «около», «вблизи» ориентира, представлена почти во всех дагестанских языках. «В табасаранском языке данная семантика передается адэссивом с формантами *-хъ* и *-гъ*. Адэссив в табасаранском языке может выражать семантику локализации объекта не только вблизи ориентира, но и перед ориентиром: *унари-гъ* *унари-хъ* «у ворот», «перед воротами»; *рягъни-гъ* *рягъни-хъ* «возле мельницы», «перед мельницей»; *халайи-хъ* *халайи-гъ* «у тети» и т.д.» (Меджидова, 2007: 45).

В андийском языке локализация AD реализуется двумя формантами: *-ха* и *-чIу*. Формант *-ха* в собственно андийском говоре используется для выражения семантики пребывания у (разумного) лица, например: *баба-ха* «у мамы», *илу-ха* «у матери», *дада-ха* «у папы», *иму-ха* «у отца», *илаймал-ха* «у родителей», *гьомолода-ха* «у друзей», *тушманада-ха* «у врагов» и т.д. Формант *-чIу*, выражает локализацию вблизи, возле ориентира (Церцвадзе, 1965: 340): *гьон-чIу* «у села», *лъен-чIу* «у реки», *гьакъу-чIу* «возле дома», *хур-чIу* «возле сада» и т.д. В других говорах андийского языка для выражения семантики пребывания у (разумного) лица используется формант *-чIу*, например: *иму-чIу* «у отца», *илу-чIу* «у матери» и т.д.

В аварском языке локализация AD реализуется формантом *-хъ*, как для выражения семантики нахождения вблизи, возле ориентира: *гIуру-хъ* «у реки», *коло-хъ* «у хутора», *хIори-хъ* «у пруда», так и для выражения семантики пребывания у (разумного) лица: *ваццассу-хъ* «у брата», *инссу-хъ* «у отца», *гIагарлъу-хъ* «у родственников». В годоберинском языке локализация AD реализуется формантами *-ха* (пребывание у (разумного) лица): *ваццу-ха* «у брата»; *-хъи* (нахождения возле ориентира): *лъльинсса-ха* «у реки»; *руши-хъи* «возле дерева», *гьинциу-хъи* «возле двери». В чамалинском языке адэссив также представлен двумя формантами *-х* и *-хъ*. «Различие в значении этих серий не совсем ясно, но кажется, что

серия с *хъ* означает нахождение в непосредственной близости у чего-нибудь, а серия с *х* – нахождение около чего-нибудь» (Бокарев, 1949: 51): *-хе: дй вута ида имхе* «я сижу возле отца»; *-хъ: дѣ бихѣ дибда Чатв вогъухъ* «я привязал свою лошадь к дереву». В тиндинском языке: адэссив представлен формантами *-ха* и *-хъа*: *мисухъа* *мисуха* «у дома», *ваццухъа* *у брата*. М.Е. Алексеев, основываясь на различиях в собственно локативных употреблениях данных показателей и на некоторых типологических параллелях в других дагестанских языках, приходит к закономерному выводу: «исконно показатели *-хъи* и *-ха* обозначали соответственно местонахождение за чем-либо и перед чем-либо. На общеандийском уровне, видимо, эти значения практически не противопоставлялись друг другу. Что касается локализаций «за» ориентиром и «перед» ориентиром, то их противопоставление носит чисто субъективный характер, и даже в одном и том же языке, с точки зрения одного и того же наблюдателя, в зависимости от его позиции, актуальной может быть как локализация «за» ориентиром, так и локализация «перед» ориентиром» (Алексеев, 1988: 85).

Падежная терминология в дагестановедении также нуждается в упорядочении. Падеж, выражающий семантику покоя (отсутствия движения), является во всех дагестанских языках начальной формой всех пространственных падежей. Исключение составляет даргинский язык, в котором начальной формой считается направительный падеж. От начальной формы посредством присоединения различных суффиксов образуются все остальные пространственные падежи. Падеж, выражающий семантику покоя в разных дагестанских языках имеет разные названия: локатив, эссив, падеж покоя или падеж на определенный формант, например: авар. – падеж на *-да*; таб., агул. – падеж на *-к*; лак. – падеж на *-й* и т.д. Название «падеж покоя» – это описательное название и не совсем подходит для функции термина. Название «локатив» также представляется неудачным, поскольку в принципе все эти падежи являются лока-

тивами. Наиболее подходящим для номинации данного падежа нам представляется термин 'эссив'. В сочетании с названием локализации этот термин репрезентирует точную пространственную характеристику падежа: суперэссив, субэссив, апудэссив, адэссив, инэссив, интерэссив и контэссив. Все эти термины «указывают на определенную область пространства по отношению к некоторому *ориентир*у... В комбинации с граммемами пространственных падежей граммамы локализации уточняют взаимную конфигурацию ориентира и некоторого (движущего или покоящегося) объекта» (Плунгян, 2003: 175).

Все падежи, выражающие двигательные значения, образуются на базе соответствующих эссивов. Падеж, выражающий приближение к ориентир, в дагестанских языках имеет также разные названия. Из всего многообразия названий наиболее адекватным нам представляется термин латив. Суперлатив выражает семантику локализации на поверхности ориентира, адлатив – приближение к боковой части ориентира; сублатив – движение объекта под ориентир, интерлатив обозначает движение объекта вовнутрь ориентира, представляющего собой сплошное пространство, инлатив – движение объекта во внутрь ориентира, представляющего собой полое пространство.

Падеж, выражающий семантику удаления от ориентира, также имеет в разных языках разные названия. Более подходящим для данной ориентации нам представляется термин элатив. Суперэлатив выражает семантику удаления от поверхности ориентира, адэлатив – удаление от боковой части ориентира; субэлатив – удаление изпод ориентира, интерэлатив – удаление изнутри сплошного пространства, инэлатив – удаление изнутри полого пространства. Во всех дагестанских языках элативные падежи активно используются для выражения непространственной семантики. Однако «степень развития системы нелокативных употреблений различна. Она находится в обратной зависимости от степени стройности, разложимости, неидиоматичности

и им подобных значений пространственных форм; большое количество нелокативных употреблений свидетельствует о разрушении системы пространственного склонения (хингалугский, будухский, чамалинский и нек. др.» (Тестелец, 1981: 78–79). Причиной разрушения системы локативных падежей керенского диалекта агульского языка, по мнению Н. Д. Сулейманова, стали фонетические изменения, которые привели к слиянию падежных форм и локализаций (Сулейманов, 1979: 104).

Системы пространственных падежей дагестанских языков находятся в процессе разрушения, который в разной степени охватил разные языки. Элативные и лативные падежи во всех дагестанских языках выявляют тенденцию к утрате пространственной семантики. В лезгинском языке адэлатив (директив – по терминологии автора) «сейчас практически выражает средство или способ, особенно у абстрактных существительных» (Haspelmith, 1993: 90). В табасаранском языке Б. Г.-К. Ханмагомедов также отмечает тенденцию «постепенного сужения сфер употребления лативов, которые вытесняются эссивами» (Ханмагомедов, 1958: 14). Функции эссивов и лативов совпадают в ругульском и хингалугском языках, в хайдакском и чирагском диалектах даргинского языка, в керенском и буркиханском диалектах агульского языка, в годоберинском, багвалинском и тиндинском языках андийской подгруппы.

4. Заключение

Во всех дагестанских языках субстанциональное пространство представлено четко структурированными системами локализации и ориентации. Количество локализаций колеблется от восьми (агульский, андийский, чамалинский и цезский языки) до четырех (цахурский и ботлихский языки). Локализации SUPER, SUB, IN, INTER, AD можно назвать универсальными, поскольку они представлены во всех дагестанских языках. Преимущественно на территории Южного Дагестана в лезгинских языках представлена локализация POST. В Центральном Дагестане эта локализация

имеется в трех диалектах даргинского языка (ицаринском, кубачинском и чирагском) и в двух диалектах лакского языка (вихлинском и аштикулинском). В большинстве андийских языков, в табасаранском, рутульском, арчинском и в двух цезских (в дидойском и хвашинском) языках имеется локализация CONT, реализующая семантику «на боковой стороне» ориентира.

Локализации CONT, AD, APUD, ANTE и POST выражают близкие по семантике локализации, которые в зависимости от ракурса говорящего и от этнической специфики восприятия пространства по-разному актуализируются. Локализацию, которую носители лезгинских языков воспринимают как боковую поверхность (CONT), носители аварского языка воспринимают как вертикальную поверхность (SUPER). Локализации APUD, ANTE и POST также могут выражать одну и ту же область пространства, так, в аварском языке форма адэссива *кIалтIухъ* (–хъ – формант локализации AD) может означать как «у порога», так и «за порогом» (с ракурса находящегося в доме) и «перед порогом» (с ракурса находящегося вне дома). Кроме ракурса говорящего на восприятие пространства оказывает влияние также этническая специфика восприятия мира, в данном случае – пространства. Это касается не только дагестанских языков. Так, локализация ANTE в русской языковой культуре соответствует локализации APUD в немецкой языковой культуре: семантика «перед домом» в немецком языке актуализируется как *neben dem Haus* «рядом с домом».

Семантика пространственной локализации, остающаяся за пределами перечисленных выше локализаций, ак-

туализируется в дагестанских языках на синтаксическом уровне – посредством послеложных конструкций. Локативные выявляют тенденцию выражать преимущественно абстрактные отношения, для выражения пространственной семантики предпочтение отдается послеложным конструкциям. Некогда стройные системы пространственных падежей дагестанских языков на данном этапе переживают процесс разрушения. Особенно это касается системы ориентации, выражающей семантику приближения или удаления от ориентира.

Как видим, семантическое пространство именной локализации в дагестанских языках четко структурировано. Разные языки обладают разным набором локализаций и ориентаций. Но принципы и модели структурирования пространства остаются общими для всех дагестанских языков.

Сокращения:

авар. – аварский язык
агул. – агульский язык
анд. – андийский язык
ахвах. – ахвахский язык
дарг. – даргинский язык
карат. – каратинский язык
лак. – лакский язык
лезг. – лезгинский язык
таб. – табасаранский язык
чам. – чамалинский язык
хайд. – хайдакский диалект даргинского языка

Вклад авторов

Маллаева З.М. – основная идея, написание текста статьи. *Ханбалаева С.Н.* – сбор и обработка языкового материала.

Список литературы/ References

Абдуллаев А.К. *Категория падежа в дидойском (цезском) языке*: дисс ... канд. филол. наук: 10.02. 02. Махачкала, 2011. [Abdullaev, Arsen K. 2021. *Kategorija padezha v didojskom (cezskom) jazyke: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk*: (The category of case in the Dido (Tsez) language: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences). 10.02.02. Mahachkala].

Азаев Х.Г. *Ботлихский язык. Языки Дагестана*. Махачкала – Москва, 2000. 346–360. [Azaev, Khalil G. 2000. *Botlihsij jazyk. (The Botlikh language). Jazyki Dagestana. Makhachkala – Moscow. 346–360.*].

Алексеев М.Е. *Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис.* М. 1985. 158. [Alekseev, Mihail E. 1985. *Voprosy sravnitel'no-istoricheskoy grammatiki lezginских jazykov. Morfologija. Sintaksis.* (Issues of comparative-historical grammar of the Lezgin languages. Morphology. Syntax). Moscow. 158].

Алексеев М.Е. *Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков.* М., 1988. 223 [Alekseev, Mihail E. 1988. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andiyskih jazykov.* (Comparative-historical morphology of the Avar-Andic languages). Moscow. 223].

Бокарев А.А. *Очерк грамматики чамалинского языка.* М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 176 [Bokarev, Anatolii A. 1949. *Oчерk grammatiki chamalinskogo jazyka.* (Sketch of the Chamalin language grammar). M.-L. Izd-vo AN SSSR. 176].

Бокарев Е.А. *Цезские (дидойские) языки Дагестана.* М.: Изд-во АН СССР, 1959. 291 [Bokarev, Evgenii A. 1959. *Cezskie (didojskie) jazyki Dagestana.* (The Tsez (Didoyian) languages of Dagestan). Moscow. 291].

Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. *Язык и мышление.* Т. XI. М. 1948. 56–67. [Bokarev, Evgenii A. 1948. Lokativnyye i nelokativnyye znachenija mestnyh padezhej v dagestanskih jazykah. (Local and non-localized meanings of Locative Cases in Dagestani languages). *Jazyk i myshlenie.* Т. XI. Moscow. 56–67].

Ганенков Д.С. *Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели.* Дисс... канд. филол. наук. М., 2005. Рукопись. 278. [Ganenkov, Dmitrii S. 2005. *Kontaktnye lokalizacii v nahsko-dagestanskih jazykah i ih tipologicheskie paralleli.* Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M. Rukopis'. (Contact localizations in the Nakh-Dagestani languages and their typological parallels). D. thesis for the Ph.D. degree in Philology. Manuscript. Moscow. 278].

Ганенков Д.С., Мерданова С.Р. *Семантика пространственных форм существительных в агульском языке.* Плунгян В.А. (ред.). *Исследования по теории грамматики.* Вып. 2: *Грамматикализация пространственных значений в языках мира.* М.: Русские словари, 2002. С. 127–149. [Ganenkov, Dmitrii S., Solmaz R. Merdanova. 2002. *Semantika prostranstvennyh form sushhestvitel'nyh v agul'skom jazyke.* Plungjan V. A. (red.). *Issledovanija po teorii grammatiki.* Вып. 2: *Grammatikalizacija prostranstvennyh znachenij v jazykah mira.* М.: Russkie slovari. 127–149. (Semantics of spatial forms of nouns in the Agulian language. Plungian V. A. (ed.). *Studies in the theory of grammar.* Issue. 2: *Grammaticalization of Spatial Meanings in the World Languages.* Moscow: Russkie slovari. 127–149].

Даниэль М.А. *Падеж и локализация.* А.Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари.* М.: Наследие, 2001. 203–230. [Danijel' Mihail A. 2001. *Padezh i lokalizacija.* А.Е. Кибрик (ред.-сост.). *Bagvalinskij jazyk (Case and localization. The Baghvali language).* *Grammatika. Teksty. Slovari.* Moscow: Nasledie. 203–230].

Жирков Л.И. *Грамматика даргинского языка.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1926. 103 [Zhirkov, Lev I. 1926. *Grammatika darginskogo jazyka.* (Grammar of the Dargin language). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 103].

Жирков Л.И. *Грамматика лезгинского языка.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 132 [Zhirkov, Lev I. 1941. *Grammatika lezginского jazyka.* (Grammar of the Lezgi language). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 132].

Жирков Л.И. *Грамматика аварского языка.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1924. 179 [Zhirkov Lev I. 1924. *Grammatika avarского jazyka.* (Grammar of the Avar language). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 179].

Жирков Л.И. *Лакский язык. Фонетика и морфология.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 160 [Zhirkov, Lev I. 1955. *Lakskij jazyk. Fonetika i morfologija.* (The Lak language. Phonetics and Morphology). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 160].

Жирков Л.И. *Табасаранский язык.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 163 [Zhirkov, Lev I. 1948. *Tabasarsanskij jazyk.* (The Tabasaran language). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 163].

Ибрагимова М.О. *Категория падежа и морфология склонения в рутульском языке: диалектная стратификация.* Махачкала, 2019. 222 [Ibragimova, Mariza O. 2019. *Kategorija padezha i morfologija*

sklonenija v rutul'skom jazyke: dialektnaja stratifikacija. (The category of case and morphology of declension in the Rutul language: dialectal stratification). Makhachkala. 222].

Кибрик А.Е. *К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков).* Язык и человек. М.: Издательство МГУ, 1970. 110–156. [Kibrik, Alexander E. 1970. *K tipologii prostranstvennyh znachenij (na materiale padezhnyh sistem dagestanskih jazykov).* (To the typology of spatial meanings (on the material of the case systems of the Dagestani languages). *Jazyk i chelovek.* Moscow: Izdatel'stvo MGU. 110–156].

Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II. *Таксономическая грамматика.* М.: Изд-во МГУ, 1977. 362 [Kibrik, Alexander E. 1977. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo jazyka.* (The experience of structural description of the Archaic language). Т. II. *Taksonomicheskaja grammatika.* Moscow. Izd-vo.MGU. 362].

Кибрик А.Е. *Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями. Константы и переменные языка.* Санкт-Петербург, Алетейя. 2005. 196–269. [Kibrik, Alexander E. 2005. *Imennoe slovoizmenenie v dagestanskih jazykah s tipologicheskimi paraleljami. Konstanty i peremennye jazyka.* (Noun word-formation in the Dagestani languages with typological parallels. Constants and language variables). Saint-Petersburg, Aletejja. 196–269].

Магомедбекова З.М. *Локативные падежи в аварско-андийских языках. Падежный состав и система склонения в кавказских языках.* Махачкала, 1987. 86–92. [Magomedbekova, Zagidat M. 1987. *Lokativnye padezhi v avarsko-andijskih jazykah. Padezhnyj sostav i sistema sklonenija v kavkazskih jazykah.* (Local cases in Avar-Andic languages. Case structure and declension system in the Caucasian languages). Makhachkala. 86–92].

Магомедбекова З.М. О функциональных особенностях локативных серий на «l'» и «b» в аварском языке. *ЕИКЯ.* Тбилиси, 1986. Т. XII. 161–169 [Magomedbekova, Zagidat M. 1986. *O funkcional'nyh osobennostjah lokativnyh serij na «l'» i «b» v avarskom jazyke.* (About functional peculiarities of locative series in “l'” and “b” in Avar language). *EIKJa.* Tbilisi. Т. XII. 161–169].

Магомедбекова З.М. Об одной серии местных падежей в аварском языке. *ИКЯ.* Тбилиси, 1956. VIII. 235–242. [Magomedbekova, Zagidat M. 1956. *Ob odnoj serii mestnyh padezhej v avarskom jazyke.* (About one series of local cases in Avar language). *IKJa.* Tbilisi. VIII. 235–242].

Магомедова П.Т. *Багвалинский язык. Языки Дагестана.* Махачкала-Москва, 2000. 319–331. [Magomedova, Patimat T. 2000. *Bagvalinskij jazyk (The Bagvalin language).* *Jazyki Dagestana.* Makhachkala-Moscow. 319–331].

Магомедова П.Т. *Тиндинский язык.* Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 303. [Magomedova, Patimat T. 2012. *Tindinskij jazyk.* (The Tindi language). Makhachkala: IJaLI DNC RAN, 303].

Маллаева З.М. *Система временных и пространственных отношений в аварском языке:* Автореф. ... канд. дис. Тбилиси, 1989. 19 [Mallaeva, Zulaihat M. 1989. *Sistema vremennyh i prostranstvennyh otnoshenij v avarskom jazyke.* (The system of temporal and spatial relations in the Avar language). Avtoref. ... kand. dis. Tbilisi. 19].

Маллаева З.М. *Глагольная морфология аваро-андийских языков.* Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2015. 436 [Mallaeva, Zulaihat M. 2015. *Glagol'naja morfologija avaro-andijskih jazykov.* (Verbal morphology of the Avar-Andic languages). Makhachkala: IJaLI DNC RAN, ALEF, 436].

Меджидова М.К. *Категории локализации и ориентации в дагестанских языках:* специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: дисс... кандидат. филол. наук. Махачкала, 2007. 147 [Medzhidova M. K. *Kategorii lokalizacii i orientacii v dagestanskih jazykah:* special'nost' 10.02.20 – Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. (Categories of localization and orientation in Dagestani languages: specialty 10.02.20 – Comparative-historical, typological and comparative linguistics: dissertation for the degree of candidate of philological sciences. 147)].

Мусаев М.-С.М. *Падежный состав даргинского языка (история местных падежей).* Махачкала, 1984. 115 [Musaev, Magomed -Said M. 1984. *Padezhnyj sostav darginskogo jazyka (istorija mestnyh padezhej).* (The Case structure of the Dargic language (History of local cases). Makhachkala. 115].

Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие*. Изд. 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 [Plungjan, Vladimir A. 2003. *Obshhaja morfologija: Vvedenie v problematiku*. (General Morphology: Introduction to the problematics). Uchebnoe posobie. Izd. 2-e, ispravlennoe. Moscow: Editorial URSS. 384].

Салимов Х. С. *Гагатлинский говор андийского языка*. Махачкала, 2010. 420 [Salimov, Khamit S. 2010. *Gagatlinskij govor andijskogo jazyka*. (Gagatli dialect of the Andean language). Makhachkala. 420].

Сулейманов Н. Д. *Склонение имен существительных в керенском диалекте агульского языка. Именное склонение в дагестанских языках*. Махачкала, 1979. 96–98. [Sulejmanov, Nadir D. 1979. *Sklonenie imen sushhestvitel'nyh v kerenskom dialekte agul'skogo jazyka. Imennoe sklonenie v dagestanskijh jazykah*. (Declension of nouns in the Kerensky dialect of the Agulsky language. Noun Declension in the Dagestani languages). Makhachkala. 96–98].

Тарланов З. К. *Проблемы общей грамматики и грамматики агульского языка*. Махачкала, 2013. 392 [Tarlanov, Zamir K. 2013 *Problemy obshchej grammatiki i grammatiki agul'skogo yazyka*. (Problems of General Grammar and Grammar of the Agul language). Makhachkala. 2013. 392].

Темирбулатова С. М. *Система пространственных падежей в хайдакском диалекте даргинского языка. Выражение пространственных отношений в языках Дагестана*. Махачкала, 1990. 75–86. [Temirbulatova, Sapjathanum M. 1990. *Sistema prostranstvennyh padezhej v hajdaksom dialekte darginskogo jazyka. Vyrazhenie prostranstvennyh otnoshenij v jazykah Dagestana*. Mahachkala. (The system of spatial cases in the Khaidak dialect of the Dargin language. Expression of spatial relations in the languages of Dagestan). Makhachkala].

Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ. 2001. 800 [Testelec, Jakov G. 2010. *Vvedenie v obshhij sintaksis*. (Introduction into General Syntax). Vvedenie v obshhij sintaksis. Moscow. RGGU. 800].

Тестелец Я. Г. О нелокативных значениях форм пространственного склонения в дагестанских языках. Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: IX региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских яз. Тез. докл. Махачкала, 1981. 77–79. [Testelec, Jakov G. 1981. O nelokativnyh znachenijah form prostranstvennogo sklonenija v dagestanskijh jazykah. Padezhnyj sostav i sistema sklonenija v iberijsko-kavkazskih jazykah. (On the non-locative meanings of spatial declension forms in the Dagestan languages. Case structure and declension system in the Iberian-Caucasian languages). IX regional'naja nauchnaja sessija po izucheniju sistemy i istorii iberijsko-kavkazskih jaz. Tez. dokl. Makhachkala. 77–79].

Тестелец Я. Г. Именные локативные формы в дагестанских языках. М. Рукопись. <http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Testelets.pdf> (дата обращения: 18.01.2023). [Testelec Jakov G. Imennye lokativnye formy v dagestanskijh jazykah. (Nominative local forms in the Dagestani languages). <http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/content/pdf/Testelets.pdf> (accessed 18 February 2023). Moscow. Rukopis'].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. V.: Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. 497 [Uslar, Petr K. 1892. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. Hjurkilinskij jazyk. (Ethnography of the Caucasus. Linguistics. The Khurkili language). T. V. Tiflis. 497].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. VI.: Кюринский язык. Тифлис, 1896. 639 [Uslar, Petr K. 1896. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. Kjurinskij jazyk. (Ethnography of Caucasus. Linguistics. The Kŭrin language). T. VI. Tiflis. 639].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. VII.: Табасаранский язык. Тбилиси, 1979. 1072 [Uslar, Petr K. 1979. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. Tabasaranskij jazyk. (Ethnography of the Caucasus. Linguistics. The Tabasaran language). T. VII. Tbilisi. 1072].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. IV.: Лакский язык. Тифлис, 1890. 473 [Uslar, Petr K. 1890. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. (The Ethnography of Caucasus. Linguistics. The Lak language). T. IV. Laksij jazyk. Tiflis. 473].

Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание*. Т. IX.: Аварский язык. Тифлис, 1889. 558 [Uslar, Petr K. 1889. *Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie*. (The Ethnography of Caucasus. Linguistics. The Avar language). T. IX. Tiflis. 558].

Ханмагомедов Б.Г. *Система местных падежей в табасаранском языке*. Махачкала: Дагучпедгиз, 1958. 45 [Khanmagomedov, Beidullah G. 1958. *Sistema mestnyh padezhej v tabasaranskom jazyke*. (The system of local cases in The Tabasaran language). Makhachkala. Daguchpedgiz. 45].

Церцвадзе И.И. *Андиjsкий язык*. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1965. 391 [Cercvadze, Il'ya I. 1965 *Andijskij jazyk*. (The Andi language). Tbilisi: Izd-vo AN GSSR. 391. (In Georg.)].

Berg Helma van den. 2001. Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar. Leiden. 324.

Berg Helma van den. 2003. Das darginische Localsystem: in synchronischer und diachronischer Überblick. *Kaukasische Sprachprobleme*. Oldenburg. 59–74.

Comrie Bernard; Maria Polinsky. 1998. The great Dagestanian case hoax. Siewierska A., Jae Jung Song (eds.): *Case, Typology and Grammar: In Honor of Barry J. Blake* (Typological Studies in Language 38), Amsterdam.

Friedman Victor A. 1992. Lak substantive declension: 40 cases or 50? Aronson H.I. (ed.) *The Non-Slavic languages of the USSR. Linguistic Studies. Second Series*. Chicago.

Haspelmath Martin A. 1993. *Grammar of Lezghian*. Berlin – N.-Y., 588.

EDN: GWYEGV
УДК 81–114.2

The Role of Categorical Dominants in the Typology of Linguistic Cultures (on the Example of the Linguistic Subsphere FAMILY)

Natalia A. Sergienko^{*a}, Vasiliy M. Glushak^b and
Yelena Yu. Orekhova^a

^a*Surgut State University
Surgut, Russian Federation*

^b*Moscow State Institute of International Relations (University)
Moscow, Russian Federation*

Received 23.01.2024, received in revised form 21.02.2024, accepted 02.04.2024

Abstract. The aim of the article is to describe the structure of the dominant categories of the linguoamental subsphere and to categorize the linguocultures on its basis. The research is based of lexicographic and phraseological sources of the Russian, the Ukrainian and the English languages, electronic text corpora, as well as the results of the psycholinguistic experiment. The participants were 830 respondents (272 Russian speakers, 216 Ukrainian speakers, 168 British speakers and 174 American speakers). The analysis of the categorical structure of monopolar and bipolar dominants is presented on the example of the linguoamental subsphere FAMILY. The monopolar categories with one dominant feature are universal and not linguoculturally orientated. The bipolar categories have two opposite dominant features indicating the tendencies of linguocultural development according to the opposite patterns. The statistically confirmed representation of the dominant feature is considered as an opportunity to classify linguoculture. The psycholinguistic experiment is an important tool for establishing the statistical relevance of dominant features to different linguocultural types. Based on the manifestation of dominant features, the categorization of linguocultures into traditionalist and neoliberal types with their national-cultural interpretation is proposed. The role of the categorical model of the linguoamental subsphere FAMILY as a determining factor in the categorization of linguocultures is described.

Keywords: categorization, linguoculture, linguoamental subsphere, anthroposphere, dominant structure, categorial dominant, monopolar dominant, bipolar dominant.

Research area: social structure, social institutions and processes; media communications and journalism.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: nas_surgut@mail.ru; glushakvm@mail.ru; elena8778@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6884-5315 (Sergienko); 0000-0002-0193-8071 (Glushak); 0000-0002-4954-9518 (Orekhova)

Citation: Sergienko N.A., Glushak V.M., Orekhova Ye. Yu. The Role of Categorical Dominants in the Typology of Linguistic Cultures (on the Example of the Linguistic Subsphere FAMILY). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 1019–1031. EDN: GWYEGV

Роль категориальных доминант в типологизации лингвокультур (на примере лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ)

Н.А. Сергиенко^а, В.М. Глушак^б, Е.Ю. Орехова^а

^аСургутский государственный университет
Российская Федерация, Сургут

^бМосковский государственный институт
международных отношений (университет)
Российская Федерация, Москва

Аннотация. Цель статьи заключается в описании структуры доминантных категорий лингвоментальной субсферы и построении на ее основе категоризации лингвокультур. Материал исследования составили лексикографические и фразеологические источники русского, украинского и английского языков, электронные текстовые корпуса, а также результаты психолингвистического эксперимента, в котором приняли участие 830 респондентов (272 представителя русской лингвокультуры, 216 – украинской, 168 – британской и 174 – американской). На примере лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ представлен анализ категориальной структуры монополярных и биполярных доминант. Монополярные категории, состоящие из одного доминантного признака, в силу своей универсальности не обладают лингвокультурной ориентацией. Биполярные категории состоят из оппозиции двух доминантных признаков, указывающих на тенденции развития лингвокультуры по противоположным образцам. Статистически подтвержденная представленность доминантного признака рассматривается как возможность отнести лингвокультуру к определенному типу. Психолингвистический эксперимент рассматривается как важный инструмент установления статистической релевантности доминантных признаков разным лингвокультурным типам. На основе манифестации доминантных признаков предложена категоризация лингвокультур по традиционалистскому и неолиберальному типам с их национально-культурной интерпретацией. На основе проведенного исследования описана роль категориальной модели лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ как детерминирующего фактора категоризации лингвокультур.

Ключевые слова: категоризация, лингвокультура, лингвоментальная субсфера, антропосфера, категориальная доминанта, монополярная доминанта, биполярная доминанта.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Цитирование: Сергиенко Н. А., Глушак В. М., Орехова Е. Ю. Роль категориальных доминант в типологизации лингвокультур (на примере лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 1019–1031. EDN: GWYEGV

Введение

Любой национальный язык предопределяет восприятие его носителями окружающего мира и является своеобразным мировоззренческим ориентиром. Лингвокультурологическое понимание сущности языка берет свое начало с идеи В. фон Гумбольдта, который утверждал, что язык – это дух народа, его средство видения и интерпретации окружающего мира: «... в каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук становится медиатором между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает посредником между человеком и природой, который влияет на него» (Gumboldt, 2000: 80).

В нашей работе изучается взаимосвязь типа лингвокультуры и механизмов концептуализации и категоризации, которые составляют основу лингвоментальной деятельности человеческого сознания. Именно эти процессы, по мнению В. А. Масловой, являются классификационной деятельностью человека, имеющей разные результаты. Так, цель концептуализации – выделить минимальные частицы человеческого опыта, в то время как категоризация направлена на объединение в более крупные разряды единиц, которые проявляют хотя бы частичное сходство (Maslova, 2018: 45). Высказыванию В. А. Масловой созвучна также мысль Е. Ю. Ильиной о том, что целью концептуализации является выделение условно предельных единиц опыта человека в их идеальном содержательном представлении. Категоризация же, напротив, дискретно рассматривает значимые признаки и ищет сходство между ними (Pinova, 2009: 6).

Постановка проблемы

Настоящее исследование выполнено в русле интегрированного подхода, который заключается в применении результатов изучения концептов и категорий для классификации лингвокультур по определенным типам. Идея интегрированного подхода была высказана В. А. Масловой: «Лингвокультурология – это не просто установление национально-культурной специфики языковых единиц и текста, а выявление ме-

ханизмов внедрения в языковой знак культурной информации, а также механизмов ее извлечения оттуда носителем языка» (Maslova, 2021: 28). По мнению В. И. Карасика, «лингвокультурное моделирование и описание языка является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной антропологической лингвистики. Необходимость такого осмысления языка обусловлена интегративной тенденцией развития гуманитарного знания, пониманием креативного отражения мира в содержании языковых единиц и диалектической взаимосвязи универсальных и специфических характеристик этно- и социолингвокультурных фактов» (Karasik, 2020: 26). Согласно определению С. Г. Воркачева, «базовой исследовательской единицей лингвокультурологии выступает (лингвокультурный) концепт, который в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык» (Vorkachyev, 2011: 64).

По мнению С. Г. Шафикова, «и концепты, и категории – ментальные структуры, единицы и языка мышления, то есть своеобразные кванты знания, которыми оперирует человек в процессе мышления; таким образом, мышление структурируется ментальными образованиями, которые можно называть категориями и концептами в зависимости от угла зрения» (Shafikov, 2007: 16). В свете вышеописанного подхода концепты и категории мы исследуем как структурные единицы лингвоментальных образований – субсфер, многомерная совокупность которых (социальной, эмоционально-чувственной, ценностной, интеллектуальной и т.д.), в свою очередь, представляет собой лингвоментальную антропосферу. В субсферах посредством лингвокогнитивных процессов отражаются и вербализуются конвенциональные и этнонациональные представления человека об окружающем мире (Sergienko, 2022: 94). На наш взгляд, ценность понятия «лингвоментальная антропосфера» состоит в том, что оно дает возможность изучить категоризацию и концептуализацию как взаимос-

вязанные и взаимообусловленные процессы внутри одного лингвоментального образования (субсферы), на этой основе построить категориальные модели и предложить их в качестве оснований для классификации лингвокультуры по определённым типам. Актуальность и новизна предпринятого исследования заключается в том, что впервые анализ субсферы применяется как основание для типологизации лингвокультур. На основе изученного нами материала современных лингвистических исследований можно сказать, что аналогичных типологий лингвокультуры не проводилось.

Методология

Лингвоментальная антропосфера понимается нами как структура с множеством понятий и явлений, связанных с жизнедеятельностью человека и объединённых в многочисленные субсферы (ЭМОЦИИ, ЦЕННОСТИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО и др.), описать которые в рамках одной научной статьи не представляется возможным. Поэтому в настоящей работе представлен анализ субсферы СЕМЬЯ, основанный на материале лексикографических, фразеологических источников и результатах психолингвистического эксперимента. На первом этапе исследования были определены базовые концепты изучаемой субсферы (СЕМЬЯ, МАМА, ПАПА, ДЕТИ, МУЖ, ЖЕНА, БАБУШКА, ДЕДУШКА и др.), затем в структуре исследуемых концептов были выявлены монополярные, состоящие из одного доминантного признака, и биполярные, состоящие из двух доминантных признаков, категории-доминанты. Полученные результаты позволили рассматривать количественно подтверждённую представленность того или иного доминантного признака как тенденцию развития лингвокультуры по тому или иному образцу и возможность отнести лингвокультуру к определённому типу. При этом важно отметить, что монополярные категории в силу своей универсальности не обладают лингвокультурной ориентацией. Национально-культурный потенциал, по нашим наблюдениям, заложен в бипо-

лярных категориях, которые эксплицируются в сознании носителей лингвокультуры (зафиксированных нами в ответах респондентов в ходе проведения психолингвистического эксперимента). Идею доминантной структуры поддерживает Н.Н. Болдырев: «наличие доминант в языковом сознании предполагает структурированность предшествующего опыта (системы знаний) и самих познавательных процессов, т.е. доминантный принцип их организации и языкового представления. Это важный аргумент, подчеркивающий фундаментальную и прикладную значимость исследования доминантного принципа организации языкового сознания» (Boldyrev, 2021: 170).

В нашей работе были использованы следующие методы исследования: описательный лингвистический метод, анализ лексикографических источников, анализ словарных дефиниций. Материал исследования составили авторитетные лексикографические и фразеологические источники русского, украинского и английского языков, а также электронные текстовые корпуса. Также материалом исследования послужили данные проведенного нами психолингвистического эксперимента, в котором приняли участие 830 респондентов (272 представителя русской лингвокультуры, 216 – украинской, 168 – британской и 174 – американской). В качестве основных методов психолингвистического эксперимента были выбраны свободный ассоциативный эксперимент и метод рефлексивного анализа концептов (Chudinov et al., 2021: 301–302). Отметим, что комбинация свободного ассоциативного эксперимента и метода рефлексивного анализа концептов представлена в психолингвистических исследованиях Е.В. Дзюбы, А.Д. Палкина, Т.Ю. Передриенко и Е.С. Баландиной, В.А. Пищальниковой, Е.А. Попковой и В.Д. Попкова и др.

В ходе психолингвистического эксперимента участники заполняли предложенные им анкеты на русском, украинском и английском языках. Респонденты исследуемых лингвокультур должны были указать, какие ассоциации вызывают у них слова «семья», «муж», «жена», «мама», «папа»,

«дети» и др. (их лексические эквиваленты в русском, украинском и английском языках), объяснить, кто, по их мнению, составляет семью, кого можно считать близкими и дальними родственниками, кого можно считать главным в семье и т.д., и объяснить свою точку зрения. Анкетирование проводилось на условиях анонимности. Единственным ограничением для респондентов для участия в нашем психолингвистическом эксперименте был возраст – не менее 18 лет. Считается, что к этому возрасту в основном завершается формирование языковой способности личности (Goroshko, 2001: 28), при этом, по мнению исследователей, языковая способность личности, ее комбинаторные возможности, как правило, остаются неизменными на протяжении всей жизни (Там же). Какие-либо другие ограничения (например, по полу, по уровню и профилю образования, по социальному статусу и материальному положению, по вероисповеданию и проч.) отсутствовали.

Обсуждение

Лингвоментальная субсфера СЕМЬЯ в четырех исследуемых лингвокультурах представляет собой сложную содержательную структуру, которая объективируется в языке и речемыслительной деятельности человека через ядерный концепт СЕМЬЯ и смежные концепты МУЖ, ЖЕНА, МАМА, ПАПА, ДЕТИ и др., обозначающие номинации родства, на основе семантической экспликации соответствующих лексем, представленных в русском, украинском и английском языках.

Так, например, в толковых словарях русского и украинского языков зафиксировано разное количество (от 1 до 5) значений или лексико-семантических вариантов лексемы *семья* (Dal', 4; TSRI; Ozhegov, 1999; BEDMUL, 2005; DUL, 9, 1978; BTSRIA, 2000). Этимологически исходное значение «группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе» занимает первое место во всех исследованных лексикографических источниках. По данным англоязычных лексикографических источников, лексема *family* имеет

следующие интегральные значения – “1. A group of people who are related to each other, especially a mother, a father, and their children; 2. A social unit living together” (CODEE; MEDAL; OED; The Webster's Dictionary).

Приведем пример сопоставительного этимологического анализа базовых лексем – *семья* – в древнерусском и старославянском языках и *family* – в английском языке. Изначально их значения объединяла универсальная категория «совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников» (рус. устар. «члены семьи; люди, живущие в доме на правах членов семьи; домашние» (BTSRIA, 2000: 274); *домочадство* – «домочадцы, слуги доморожденные, рабы» (PCSS, 2009: 150); англ. от лат. *familia* – “family servants, domestics, members of a household” (домашние слуги, домочадцы). Следует отметить, что, по данным проведенного анализа, выделенная категория сохраняет универсальность в структуре лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ во всех исследуемых современных лингвокультурах.

Несмотря на то что наиболее распространенным типом современной семьи в России, на Украине, в Великобритании и США является так называемая нуклеарная семья, состоящая, как правило, из родителей и детей (не состоящих в браке), результаты проведенного комплексного исследования показали, что в восточнославянских лингвокультурах превалирует понимание семьи как совокупности всех родственников, проживающих и не проживающих вместе, а в англосаксонских лингвокультурах сохраняется восприятие узкого состава, нуклеарности семьи. Далее в нашей статье мы обозначили такую дифференциацию доминантными признаками открытость для русской и украинской лингвокультур и нуклеарность – для британской и американской.

В результате сопоставительного анализа выделенных концептов в структуре лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ были выделены четыре монополярные доминанты, представленные во всех исследуемых лингвокультурах, а именно:

1) семья как совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников;

2) семья как совокупная общность всех кровных и некровных родственников;

3) семья как трудовой (профессиональный) коллектив;

4) семья как социально-культурная общность (Sergienko, 2018: 33).

В рамках настоящей статьи мы ограничились анализом первых двух доминант (соответствующих основным/первичным значениям ядерных лексем концептов СЕМЬЯ, СІМ'Я, FAMILY).

В структуре изучаемой лингвоментальной субсферы выделены биполярные доминанты с манифестацией различных доминантных признаков в восточнославянских и англосаксонских лингвокультурах:

– биполярная доминанта СОСТАВ СЕМЬИ с доминантными признаками ОТКРЫТОСТЬ (русская, украинская лингвокультуры) vs. НУКЛЕАРНОСТЬ (британская, американская лингвокультуры);

– биполярная доминанта СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ с доминантными признаками ПАТРИАРХАЛЬНОСТЬ (русская, украинская лингвокультуры) vs. ЭКВАЛИТАРНОСТЬ (британская, американская лингвокультуры);

– биполярная доминанта СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ с доминантными признаками ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ТРАДИЦИЯМ (русская, украинская лингвокультуры) vs. УХОД ОТ ТРАДИЦИЙ (британская, американская лингвокультуры);

– биполярная доминанта СПЛОЧЕННОСТЬ СЕМЬИ с доминантными признаками БЛИЗОСТЬ (русская, украинская лингвокультуры) vs. ДИСТАНЦИЯ (британская, американская лингвокультуры).

Перейдем к поэтапному анализу выделенных биполярных доминант.

Биполярная доминанта СОСТАВ СЕМЬИ представлена двумя значениями – ОТКРЫТОСТЬ vs. НУКЛЕАРНОСТЬ, которые обозначают расширенный состав семьи, большую семью, включающую всех родственников, с одной стороны, и суженный состав семьи, который включает только

близких родственников, проживающих вместе, с другой стороны.

Во всех исследуемых лингвокультурах данные этимологических словарей указывают на исходную универсальность доминанты СОСТАВ СЕМЬИ с доминантным признаком ОТКРЫТОСТЬ (большой, расширенный состав семьи), обозначающим включение всех проживающих вместе людей в состав членов семьи, о чем говорилось ранее.

По данным современной лексикографии в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах категориальная доминанта СОСТАВ СЕМЬИ с доминантным признаком НУКЛЕАРНОСТЬ является универсальной. Эта категория включает следующие семантические компоненты: 1) общность людей; 2) состоит из мужа и жены; 3) состоит из совместно проживающих родственников. Данные нашего анализа коррелируют с выводами Е. В. Добровольской о том, что семантическая структура английского и русского концепта СЕМЬЯ претерпела семантическую эволюцию – произошло сужение семной структуры основного первичного значения («совокупность всех членов, включая работников, слуг и т.п., живущих в одном доме, объединенных одним хозяйством») (Dobrovol'skaja, 2005: 5).

Идиоматика русского и украинского языков широко представлена категориями «семья как совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников» и «семья как совокупная общность всех кровных и некровных родственников» за счет употребления разветвленной сети номинаций родства (*муж, жена, чоловік, дружина* и др.) и свойства в русском и украинском языках (*мачеха, зять, невестка, золовка, невістка, сват, сваха, свекруха* и др.). Это свидетельствует о том, что в восточнославянских лингвокультурах на уровне образной (фразеологической) картины мира отмечается объективация обоих доминантных признаков – ОТКРЫТОСТЬ и НУКЛЕАРНОСТЬ.

В идиоматическом фонде британского и американского вариантов английского языка доминирует признак НУКЛЕАРНОСТЬ,

где во фразеологических единицах используются почти исключительно термины первого старшего и первого младшего поколений (ср.: *father; mother; son; daughter*), тогда как второе старшее и младшее поколение (*grandmother; grandchildren*), в отличие от русской и украинской идиоматики, представлены единично или не зафиксированы вовсе.

Далее была проанализирована манифестация указанных доминантных признаков по результатам психолингвистического эксперимента. Например, на вопросы анкеты «Кто составляет, по Вашему мнению, семью?» и «Можно ли считать семьей всех родственников, включая дальних и некровных?» представители русской и украинской лингвокультур ответили, что понимают семью как совокупность всех родственников, включающих дальних и некровных, проживающих и не проживающих вместе (54,04 и 53,7 % соответственно), а среди англоязычных респондентов, участвовавших в нашем эксперименте, такого мнения придерживается только каждый десятый (12,5 % в британской лингвокультуре и 11,49 % в американской) (табл. 1).

Полученные значения дают основания утверждать, что биполярная доминанта СОСТАВ СЕМЬИ эксплицируется в британской и американской лингвокультурах с преобладанием доминантного признака НУКЛЕАРНОСТЬ и доминантного признака ОТКРЫТОСТЬ – в русской и украинской лингвокультурах.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что несмотря на постепенное ослабевание семейных уз в современном обществе, такие понятия, как «родственники», «родня», «большая семья», продолжают по-прежнему играть

важную роль в жизни общества, представляя собой более значимую концептуальную бытийную сущность для восточнославянского культурного пространства, чем для англосаксонского. Несмотря на то что наиболее распространенным типом современной семьи в России, на Украине, в Великобритании и США является нуклеарная семья, состоящая, как правило, из родителей и детей (не состоящих в браке), результаты проведенного комплексного исследования показали, что в восточнославянских лингвокультурах все еще превалирует понимание семьи как совокупности всех родственников, проживающих и не проживающих вместе. В англосаксонских лингвокультурах сохраняется восприятие нуклеарности семьи как узкого состава, включающего только близких родственников.

Доминантные признаки, обозначающие ОТКРЫТОСТЬ vs. НУКЛЕАРНОСТЬ, указывают на закрепленный в языковом сознании образ семьи, обусловленный зависимостью от лингвокультурного социума, с одной стороны, и предопределяющий этот социум – с другой. В этой связи можно полагать, что нуклеарность характерна для лингвокультуры неолиберального типа, которая адаптируется к изменениям общественно-социальной среды, а ОТКРЫТОСТЬ описывает лингвокультуру традиционалистского типа, ориентированную на сохранение традиционных взглядов.

Биполярная доминанта СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ включает два доминантных признака – ПАТРИАРХАЛЬНОСТЬ vs. ЭКВАЛИТАРНОСТЬ. Патриархальность понимается как уклад семьи с приверженностью традиционным семейным ценностям, с главенством в семье мужа. Эквалитарность

Таблица 1. Наблюдаемые значения психолингвистического эксперимента

Table 1. Observed values of the psycholinguistic experiment

Категориальные признаки доминанты СОСТАВ СЕМЬИ	Распределение по лингвокультурам, %			
	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
нуклеарность	9,93	10,65	47,62	51,15
открытость	54,04	53,70	12,50	11,49

предполагает уход от традиционных семейных ценностей в сторону независимости между членами старшего и младшего поколений в семье, равноправия между мужем и женой, при котором они оба на равных участвуют в принятии семейных решений.

Доминантный признак патриархальность представлен в лексикографической и фразеологической картинах мира русского и украинского языков и зафиксирован в самом толковании ядерной лексемы *муж* – «человек рода, в полных годах, возмужалый; возрастной человек мужского пола; относительно к женщине, жене: супруг, **хозяин**, образующий с женою чету» (Dal', 2: 931). Согласно сложившимся в восточнославянском обществе на протяжении долгой истории стереотипам, основная руководящая роль в семье принадлежит мужчине, отцу.

В противоположность восточнославянским лингвокультурам, в англосаксонских лингвокультурах ведущим доминантным признаком является эквалитарность. Например, в семантике лексемы *husband* зафиксированы основные концептуальные признаки:

– woman's partner in marriage (здесь и далее перевод наш. – Н. С.) (партнер женщины в браке) (The Webster's Dictionary), которое является достаточно нейтральным когнитивным признаком и не фиксирует семантику «главенство в семье»;

– a person's partner in marriage (партнер человека по браку) (Там же), которое обозначает партнера в браке любого пола.

В современных английских и американских словарях не зафиксированы какие-либо значимые изменения в области трансформации взаимоотношений внутри семьи, однако в них не наблюдается и четкого указания на то, кто должен занимать

главенствующее положение, а авторы придерживаются равнозначных определений, в которых сохраняется относительность терминов родства и родовой соотнесенности по значению слов мужского и женского рода. Вместе с тем в современном английском языке уже появилось устойчивое выражение *house husband* – “a man who stays at home and does the cooking, cleaning ect.” (мужчина, который остается на хозяйстве: готовит, убирает и т.д.), демонстрирующее равноправие в выполнении домашних дел.

Словарь Webster's First New Intergalactic Wickeday of the English Language представляет слово *homesick*, которое в буквальном переводе означает «тоскующий по дому» такими значениями – “1) sickened by the home (испытывающий тошноту от дома); 2) sick of the home; healthily motivated to escape the patriarchal home and family” (WFNIWEL) (уставший от дома, испытывающий здоровое желание сбежать из патриархального дома и семьи). Подобные определения также являются опосредованными свидетельствами ухода от патриархального, традиционного понимания семейного уклада в сторону независимых, не связанных прочными связями семейных отношений.

В рамках психолингвистического эксперимента интерес для нашего исследования представляли ответы на вопрос, кто, на их взгляд, является главным в семье: мужчина (муж), женщина (жена) или оба супруга являются равными в своих семейных правах и обязанностях. Согласно полученным данным (табл. 2), главенствующую роль мужчины (мужа) в семье признают больше половины русских и украинцев, в то время как для британцев и американцев очевидным является равноправие партнеров в браке (более 60 % таких ответов).

Таблица 2. Наблюдаемые значения психолингвистического эксперимента
Table 2. Observed values of the psycholinguistic experiment

Категориальные признаки доминанты СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	Распределение по лингвокультурам, %			
	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
патриархальность	52,9	55,0	14,3	16,7
эквалитарность	22,8	28,2	69,0	61,5

Можно утверждать, что русские и украинцы больше, чем британцы и американцы, склонны следовать традиционной патриархальной модели уклада семьи, которая является базовым форматом семейных отношений традиционалистской лингвокультуры, ориентированной на взаимодействие личности и общества в рамках соблюдения семейных традиций и правил (неписаных, но обязательно зафиксированных в сознании). Эквалитарность семейных отношений характерна для лингвокультуры неолиберального типа, ориентированной на независимость и равноправие партнеров в семье.

Биполярная доминанта СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ рассматривается в контексте двух доминантных признаков ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ТРАДИЦИЯМ vs. УХОД ОТ ТРАДИЦИЙ. Доминантный признак ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ТРАДИЦИЯМ является универсальным для лексикографической и фразеологической картин мира всех исследуемых нами лингвокультур, поскольку в них присутствуют традиционные обозначения супругов – *муж* и *жена*, вербализующих ядро монополярных доминантных категорий: «семья как совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников» и «семья как совокупная общность всех кровных и некровных родственников».

Подобная универсальность не прослеживается в полученных результатах психолингвистического эксперимента, где фиксируется четкое разграничение по двум доминантным признакам – ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ТРАДИЦИЯМ в восточнославянских лингвокультурах и УХОД ОТ ТРАДИЦИЙ – в британской и американской лингвокультурах. Например, на вопрос о том, как следует называть мужчину по отношению

к женщине и женщину по отношению к мужчине в парах, находящихся в гражданском браке, были получены ответы, представленные в табл. 3. Носители британской и американской лингвокультур склонны называть людей, находящихся в отношениях гражданского брака, мужем и женой (супругами) намного чаще, чем представители русской и украинской лингвокультур. Наименование *партнеры* в этом же случае используются в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах, но с разными количественными показателями. Затрудняются назвать партнеров по гражданскому браку каким-либо словом около 10 % русских и украинцев. Данные по ответам представителей британской и американской лингвокультур по доминантному признаку уход от традиций более чем в два раза выше показателей в ответах украинских и русских респондентов (37 и 31 % соответственно).

Полученные значения (табл. 3) подтверждают, что семейные отношения в русской и украинской лингвокультурах строятся с учетом традиционных представлений о роли мужа и жены в браке. В британской и американской лингвокультурах, в отличие от русской и украинской, формат гражданского брака соответствует официальному браку и считается равным традиционному пониманию формата семейных отношений. Уход от традиций, независимость от лингвокультурного социума можно считать одними из критериев дифференциации лингвокультур.

Биполярная доминанта СПЛОЧЕННОСТЬ СЕМЬИ манифестируется двумя бинарными доминантными признаками – БЛИЗОСТЬ vs. ДИСТАНЦИЯ. В многочисленных примерах лексикографических и фра-

Таблица 3. Наблюдаемые значения психолингвистического эксперимента

Table 3. Observed values of the psycholinguistic experiment

Категориальные признаки доминанты СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	Распределение по лингвокультурам, %			
	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
приверженность традициям	30,9	37,0	66,0	69,5
уход от традиций	13,2	17,6	11,3	4,6

зоологических источников русского и украинского языков прослеживается доминантный признак близость. Это свидетельствует о том, что для представителей восточнославянских лингвокультур совместное проживание в семье традиционно включает взаимопомощь, совместный труд и общее проведение досуга, что всегда считалось не только нормой, но и жизненной необходимостью.

Так, например, близость, взаимопонимание, важность обоих супругов в семье подчеркивается во многих пословицах и поговорках: рус. *Муж с женой, что мука с водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь); Где муж, мам и жена; Муж жене отец, жена мужу венец* (PRN, 1, 2023: 306); укр. *З добрим подружжям і горе розгорюєш; Нема кращого друга, як вірна супруга; І в лиху годину не кидай дружину* (Myshanych, 1984: 178).

Следует подчеркнуть, что лексика русского и украинского языков, обозначающая брачно-семейную организацию (*зять, тесть, теща, невеста, супруг, шурин* и т.д.) и подробно дифференцирующая отношения свойства, противопоставлена однотипным структурам в английском языке (*spouse, bride, bridegroom*) и терминам кровного родства, образованным с добавлением основы *-in law*. Вероятно, родственными отношениям (по линии мужа и жены) в структуре англосаксонской семьи присуща отдаленность, второстепенность, дистанцирование,

что подтверждается данными психолингвистического эксперимента. Например, оценка качеств *грубость* и *умение выслушать* по отношению к близким родственникам представлена в ответах респондентов следующим образом (табл. 4 и табл. 5).

Значения, представленные в табл. 4 и табл. 5, отражают лингвокультурные отличия: для русских и украинцев характерна склонность к большой семье, более тесным родственным узам, общинности, соборности, в то время как британцам и американцам более свойственна автономность, независимость, индивидуальность в семейных отношениях. Для восточнославянской лингвокультурной традиции релевантными представляются характеристики близости и взаимопомощи в семье, тогда как в британской и американской лингвокультурах прослеживается тенденция дистанцирования и отдаленности.

Согласно полученным данным в анкетах зафиксированы ответы *quarrels* (по отношению к брату/сестре), *distant* (по отношению к тете/дяде и другим родственникам), *naughty* (по отношению к бабушке/дедушке) и др., которые характерны только для британцев и американцев. Таким образом, в британской и американской картинах мира фиксируется доминантный признак дистанция в семейных отношениях (55,9 и 73,3 %) (табл. 6). В русской и украинской картинах мира доминантный признак близость выражен более ярко

Таблица 4. Количественные данные психолингвистического эксперимента по оценке качества грубость по отношению к близким родственникам

Table 4. Quantitative data of a psycholinguistic experiment to assess the quality of rudeness towards close relatives

Качество (рус., укр., англ.)	Распределение по лингвокультурам, %			
Грубость Брутальність Rudeness	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
Мать Мати Mother	17,2	14,4	32,2	36,9
Отец Батько Father	27,7	30,4	61,2	63,3

Таблица 5. Количественные данные психолингвистического эксперимента по оценке качества умение выслушать по отношению к близким родственникам

Table 5. Quantitative data of a psycholinguistic experiment to assess the quality of listening skills in relation to close relatives

Качество (рус., укр., англ.)	Распределение по лингвокультурам, %			
	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
Умение выслушать Уміння вислухати Close listening				
Мать Мати Mother	69,9	74,4	58,2	56,2
Отец Батько Father	51,2	55,2	36,1	21,5

Таблица 6. Наблюдаемые значения психолингвистического эксперимента

Table 6. Observed values of the psycholinguistic experiment

Категориальные признаки доминанты СПЛОЧЕННОСТЬ СЕМЬИ	Распределение по лингвокультурам, %			
	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
близость	70,1	74,0	31,6	36,1
дистанция	18,8	28,2	55,9	73,3

(70,1 и 74,0 % соответственно) (табл. 6), поскольку на слова-термины родства (*брат, сестра, бабушка, дедушка, дети, тети, дяди, родственники*) русские и украинцы дали большее количество ответов-реакций со значением *помощь (взаимопомощь), работа, любовь* и т.д.

Желание русских и украинцев быть членами некоего коллектива отличает их от американцев, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, о которых упоминает Анна Вежбицкая: «Русские по сравнению с американцами и другими группами выделяются своим страстным желанием стать членами некоторого коллектива, их отличает чувство коллективизма, принадлежности к определенному сообществу, а также теплота и экспрессивная эмоциональность человеческих взаимоотношений» (Vezhbitskaya, 1996: 34).

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ показал, что структура лингвоментальной

субсферы СЕМЬЯ представлена биполярными доминантами СОСТАВ СЕМЬИ, СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, СПЛОЧЕННОСТЬ СЕМЬИ с репрезентацией различных доминантных признаков в изучаемых лингвокультурах. Биполярные доминанты субсферы СЕМЬЯ отражают семантические компоненты, не зафиксированные в словарных статьях, но обладающие дифференцирующим потенциалом как инструментом исследования различий между лингвокультурами. Биполярные доминанты в лингвоментальной антропосфере представителей той или иной лингвокультуры могут отражать разные грани рассматриваемого концепта. В этой связи наши выводы коррелируют с идеей В.И. Карасика о том, что «концепт как сложное ментальное образование состоит из значений и ценностных доминант, существенных для определенной культуры. Совокупность этих ценностных доминант создает определенный тип культуры, который поддерживается и хранится в языке» (Karasik, 1996: 5).

В рамках предложенного в данной работе подхода манифестация доминантных признаков лежит в основе категоризации лингвокультур по традиционалистскому и неолиберальному типам. Исходя из этого, к традиционалистскому типу тяготеют лингвокультуры, в которых преобладают доминантные признаки ОТКРЫТОСТЬ СЕМЬИ, ПАТРИАРХАЛЬНОСТЬ, ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ТРАДИЦИЯМ, СПЛОЧЕННОСТЬ СЕМЬИ. Лингвокультуры, которые тяготеют к неолиберальному типу, характеризуются преобладанием таких доминантных признаков, как НУКЛЕАРНОСТЬ СЕМЬИ, ЭКВАЛИТАРНОСТЬ, УХОД ОТ ТРАДИЦИЙ, ДИСТАНЦИЯ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.

На наш взгляд, в контексте глобального взаимовлияния различных лингвокультур изучение лингвоментальной антропосферы приобретает особую актуальность. Сопоставительное исследование субсферы СЕМЬЯ в восточнославянских и англосаксонских лингвокультурах позволило проследить и установить различия в понимании базисных концептов, отражающих семейный уклад и семейные отношения. В дальнейшем представляется перспективным уточнить и расширить доминантный состав субсферы СЕМЬЯ на материале других языков и культур с целью проведения категоризации лингвокультур.

Список литературы / References

- BEDMUL: *Big Explanatory Dictionary of modern Ukrainian language. ch. ed. V.T. Busel* [Белукий тлумачний словник сучасної української мови; голов. ред. В. Т. Бусел]. Kyiv, Irpin, VTF "Perun", 2005, 1728.
- Boldyrev N. N. Fundamental and applied significance of the dominant principle of language consciousness for science and education [Fundamentalnoe i prikladnoe znachenie dominantnogo principa organizacii yazykovogo soznaniya dlya nauki i obrazovaniya]. *Sbornik tezisev professorskogo foruma 2020 "Nacional'nye proekty i professorskoe soobshchestvo"* [Proc. of Professorial Forum 2020 "National projects and professorial community"]. Moscow, 2021, 168–171.
- BTSRIA: *Bol'shoi tolkovyj slovar' russkogo jazyka: A-Ya* [Big Explanatory Dictionary of the Russian language A-Ya] sost. i gl. red. ed. S. A. Kuznetsov [comp. and ed. by S. A. Kuznetsov]. S-Petersburg, Norint, 2000, 1536.
- Chudinov A. P., Sergienko N. A., Glushak V. M. DOBRO, ZLO, PRAVDA, LOZH v russkoj, ukrainskoj, britanskoj i amerikanskoj lingvokul'turah: opyt psiholingvističeskogo jekspеримента [GOOD, EVIL, TRUTH, LIE in Russian, Ukrainian, British and American linguistic cultures: the experience of a psycholinguistic experiment]. In: *Sibirskij filologičeskij žurnal* [Siberian Philological Journal]. 2021, 2, 297–311. DOI 10.17223/18137083/75/21
- CODEE. *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford, Oxford University Press, 1993, 576.
- Dal V. I. *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Izdanie tov-va M. O. Vol'f, 1905, 2, 2030.
- Dal V. I. *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Izdanie tov-va M. O. Vol'f, 1909, 4, 1619.
- Dobrovol'skaja E. V. Konceptualizacija sem'i v russkoj jazykovoj kartine mira [Conceptualization of family in the Russian linguistic picture of the world]. In: *Avtoreferat dissertacii kandidata filologičeskikh nauk* [Abstract of the Thesis for the Degree of Candidate of Philology], 2005, 24.
- DUL: *Dictionary of the Ukrainian language: in 11 vv.* [Словник української мови: в 11 тт.]. Kyiv. Nauk. dumka, 1978, 9, 916.
- Goroshko E. I. Yazykovoye soznaniye (assotsiativnaya paradigma) [Linguistic Consciousness (associative paradigm)]. In: *dissertaciia doktora filologičeskikh nauk* [The Thesis for the Degree of Doctor of Philology], 2001, 287.
- Gumboldt V. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress, 2000, 396.

Il'ina E. Iu. Konceptualizacija vymysla v jazykovom soznanii i tekste [Conceptualization of fiction in linguistic consciousness and text]. In: *Avtoreferat dissertacii doktora filologicheskikh nauk [Abstract of the Thesis for the Degree of Doctor of Philology]*, 2009, 42.

Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v jazyke [Cultural dominants in the language]. *Sbornik nauchnyh trudov "Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty" [Collection of Scientific Papers "Linguistic personality: cultural concepts"]*. Moscow, 1996, 3–16.

Karasik V. I. Perspektivy razvitija sovremennoj lingvokul'turologii [Perspectives for the development of modern linguoculturology]. *Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii "Perspektivnye napravlenija sovremennoj lingvistiki" [Collection of Scientific Papers of International Scientific Conference "Perspectives of modern linguistics"]*. Moscow, 2020, 26–32.

Maslova V. A. Konceptualizacija i kategorizacija v jazyke s pozicii lingvokul'turologii [Conceptualization and categorization in language from the perspective of linguoculturology]. In: *Studia Rossica Gedanensia*, 2018, 5, 40–47.

Maslova V. A. Sovremennaja lingvokul'turologija: novye problemy i aspekty v issledovanija jazyka i kul'tury [Modern linguoculturology: new problems and aspects in the study of language and culture]. *Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchnoi konferencii "Obshhestvo, jazyk i kul'tura XXI veka" [Collection of Scientific Papers of International Scientific Conference "Society, language and culture of the 21st century"]*. S-Petersburg; Bishkek, 2021, 25–31.

MEDAL. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition*. Bloomsbury Publishing House, 2002, 1692.

Myshanych S. V., Pazyak M. M. *Ukrainian proverbs and sayings [Українські прислів'я та приказки]*. Kyiv, Dnipro, 1984, 389.

OED: Oxford English Dictionary [Available at: <https://www.oed.com> (accessed 18 March 2022)].

WFNIWEL: Webster's First New Intergalactic Wickedday of the English Language. Available at: URL: <https://openlibrary.org/works/OL1862872W/Websters%27> (accessed 11 May 2022).

Ozhegov S. I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]*. Moscow, Azbukovnik, 1997, 938.

PCSS: *Polnyj cerkovno-slavjanskij slovar' [Comprehensive Church Slavonic Dictionary]*. Moscow, Otchiy Dom, 2009, 1120. (reprint edition)

PRN: *Poslovice russkogo naroda [Proverbs of Russian people]* sost. V. I. Dal' [comp. by V. I. Dal']. Moscow, Yurayt, 2023, 1, 411.

Sergienko N. A. Lingvokognitivnye kategorial'nye bloki v strukture lingvomental'noj subsfery sem'ja v russkoj, ukrajskoj, britanskoj i amerikanskoj lingvokul'turah [Linguocognitive categorical blocks in the structure of the linguomental subsphere family in Russian, Ukrainian, British and American linguistic cultures]. In: *Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological sciences at MGIMO]*. 2018, 3(15), 32–39.

Sergienko N. A. Linguomental anthroposphere in focus of comparative linguocultural analysis. In: *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki [Scientific result. Issues of theoretical and applied linguistics]*. 2022, 1(8), 93–104. DOI: 10.18413/2313–8912–2022–8–1–0–6.

Shafikov S. G. Kategorii i koncepty v lingvistike [Categories and concepts in linguistics]. In: *Voprosy jazykoznanija [Issues of linguistic study]*. 2007, 2, 3–17.

The Webster's Dictionary. Available at: <http://www.websters-online-dictionary.org> (accessed 14 February 2022).

TSRI: *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. pod red. D. N. Ushakova [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vol. ed. by D. N. Ushakov]*. Available at: <https://ushakovdictionary.ru> (accessed 10 February 2022).

Vezhbitskysya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Acquisition]*. Moscow, Russkii slovari, 1996, 416.

Vorkachev S. G. Rossijskaja lingvokul'turnaja konceptologija: sovremennoe sostojanie, problemy, vektor razvitija [Russian linguocultural conceptology: current state, problems, vector of development]. In: *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. [News of RAS. Literature and Language]*. 2011, 70(5), 64–74.